ТАЙНЫ XX ВЕКА

АЛИНА ФЕРНАНДЕС

Мой отец — ФИДЕЛЬ КАСТРО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

На исходе XX века Куба остается последним оплотом социализма в Западном полушарии. Вот уже несколько десятилетий ее бессменным лидером является Фидель Кастро, имя которого по прежнему на слуху у миллионов людей во всем мире. Его дочь Алина Фернандес, появившаяся на свет в 1957 году, в своих мемуарах подробно и откровенно рассказывает о том каким был ее знаменитый отец о своих непростых отношениях с ним, о жизни на Острове Свободы.

-
- Генеалогическое древо
- Часть первая
- Часть вторая
- Часть третья
-

ТАЙНЫ XX ВЕКА

АЛИНА ФЕРНАНДЕС

МОЙ ОТЕЦ — ФИДЕЛЬ КАСТРО

УДК 929
ББК 63.3-8
Ф43

Серия основана в 1999 году
Перевод с французского
Фернандес А.
Мой отец — Фидель Кастро /Пер с франц Л В Синькевич — Минск «Родиола-плюс», 1999 -352 с, ил («Тайны XX века»)

© Родиола плюс 1999
© Синькевич Л В перевод 1998

Генеалогическое древо

В одной деревушке на северо-западе Англии жил-был мальчик. Звали маленького англичанина Герберт Эктон Клуз. А небольшая деревенька, в которой он проживал, имела длинное и звучное название — Ньюкасл-андэ-Лайм.

В одной испанской провинции жил-был мальчик по имени Анхель Кастро. А галисийская провинция, подарившая миру этого ангелочка, именовалась Луго.

И, наконец, далеко от Англии и Испании, во владениях великой Османской империи жил-был еще один мальчик. Родился и рос он в еврейской семье. Родители мальчика, ренегаты, выбросили из своей фамилии гласную. В результате перенесенной ампутации фамилия сократилась до Рус Маленький Рус, житель турецкой столицы, изо всех сил пытался удержаться на плаву в бурных потоках стамбульской жизни. Порой для этого приходилось заниматься делами не самыми благородными.

Итак, жили-были три мальчика, которые со временем превратились в юношей. Всех троих однажды посетила мечта о новой жизни в неведомых странах. В поисках ее все трое покинули родные края.

Это же произошло еще с одним юношей, которого звали Агустин Ревуэльта-и-Сан Роман. Этот юный житель Сантандера был потомком человека, имевшего при испанском дворе титул «рыцаря, покрытого перед королевой». В некоторых испаноязычных странах слово «покрытый» употребляют по отношению к мужчине, имея в виду состояние его крайней плоти. В случае же с предком Агустина Ревуэльты-и-Сан Романа речь идет вовсе не об этой интимной подробности, а о его привилегии не снимать головного убора, то есть оставаться с покрытой головой, перед Ее Величеством.

У каждого из четверых юношей были свои собственные основания для принятия столь важного решения. Но, несмотря на различия, была одна общая причина, во многом объясняющая желание молодых людей отправиться в дальние края. Все четверо были авантюристами. Все четверо придавали слишком мало значения своим корням. Всех четверых влекли власть, удача, деньги.

В один прекрасный день в конце прошлого столетия каждый из них оказался на борту корабля, с тем чтобы рассекать бурные воды океана и не менее бурные воды судьбы. Каждый из четверых полной грудью вдыхал воздух свободы, каждый жаждал великих перемен.

Так, следуя друг за другом чуть ли не гуськом, они прибыли в Гавану.

* * *

Англичанин Герберт Клуз обладал очень тонким, поистине необыкновенным обонянием. Увы! Это не распространялось на его способность чуять удачу. Здесь нюх подводил его.

Один из испанцев, галисиец Анхель Кастро, сошел на кубинский берег в качестве солдата испанской армии, завербованного на службу без его желания. Будь на то его воля, юный Кастро сошел бы на чужой берег в несколько ином амплуа.

Турок Рус был разочарован приездом на остров. Впрочем, он все же смог извлечь некоторую выгоду из той неразберихи, которая возникла в результате колониальной войны. Бывший житель Стамбула присвоил себе типичное для жителя острова имя Франсиско.

У юного испанца из Сантандера имелось при себе рекомендательное письмо. Вскоре потомок «рыцаря, покрытого перед королевой», принялся за торговлю тканями и женился на Марии. А через некоторое время на свет появился Маноло Ревуэльта.

На Кубе наших авантюристов ждали женщины, вместе с которыми им предстояло сотворить свое потомство. Кубинки были прекрасны. Они являли собой великолепный результат смешения различных рас и национальностей. Здесь были дочери испанок и негритянок. Их горделиво вздрагивающие ноздри говорили о непокорности, а мягкая поступь, напротив, внушала мысль о кротости. Здесь были дочери китайцев и мулаток, богатых французов и чернокожих гаитянок, кровь которых из поколения в поколение все больше и больше светлела.

* * *

Понадобилось не так уж много лет для того, чтобы скрестились судьбы семейств Клуз, Кастро, Рус и Ревуэльта.

Один из авантюристов, испанец Анхель Кастро, вынужден был возвращаться в свою страну с низко опущенной головой. Война за независимость Кубы сделала из него побежденного. Это была героическая война, длившаяся три года, с 1895 по 1898 год. В результате ее рабы получили свободу, а восточные провинции острова совсем опустели, потому что, следуя всепоглощающему

свободолюбивому порыву, mambis, восставшие кубинцы, сжигали поля с сахарным тростником, а их жены, mambisas, предавали огню жилища.

Когда испанское правительство вывело колониальные войска с острова, Анхель получил небольшое денежное вознаграждение, которого ему с лихвой хватило, чтобы вернуться на Кубу, столь ему полюбившуюся. В крови Анхеля Кастро присутствовала неистребимое желание лукавить. Это было своего рода призвание, дар неба. Испанец Кастро отлично знал, как распорядиться этим даром.

Он купил клочок в недрах одной из восточных провинций острова и занялся строительством фермы в местности, имеющей название Биран. В ночное время суток Анхель не дремал. Он занимался тем, что потихоньку передвигал забор, увеличивая таким образом площадь своего земельного участка. Так, под покровом ночи, он шел к своей цели. В конце концов он стал самым богатым и влиятельным человеком в округе. Он женился на Марии Луисе Арготе, которая родила ему двух детей — Педро Эмилио и Лидию.

Он обеспечил себя дешевой и к тому же очень покорной рабочей силой, нанимая на работу сроком на четыре года земляков из далекой галисийской деревни. Он обещал этим людям способствовать их материальному процветанию, при этом вынуждал их покупать продукты только в его лавке. По истечении же четырех лет Анхель Кастро под каким-нибудь благовидным предлогом уводил работников подальше от глаз людских. После этого их никто больше не видел.

Англичанин Клуз был впутан в войну за независимость Кубы совершенно случайно. Будучи морским инженером, он много путешествовал. Во время этих путешествий он по достоинству оценил важность ценных пород древесины. Бывший житель северо-западной Англии стал владельцем лесопильного завода. Затем он принялся за торговлю оружием, которое поставлялось восставшим кубинцам, знаменитым mambis, для борьбы против испанских колонизаторов. Но об этих деяниях Клуза в конце концов стало известно властям, в результате чего поставщик оружия впал в немилость и был гоним испанцами. Тогда англичанин Присоединился к повстанцам и закончил войну в звании полковника.

Снимок многолетней давности запечатлел его голым во время купания в реке.

Окруженный ореолом борца за освобождение острова, Клуз пользовался особым доверием у новых властей. Ему и нескольким другим инженерам было поручено построить в Гаване первый

участок Малекона, бульвара, берущего начало в той самой гавани, в которой пират Морган передумал прятать свои несметные сокровища. Затем англичанин волею судеб оказался в провинции Пинар-дель-Рио, на самом западе острова, в местности с названием Биран, где находились владения Анхеля Кастро. Здесь Клуз построил электростанцию и женился на Наталии Лорето Альварес де ла Вайина. У них родилось четверо сыновей и одна дочь, которую они окрестили Натикой. Натика была великолепна. Она воплощала в себе фатальную красоту, явившуюся в мир вместе с новой эпохой.

* * *

Франсиско Руса ожидал совсем иной удел. Будучи склонным к апатии, он после первых же ударов судьбы признал себя побежденным. Понадобилось ни много ни мало как ветер поражения, магические куски кокосового ореха, кости, а также увесистые удары палкой жены Доминги, его черной жемчужины, чтобы турок зашевелился и, преследуемый нищетой, перебрался с одного конца острова на другой.

В одно прекрасное утро он усадил жену и троих своих дочерей на телегу, запряженную парой быков. Оставив за собой Артемису, небольшая семья проехала более тысячи двухсот километров, прежде чем остановилась в Биране. Младшую из трех дочерей турка Руса звали Линой.

Фамилия Ревуэльта не числилась среди знаменитых и блистательных, хотя ее носил рыцарь, «покрытый перед королевой». В Сантандере эта фамилия ассоциировалась прежде всего со словом «процветание». На протяжении долгого времени представители этого семейства занимались коммерцией, благославляя на этот же род деятельности своих отпрысков. Но креол Маноло, сын Агустина Ревуэльта-и-Сан Романа и Марии Луисы, коренной житель острова, не чувствовал себя обязанным заниматься проблемами собственного состояния. Его не привлекала идея обогащения. Это был мужчина, при виде которого у женщин учащалось сердцебиение. Он соблазнял представительниц слабого пола своими полузакрытыми, словно во сне, глазами. Взглядом этих полузакрытых глаз он, казалось, проникал под одежду.

Маноло отличался какой-то светящейся и щемящей душу красотой, но при этом обладал мощным, властным темпераментом. Он гулял по жизни, вооруженный гитарой и волнующим голосом трубадура.

Но, откровенно говоря, этот трубадур с чарующим голосом и обворожительным взглядом не видел дальше собственного носа. Он полюбил вкус коктейля, который готовился из кубинского рома, листьев мяты и сахара.

Эта изысканная отрава под названием mojito навсегда пленила его. При малейшей возможности Маноло становился гостеприимным вместилищем этого напитка, а попросту говоря, он частенько напивался.

* * *

XX век уже понемногу вступал в свои права. Ленин, вдохновленный идеями уже почивших в Бозе Маркса и Энгельса, сидел в тени каштанов у фонтана Медичи в глубине Люксембургского сада и пытался ответить на вопрос: «Что делать?»

Он испробовал все удовольствия, которые предоставляют Дома терпимости, и даже имел честь быть отмеченным болезнью, о которой обычно предпочитают не распространяться. Он находился под надежным крылом французского правительства, которое поддерживало изгнанника материально. «Что же еще сделать?» — спрашивал он себя. Во вселенском бормотании фонтана он услышал ответ на свой вопрос. Он, как одержимый, принялся что-то записывать, а затем с видом человека с успокоенной совестью он позволил себе отдохнуть, твердо зная, что ему делать. Через некоторое время Ленин вернулся в Россию.

* * *

Франсиско Рус и Доминга пересекли весь остров, кое-как примостившись на своей несчастной телеге. По прибытии в Биран супругам ничего не оставалось, как вместе со всеми своими дочками броситься в воду.

Доминга скрепя сердце решилась на последнее. Придя к бывшему солдату испанских колониальных войск, а ныне весьма влиятельному человеку в Биране, она с надеждой в голосе сказала, а вернее, предложила:

— Дон Анхель, все, что у нас есть, это мое умение колдовать и мои дочери. Выбирайте любую из трех и позвольте нам жить в той хижине, что наверху…

Дон Анхель по достоинству оценил живость самой маленькой, которая была ровесницей его дочери Лидии. Эта

девочка не отличалась излишеством щепетильности, но зато она была до краев переполнена радостной и непокорной энергией, которой так недоставало послушным и оттого наскучившим крестьянкам, которых дон Анхель столько раз брюхатил, не затрачивая времени на уговоры и соблазны.

— Я беру Лину.

Лине, дочери турка и кубинской колдуньи-метиски, в чьих жилах текла горячая африканская кровь, в скором времени предстояло пережить очень важное событие, которое опечалило ее до слез: на своих штанишках девочка обнаружила кровь первой менструации, которая практически смешалась с кровью, сопровождающей акт потери невинности.

В это время англичанин mambi, живущий со своей семьей в кубинской столице, разговаривал с прекрасным до неприличия созданием, которое приходилось ему никем иным, как родной дочерью Натикой, одного появления которой было достаточно для срыва спектакля или нарушения трамвайного движения. Отец пытался убедить свою прелестную дочь не выходить замуж за некого инспектора по надзору за общественными работами. Любящего родителя настораживало то, что кандидат в мужья его возлюбленного чада страдал тягой к алкоголю. Освежая свой испанский англо-саксонской прохладой, отец предупреждал: «Это будет несчастьем всей твоей жизни».

Натика, одна из красивейших и изысканнейших женщин Гаваны, муза кутюрье и поэтов, сочеталась законным браком с Маноло Ревуэльтой, нежнейшим и обворожительнейшим пьянчужкой, у которого не было ни гроша в кармане, но который славился искусством разбивать женские сердца. Вскоре на свет под знаком Стрельца появилось прелестное создание женского пола.

Дон Анхель, галисийский касик одного небольшого владения, удаленного от кубинской столицы, тот самый дон Анхель, который одним нежным, но умелым и уверенным движением сбросил платье с девочки, незаметно для себя влюбился в эту резвую девчушку и с удвоенным любовным пылом продолжал награждать ее детьми. Третий по счету ребенок родился утром, под знаком Льва. Окинув взглядом небо, черная жемчужина Доминга опустилась на колени, поцеловала землю и сказала Лине: «Из всех твоих детей только этот ребенок станет великим».

Дети Натики и Лины получили имена Наталия и Фидель. Они родились на конечностях того самого каймана, который сел на мель и который люди называют Кубой. Этих детей разделяли всего лишь четыре месяца и несоизмеримо разные условия жизни.

Маленькую Нати окрестили. Для Фиделя же ритуал крещения

был исключен, поскольку он был внебрачным ребенком. Мальчик родился бастардом.

В самых отдаленных тайниках души дона Анхеля жило благородство, надежно прикрытое тщеславием. Касик поговорил со своей женой Марией Луизой о том, как несправедливо он относился к детям Лины, появляющимся на свет не без его участия. Впрочем, благородные душевные порывы дона Анхеля не рождали в нем энтузиазма по поводу раздела его феода. «Что делать?» — задавал себе вопрос галисийский касик, более озабоченный бренными земными заботами, нежели возвышенными философическими проблемами.

Прежде чем прибегнуть к помощи суда, в задачу которого входило определение степени вины обоих супругов в сложившихся отношениях, дон Анхель передал своему старому куму, Фиделю Пино, большую часть своей собственности. К моменту бракоразводного процесса с точки зрения закона галисиец считался разоренным.

Результатом такой активности дона Анхеля явилось то, что по решению суда Мария Луиса получила от своего супруга гораздо меньше денег, чем следовало того ожидать. Сам же галисиец обязан был после развода оставить при себе одного из двух детей. Им оказался сын Педро Эмилио.

Выждав необходимое время, кум Фидель Пино вернул в сундуки Анхеля все, что тот передал ему на хранение перед разводом. Поистине, нет ничего важнее надежного друга.

Лидия превратилась в Перфидию, то есть стала олицетворением коварства и вероломства, с той самой минуты, как ей пришлось покинуть надежные и недосягаемые стены отцовского поместья, сменив его на ветхое жилище, оставленное любовницей отца. В этом обветшалом доме предстояло жить и бывшей жене Анхеля Кастро, Марии Луисе.

Маленькая Нати выросла у домашнего очага, который странно сочетал в себе матриархальное поведение мамы Натики и экзистенциальное отчаяние папы Маноло. У Нати были зеленые глаза в пол-лица и грустный взгляд юной старушки. На ее детские годы выпало немало страданий. В двухлетнем возрасте Нати пережила ацидоз, болезнь, загубившую сотни детских жизней. Натика сходила с ума от отчаяния при виде детских страданий. Малышка чахла от непрекращающейся рвоты. Однажды утром измученной матери показалось, что девочка мертва. Она бессильно опустилась в кресло, собираясь оплакать свое горе, как вдруг ей явился черный ангел. В его роли выступала Нати собственной персоной. Девочка была донельзя испачкана фасолевым пюре, которое она нашла в кухне и уплетала за обе

щеки прямо из кастрюли. Таким действенным способом она выразила свой протест против многодневной жидкой диеты. Это был первый случай выздоровления, и это была революция в педиатрии. Детская медицина обогатилась новым методом лечения ацидоза.

Нати возобновила свой медицинский опыт в пятнадцатилетием возрасте, когда заболела бруцеллезом. В течение нескольких месяцев она пребывала в лихорадочном бреду. Чтобы хоть немного сбить жар, девушку опускали в ванну со льдом.

Затем наступила очередь лептоспироза. А через некоторое время его сменил гепатит. После этого Нати умудрилась быть укушенной за небо бешеной собакой.

Несмотря на все перенесенные заболевания, Нати росла и хорошела. Сначала она превратилась в красивую юную девушку, а немного погодя преобразилась в модную женщину, у которой отбоя не было От приглашений. Она пользовалась огромной популярностью в Гаване за радостный смех, за прекрасные белокурые локоны, за смуглую кожу и прелестную фигуру креолки.

* * *

Маленький Фидель и его старшие братья встретили свои первые рассветы в хижине под соломенной крышей в северной части фермы, где их бабушка Доминга и мама Лина время от времени призывали в помощники добрых духов, используя для этого свечу, воду в стакане и заклинания.

Фидель отличался прекрасным здоровьем, которому не смогли повредить даже его многочисленные попытки подняться в воздух. Желание полететь возникло у мальчика, когда ему не было и пяти лет.

Свою учебу он начинал в маленькой деревянной школе, удаленной на много километров от фермы. Каждое утро детям приходилось протаптывать дорогу в густых зарослях. Маленький Фидель всегда шел последним, потому что он имел странную привычку делать три шага вперед и один назад.

Он очень любил идти навстречу солнцу, не отводя взгляда от его слепящего света. Он как будто хотел посостязаться с дневным светилом — кто кого пересмотрит, кто первый опустит глаза. Безжалостное солнце слепило Фиделя. Его глаза воспалялись. Мальчик приходил в ярость от того, что не может победить в этом поединке. Он не любил проигрывать.

Когда Лина наказывала детей за шалости, пуская в ход ремень, все сразу же разбегались, стараясь ускользнуть от ударов. И только Фидель сам спускал штанишки и подставлял обнаженные ягодицы со словами: «Бей меня, мама». Разумеется, после этого у матери рука не поднималась, чтобы ударить сына.

Свое первое в жизни унижение он испытал, увидев сводного брата, Педро Эмилио, гарцующим на лошади рядом с отцом. Фидель вместе с другими сыновьями Лины стоял в это время, словно безмолвная тень, в стороне. Фидель рано понял, как дону Анхелю удается удержать на земле своих работников. Когда Лина заняла место Марии Луизы, жизнь преобразилась. Теперь дети смогли оставить маленькую сельскую школу, с тем чтобы продолжить учебу — уже под фамилией Кастро — в лучших школах Сантьяго-де-Куба, столице провинции Ориенте. Еще более счастливым событием для Фиделя стал тот день, когда его отправили учиться в Гавану. Теперь можно было забыть обо всех неприятностях прошлого, о том, что ему мешало в прежней жизни. Все это оставалось где-то там, далеко позади, покрываемое туманом забвения. От осознания этого сердце юноши ликовало.

* * *

Нати была обречена на удачи. Фортуна смотрела на нее влюбленными глазами. Все, за что бы девушка ни бралась, получалось не просто хорошо, а великолепно. Если она брала в руки теннисную ракетку, то обязательно выигрывала сет, если соревновалась в плаваньи, то непременно становилась победительницей. Стоило ей обратить свой взор на мужчину, как вскоре этот представитель сильного пола оказывался у ее ног.

Прошло какое-то время, и в жизни Нати произошло очень неприятное событие, повлекшее за собой значительные перемены в судьбе. Девушку неожиданно сразила сокрушительная по силе болезнь. Ее аппендикс сильно воспалился, и его прорвало. Благодаря воспаленному отростку слепой кишки Нати познакомилась с доктором по имени Орландо Фернандес-Феррер. Молодой врач, с первого взгляда безумно влюбившийся в полные совершенства внутренности Нати, предложил ей руку и сердце.

Она родила от него дочь, дав ей имя Натали.

Утомленная вечно сопутствующим ей неразделенным успехом, Нати почувствовала внутри себя неодолимую потребность поделиться удачей с другими. И она обратила взор своих прекрасных глаз в сторону несчастных жертв прогнившей

республики. Она вступила в Лигу женщин Хосе Марти. Эта организация была проникнута духом антиимпериализма. Перед участницами Лиги стояла задача следовать заветам неисправимого романтика, борца и апостола, коим являлся Хосе Марти. Нати открыла для себя новую, неординарную личность. Это был Эдуардо Чибас, лидер Ортодоксальной партии. Нати увлеклась его идеями.

Чибас обвинил министра кубинского правительства в том, что тот пользуется государственными деньгами. Но в августе 1951 года во время радиотрансляции он признал свою несостоятельность в том, чтобы представить доказательства обвинений, брошенных в лицо правительству, и выстрелил себе в голову. Нати омыла свои руки в крови человека, который отказался жить с клеймом лжеца.

В то время, когда доктор Орландо изнемогал от любви к прекрасной Нати, Фидель ослепил очаровательную девушку по имени Мирта Диас Баларт. Семья прелестной девушки не была чужда политике. Ее дядя занимал пост министра внутренних дел.

Фидель и Мирта поженились. У них родился сын, названный Фиделито.

Не закончив учебу на юридическом факультете и не имея никакой специальности, Фидель бросился в различного рода коммерческие предприятия. Он пробовал разводить цыплят на крыше своего дома, продавал жареную рыбу на углу одной из улиц старого города. Все эти попытки не увенчались успехом.

И тогда он решил поставить свою предприимчивость на службу политике. Он сумел избавиться от стоящих на его пути соперников и, поднявшись на гребне волны, рожденной своевременными случайностями, сначала вышел в студенческие лидеры, а затем стал кандидатом на пост представителя Ортодоксальной партии, занять который страстно стремился брат Чибаса. У Фиделя была безупречная выправка и обворожительная дерзость.

Слухи о причастности к самоубийству Эдуардо Чибаса Фиделя Кастро, являвшегося одним из возможных преемников на пост лидера Ортодоксальной партии, не достигли ушей Нати. Она продолжала жить с непоколебимой верой в честность и порядочность представителей рода человеческого.

Фидель получил ключ, отправленный в конверте из бумаги верже, источающей тончайшие ароматы Arpege и Lanvin. Ключ, лежащий в конверте, был от одной из квартир, расположенных в квартале Ведадо. Этот ключ, преподнесенный с необыкновенной грацией и подкупающей искренностью, был предназначен для служения делу Ортодоксальной партии. Под письмом,

сопровождающим необыкновенный подарок, стояла лодпись. Она принадлежала юной женщине по имени Нати Ревуэльта. Еще две копии ключа от своего жилища Нати отправила двум другим лидерам партии. Она не выделяла своим особым расположением никого из троих адресатов.

Нати часто забывала о том, что своей яркой красотой и неотразимым обаянием она доводила мужчин до предынфарктного состояния. И уж во всяком случае в данной ситуации она отводила себе роль анонимного борца за справедливость, а не прелестной красотки.

Вскоре после получения благоухающего конверта с ключом Фидель появился в доме у Нати. Он очень хорошо выглядел. На нем были безупречно выглаженные брюки с тщательно наведенными стрелками и его лучшая, накрахмаленная guayabera — нечто среднее между курткой и рубашкой из легкой ткани. Под guayabera у Фиделя висел амулет, которым его снабдила бабушка, надеясь таким образом уберечь внука от несчастий. После того как молодой человек подвергся крайне тщательному осмотру со стороны ясновидящей служанки, ему пришлось в качестве колючего довеска ощутить на себе холодный инквизиторский взгляд матери Нати. И только после этого строжайшего экзамена о его приходе было сообщено владелице ключа.

Как только Нати появилась в вестибюле и молодые люди взглянули друг на друга, они, словно пораженные ударом молнии, ослепли и оглохли. Они сразу же сблизились, сфокусировав весь мир друг на друге. Для нее эта связь прежде всего ассоциировалась с началом собственной политической деятельности, захватывающей и мятежной, как сама юность. Для него была притягательна сама Нати с ее молодостью и красотой. Он стоял перед храмом и жаждал в него войти. Нати пригласила его в свой теннисный клуб. Он пригласил ее на студенческую демонстрацию, которая должна была состояться Возле гаванского университета.

Фидель, разумеется, не пришел в теннисный клуб, поскольку клубы шли вразрез с его идеей о справедливом обществе. Свое присутствие там ему Казалось столь же неуместным, как появление в клубе его товарища Кукарачи, с которым они когда-то вместе торговали жареной рыбой. Дело в том, что Кукарача был черным, как уголь.

Что же касается Нати, то она ничуть не боялась участия в студенческой демонстрации. Для опасений не было ни малейшего основания. Нати была так же юна и хороша собой, как большинство студентбк. А одета она была намного лучше

прелестных участниц демонстрации.

Там, среди толпы разбушевавшихся молодых людей, выступающих против расправы, происшедшей более полувека назад, Фидель и Нати встретились вновь. Их встреча произошла как будто случайно. Но волшебница-судьба нередко рядится в одежды совпадений. Фидель вел Нати через людской поток к импровизированной трибуне, где он произнес первую и, возможно, самую лучшую свою речь. Выступление Фиделя вскоре было прервано полицейскими, раздраженными чудовищным затором, возникшим на улице. Полицейских поддерживали водители машин, сигналя в знак протеста против нарушения движения.

Нати вернулась домой ночью, но ей не пришлось объясняться по поводу долгого отсутствия. Орландо был в это время на дежурстве в больнице, а маленькая Натали спала мирным сном, надежно охраняемым служанкой. Единственным человеком, который заметил свет решимости, льющийся из обычно ласковых глаз Нати, была кухарка Чуча. Но Чуча предпочла оставить без комментариев обнаруженные перемены в выражении прекрасных глаз молодой хозяйки.

* * *

Фульхенсио Батиста был стенографистом в армии, неся службу в ранге сержанта. Он заставил говорить о себе в середине тридцатых годов. Батиста распалил умы военной касты и стремительно продвинулся по службе. В 1940 году он был избран президентом и правил до 1944 года. Будучи армейским генералом, он топил в крови всякую гражданскую власть, истреблял без счета человеческие жизни. А в марте 1952 года Батиста совершил государственный переворот и объявил себя президентом Республики Куба. Весь остров почувствовал себя глубоко оскорбленным.

* * *

Эта ночь для Мирты была особенно тревожной. Ее муж сам назначал лекарства маленькому Фиделито. Результатом отцовской заботы явилось событие этой ночи, отмеченное следами трагедии: несчастный ребенок умирал на руках у матери, измученный бесконечными приступами рвоты и поноса. По счастливой случайности, Фидель оказался неподалеку. Вместе

с ним был детский врач. Доктор сразу установил, что у ребенка сильнейшее отравление, причиной которого явился переизбыток витаминов в организме. По мнению отца, увеличенная доза витаминов должна была способствовать увеличению веса ребенка. Дело в том, что Фиделито родился очень хилым. Его вес был намного ниже нормального.

На следующий день врач нарушил профессиональную этику, пожаловавшись родственникам Мирты. Но ему не хватило силы убеждения, чтобы одержать полную победу над потревоженной гордостью, за которой эти люди обычно скрывали свое истинное отношение к неразумным поступкам Фиделя. В свою очередь, родственники Мирты не смогли убедить ее в том, что она живет в обстановке постоянной опасности.

* * *

После смерти знаменитого Чибаса Фидель, недавно вышедший в официальные партийные лидеры, решил перейти к активным действиям. Он организовал работу подпольных ячеек.

Город Сантьяго был избран Фиделем для первого его выступления. Гавана осталась обделенной по той простой причине, что Фидель не очень хорошо ее знал. Под видом занятий по военной подготовке, которые обычно проводились в конце недели, он собирался повести на взятие самой мощной крепости провинции группу военных, ничего не подозревающих о своем великом предназначении.

Нати была в курсе всех деталей плана атаки. Она сделала все от нее зависящее, чтобы этот план мог осуществиться. Нати продала все свои украшения, а деньги, вырученные от продажи, отдала мятежникам на покупку оружия. Кроме того, Нати было поручено распространить листовки в Гаване одновременно с началом атаки в Сантьяго.

Нати в какой-то мере лишилась чувства реальности. Находясь под чарами не только любовными, но и колдовскими, она готова была ради Фиделя пройти все мыслимые и немыслимые испытания. Приняв решение следовать за Фиделем повсюду, она написала своему мужу Орландо письмо, в котором признавалась в своей преступной любви. После этого признания жизнь всех ее домашних превратилась в ад.

А вот как разворачивались события в Сантьяго. Фидель, как всегда, забыл учесть человеческий фактор. В результате многие из тех, кому предстояло атаковать казарму, так и не поняли, что происходит. Участники штурма полагали, что занимаются

военной подготовкой. Гаванцы заблудились в извилистых улочках Сантьяго. Действуя по недостаточно точному плану, они пошли на штурм казармы в то время, когда половина солдатни возвращалась с карнавала. Таким образом, повстанцы оказались между двух огней. Все закончилось беспорядочным бегством и резней. В возникшем хаосе трудно было отличить своих от чужих. Поскольку поражение не входило в план руководителей восстания, то его участники просто разбежались, как крысы.

Благодаря этому нашумевшему событию Фидель приобрел известность. В отличие от многих участников штурма казармы Монкада, он остался цел и невредим. Возможно, его хранили святые, которым поклонялась Лина. А может, в дело вмешались африканские фетиши его бабушки Доминги. Как только до родных Фиделя дошла тревожная весть, мать и бабушка сразу же принесли в жертву нескольких коз и кур. Вероятно, это тоже сыграло свою роль в судьбе главного организатора штурма Монкады. Не следует упускать из виду также тот факт, что Фидель был женат на племяннице министра внутренних дел. В итоге он был приговорен к не слишком строгому тюремному заключению на одном из островов.

За те два года, которые Фидель провел в заключении, Нати пережила самое настоящее раздвоение личности. Одна ее часть была в Гаване, с семьей, а вторая находилась рядом с узником. Нати хотела разделить с Фиделем все тяготы его тюремной жизни. Благодаря ее необыкновенным письмам, ведомый ее пылкой и нежной душой, он, строчка за строчкой, приближался к свободе. Она подробно описывала ему все события каждого дня и даже часа. Ее письма были наполнены цветами, запахами и движениями… В этих письмах присутствовали живые люди, а не жалкие упоминания о них… И все это было окутано романтическим идеализмом, мечтами о справедливом обществе, о человеке в этом обществе.

Она щедро одаривала вниманием осужденного мятежника, посылая ему книги и сладости.

Нати отправила письмо Лине, сразу же покорив ее материнское сердце. Она написала также Раулю, младшему брату Фиделя. Тот ответил на внимание «сестренки» нежными письмами. Наконец, она предложила свою помощь Мирте и ее малышу.

Нати стала доверенным лицом мятежников, их Принцессой.

Фидель отвечал ей страстными письмами. Он читал книги, полученные от Нати, отправляя ей свои комментарии к прочитанному. Заполняя чистые страницы мелкими буквами, он возносился до удивительных высот человеческого духа, а затем

принимался мечтать о потайной дверце Нати, которую он ни разу не открыл, и отдавал себя во власть онанизма.

Они вели регулярную переписку. Это был своеобразный, ни на секунду не прерывающийся разговор. Казалось, что оба они находятся на необитаемом острове. Один из островитян поучает, а другой внимает, боясь пропустить хоть одно слово учителя. Этот остров мог внезапно отдать швартовы и отправиться в рискованное кругосветное плаванье, увозя с Собой и этих двоих, растянувшихся на траве, — его, неутомимо декламирующего, и ее, с обожанием вслушивающуюся в волшебные звуки Его голоса.

Фидель вел переписку также со своей супругой Миртой. Иногда он, утомленный эпистолярным искусством, делал копии своих манускриптов. Однажды вечером тюремный цензор, расшифровывающий с помощью лупы два экземпляра письма, спутал адреса. Не исключено, что он сделал это умышленно. В результате этой ошибки (если она являлась таковой) Мирта узнала, что у него есть другая женщина. Это открытие доставило Мирте немало страданий. Она чувствовала себя оскорбленной.

А Нати, получив письмо, предназначенное жене Фиделя, вернула его, даже не распечатав. Такова была ее месть.

Почти сразу же после условного освобождения Фидель получил развод. А Нати продолжала оставаться женой доктора Орландо, который не видел причин для развода в этой платоническо-идеологической любви.

После долгих месяцев эпистолярного неистовства любви Фидель причалил в уютную и надежную гавань ласковых рук и нежного взгляда Натали. Он, наконец, обрел пристанище в объятиях этой пламенной и преданной женщины и пообещал своей зеленоглазой звезде, проникшей теплыми лучами в его сердце, подарить ей все сияние, весь блеск и все величие земли, на которой им обоим довелось родиться и жить.

Они тайно встречались на квартире, снимаемой третьим лицом. Именно там, на этой квартире, однажды после полудня была зачата Алина.

Несколько месяцев спустя, во время ссылки в Мехико, Фидель узнал о беременности Нати, ответственность за которую пылкая возлюбленная с нежностью приписывала ему. У него были сомнения, и он назначил ей встречу в Нью-Йорке, надеясь на ее скорый прилет. Увы! Фидель не учел того, что беременная женщина — это не воздушный шар, который, расставшись *с* балластом, может легко подняться вверх.

Нати не приехала, и он почувствовал себя разочарованным и обманутым. Но разве можно было сомневаться в этой женщине, зная ее силу самопожертвования? Она бы, конечно, обязательно

прилетела, если бы не была приговорена к абсолютному покою в связи с приближающимися родами.

Нати в самом деле была вынуждена бездействовать. Какой бы своенравной и норовистой ни была новая зарождающаяся жизнь, она все же не в силах была нарушить законы всемирного тяготения. Благодаря монументальной неподвижности и многочисленным подушкам эта новая жизнь пришла в мир в положенное время и в нормальном состоянии. Поток крови, более неистовый, устрашающий и опустошающий, чем само землятресение, оставил без сил двух женщин — маму и дочь. Это произошло 19 марта 1956 года.

* * *

На протяжении всех тех долгих месяцев, которые Нати провела в неподвижности, она ежедневно писала письма Фиделю. Письма шли беспрерывным потоком. Обычно они сопровождались газетными вырезками. Так Фидель узнавал об основных событиях, происходящих на Кубе. Нати стала его добровольным секретарем, политинформатором, стремясь, как и прежде, помогать ему.

Мог ли он после всех этих проявлений искренней любви сомневаться в ее чистосердечии? И тем не менее Фиделю требовались другие подтверждения. Он обратился за помощью к своей сводной сестре Лидии, прозванной Перфидией, то есть коварной. Эта женщина в свое время хорошо сориентировалась в обстановке и присоединилась к делу повстанцев. Сейчас Лидии Перфидии было поручено изучить все пятнышки и отметины на теле новорожденной.

Визит мужеподобной Лидии трудно было назвать дружеским. Но Нати встретила ее, как посланницу Неба.

— Как вы назвали малышку? — спросила Перфидия.

— Алиной. А-лина, в честь ее бабушки…

— Я могу увидеть девочку? Фидель попросил меня хорошенько на нее посмотреть.

— Конечно! Конечно же, можете! Тата Мерседес, принесите ребенка!

Лидия Перфидия приподняла левый рукав распашонки, в которую была одета малышка.

— По крайней мере, я вижу треугольник из трех родинок.

Затем. Лидия Перфидия перевернула младенца на животик, чтобы хорошо рассмотреть левую ножку.

— Вот это пятнышко под коленом! Эта малышка — Кастро! — торжественно объявила гостья.

Вместо того чтобы почувствовать себя глубоко оскорбленной, Нати испытывала совсем другие чувства. Ее признали, и она была признательна за это.

— А это подарки от Фиделя.

Мать получила что-то наподобие цирковых колец и браслет из мексиканского серебра. Дочери достались платиновые серьги с жемчужинами.

Нати чувствовала себя так, будто она получила признание богов Олимпа. Теперь, наконец, она могла спокойно отдохнуть.

* * *

Когда Фидель высадился с борта крохотной яхты на берег, где его поджидала смерть, едва ли не самым близким человеком для Нати стала мать Фиделя.

Лина отправилась в Гавану, чтобы познакомиться со своей внучкой. Сжав руку Нати, она сказала:

— Не бойся, девочка моя. Сегодня ночью мне явился апостол Яков на белом коне. Он сказал, что мой сын жив.

Успокоив таким образом Нати, она добавила:

— Я не уйду из этой жизни, не позаботившись о своей внучке. Я заложила бриллианты кассиру поместья в Биране. Они достанутся Алине.

Нати оправилась от родов так же быстро, как и от всех своих катастрофических заболеваний.

Вступая в конкуренцию с журналом «Life», она пыталась подсластить пребывание Фиделя в горах Сьерры-Маэстры, отправляя ему самые изысканные сладости. В роли посланницы иногда выступала мать Нати, Натика. Несмотря на презрительное отношение к этому «подонку общества», она поддерживала свою дочь в ее мнении о том, что у Алины должен быть отец. Впрочем, проблема отцовства остро не стояла, поскольку Орландо, прекрасно обо всем осведомленный, повел себя как истинный рыцарь и великодушно предложил зарегистрировать новорожденную на свое имя, во избежание возможных неприятностей для девочки в будущем. Подвергая свою жизнь опасности, Натика относила к подножию Сьерры-Маэстры деньги и горы шоколада. Несчастная женщина всегда была фаталисткой, покорной своей судьбе.

Фидель очень любил французские лакомства от Потена, самой знаменитой кондитерской Ведадо. С одинаковым обожанием он относился к шоколаду и литературе. Нати же получала от него в качестве сувениров стреляные гильзы.

Нати необходимо было отрешиться от реальной жизни, чтобы вынести все оскорбительные слухи об отцовстве ребенка и чтобы не думать о будущем, которое с трудом обрисовывалось. Ей нужно было потратить немало сил, чтобы не согнуться под тяжестью грусти, которую щедро сеяла вокруг нее любовь. Но именно благодаря этой любви она смогла пережить и грязные слухи, и тревожные мысли о будущем, и грусть, рожденную любовью.

Когда почти три года спустя Фидель вошел в Гавану с победой, убившей в нем всякое уважение к людям, он был уверен, что вся эта история осталась в далеком прошлом. Ребенок перестал быть символом любви. Он превратился в помеху, в живой упрек. Он породил у Фиделя комплекс вины. Если ключ, когда-то предложенный молодой красивой гаванкой, открывал перед Фиделем страну чудес, то этот ребенок, напротив, делал невозможным вход в эту прекрасную страну.

Я родилась странствующей душой и всегда таковой оставалась. Так что же так долго удерживало меня в Гаване? Почему я не покинула этот город намного раньше? Ответ на этот вопрос необыкновенно прост. Гавана была для меня тем городом, в котором хотелось бы прожить всю свою жизнь…

Со всех сторон к городу подступало море, и вместе с ним повсюду распространялся запах селитры, приводя в брожение воздух Гаваны. Поэтому этот город был вечно новым. Он всегда источал запах только что распиленной древесины, а его палитра красок дышала свежестью.

Город, напоенный солнцем и солью. Колдовской город. Он весь был пропитан дурманящими запахами. В нем всегда царила особая атмосфера. Его белые ночи опьяняли и сводили с ума. Я не знаю другого города в мире, который был бы настолько женственным, как Гавана.

В старом квартале Гаваны — с его каменными строениями, потемневшими от дыма и времени, с витражами, венчающими полумесяцами огромные окна зданий, с витыми решетками многочисленных балконов — кастильская мужественность скрывалась за изобилием изогнутых линий.

Приходя в старый квартал, этот пуп города, вы попадали во власть его черепичных крыш, деревянных обшивок и колонн, теней и узких мощеных улочек, которые уносили вас в тихую гавань сиесты. Ее одежды были окрашены в пастельные тона. Она ждала вас там, между колонн, под арками.

К тому времени, как просочиться в жилища горожан, воздух города терял свой экстравагантный, головокружительный колорит. В поисках этой потери кубинцы бросались в объятия

ночной Гаваны. Они играли в домино, наслаждались свежестью, беседуя под арками. Они покупали устриц на углу улицы. Они вдыхали немыслимые запахи всех фруктов, которые создал Творец. Они услаждали себя ароматным кофе прямо здесь, под открытым небом. В воздухе парил дух суровой расточительности. Казалось, перед вами в любой момент мог непринужденно продефилировать какой-нибудь мулат из романа XIX века. Со скамейки Прадо вы могли наблюдать ход самой Истории.

Это был город-космополит, город радости, город веселья. У него была ночная жизнь, наполненная тайнами и любовью. Город был необычайно красив. Даже кварталы «нуворишей» выглядели элегантно. Гавана отличалась какой-то необыкновенной легкостью, простором и обилием света.

Как только Фидель пришел в Гавану, город стал на глазах меняться, уподобляясь женщине, которая в полном расцвете красоты и великолепия отдает себя во власть еще не появившихся морщин. Город начал безвременно стареть.

Вполне понятно, что многие люди поддались искусственно нагнетаемому возбуждению: некоторые политики постарались стряхнуть пепел сигары им на брюки. Но как грустно, как странно было видеть танки на бульваре Малекон! Эти громадные неповоротливые машины напоминали собой каких-то страшных, безобразных животных, пришедших к нам из другого времени. При виде их хотелось спрятаться, забиться куда-нибудь подальше. Но страшнее танков были люди. За какие-нибудь сутки они поменяли свой радостный смех на разрушительную ярость. Фидель превратил их в истериков. Менее чем за два дня в городе не осталось ни одного отеля в приличном состоянии, ни одного неразбитого стекла, ни одной целой машины. Все, что Фидель называл в своих торжественных речах «символами тирании», было разбито, разрушено, изгажено, уничтожено.

Все революции похожи друг на друга, как близнецы.

Часть первая

Меня окрестили Хосе, как будто просто Алины было недостаточно. Мое появление на свет не было предвещено никакими знамениями свыше. Я не могу похвастаться никакой интригующей предысторией.

Я была кротким, необыкновенно тихим ребенком. Я не изводила истошными криками и воплями окружающих. И тем не менее, едва появившись на свет, я каким-то образом умудрялась настраивать людей против себя. Начиная с самого раннего детства, я регулярно получала от жизни оплеухи за эту свою странную способность.

Лежа в своей благоухающей уютной колыбельке, заботливо завернутая в белоснежные пеленки, я отравляла существование Таты Мерседес. Она, моя ванильно-коричная эбонитовая статуя, проводила возле меня бессонные ночи. Моя Тата была моим утешением в жизни. Я любила ее грустные колыбельные песни, состоящие не только из голоса и мелодии, но и из цвета. Голубые колыбельные моей Таты сопровождали меня всю мою жизнь. Они вносили порядок в неразбериху и отодвигали куда-то за горизонт все мои печали.

Моя Тата не любила рассказывать истории. И людей она тоже не любила. Она взрастила меня, с нежностью насыщая своей мощной энергетикой молоко, которое я пила из бутылочки.

Моя мать была Феей. Феи всегда таинственны и очень отдалены от нас, простых смертных. Когда они исчезают, то вместе с ними уходит и чудо. Настоящие Феи всегда очень капризны.

Моя Фея влюбилась в паршивую овцу. В глазах высшего кубинского общества это был поступок в высшей степени неразумный, а посему непростительный.

Когда моя Фея оставляла меня, я находила утешение в соске, которую исступленно терзал мой рот. А еще я в знак протеста методично разрывала кружева на своих рубашках. Когда же моя Фея подходила ко мне и смотрела на меня своими огромными изумрудами, сияющими, словно в лихорадке, я начинала тихонько покашливать.

В то время моим папой был доктор Орландо. У него была такая же белая блузка, как у Таты, но только без складок. Он был волшебником, специализирующимся в области человеческих сердец. Когда он говорил о своей профессии, то часто употреблял непонятное слово «кардио». У моего тогдашнего папы был выпуклый, как у дельфина, лоб.

Когда он в конце дня возвращался домой, то всегда наклонялся, чтобы обнять меня. При этом над его головой возникал нимб от солнечных лучей, проникающих через стекло.

У него была своя «консультация» на первом этаже дома. Именно там он занимался починкой человеческих сердец. Благодаря этому человеку я стала поклоняться великой богине, которую в миру называют медициной. Пользуясь лампами дневного света, доктор Орландо открыл моим глазам картину пульсирующей магии жизни. Он показал мне тонкий и хрупкий узор человеческих ребер. Сам Творец доверил свои великие тайны этому человеку.

Моя сестра Натали была любимицей доктора Орландо. Она была очень странной девочкой. Моя сестра плакала во сне. Улыбка редко появлялась на ее лице. Она оставалась грустной даже по воскресеньям, когда все собирались за столом под люстрой баккарского хрусталя, похожей на паука, роняющего тысячи хрустальных слезинок.

Единственное, что могло утешить Натали и доставить ей истинную радость, — это ее походы с отцом в больницу во время его ночных дежурств. Но ее туда обычно не брали:

— Тебе туда нельзя, потому что вход детям и собакам запрещен.

Чуча была нашей кухаркой. У нее была черная, лакированная кожа с множеством крохотных бородавок. Вся Чуча была разукрашена лентами, а прическа ее состояла из множества маленьких узелков, покрытых сеткой для волос. Чуча объясняла, что на голове у нее вовсе не волосы, а черный упругий мох, как у всех ее соплеменниц. Она убаюкивала меня в грустном голубом кресле и прижимала к своей груди, щедро источающей благородный кисло-сладкий запах пота, сигар и лука. Чуча обожала сказки, называя их «patakines». Она заселяла свои «patakines» всеми известными ей сказочными и книжными героями. Ей ничего не стоило устроить встречу персонажей сказок Шарля Перро и героев сказок народов Африки. Свои повествования она сопровождала оглушительными взрывами заразительного смеха.

— В лесу Элега показывал дорогу Красной Шапочке. Бабушку Красной Шапочки зовут Йанса. Она умерла. А Огун — это воин. Он убил волка, — рассказывала мне моя Чуча.

* * *

Она прижимала меня к черно-белому шелковому платью и

громко напевала: «Лала! Лала!», не утруждая себя объяснениями по поводу того, что обозначает это ее «лала». Это черно-белое платье принадлежало моей бабушке Натике, Фее сада. Она поила цветы.

Лала Натика приходила к нам каждый день в одно и то же время. Она раздавала слугам распоряжения, затем обедала и затем позволяла себе немного вздремнуть. Ее короткий сон прерывался боем часов. Бабушка вскакивала с кресла, переодевалась в свою белую униформу, усеянную черными цветами, и шла в сад. Там она высаживала в землю рассаду, сеяла семена, делала прививки растениям, совершенно не считаясь ни с временами года, ни со здравым смыслом. Проходило какое-то время, и все посеянное, высаженное и привитое начинало буйствовать и метаться, полностью выйдя из-под контроля Феи. Подданные Волшебницы вели себя, как бунтовщики. Наверное, руки моей Феи Натики не слишком хорошо были приспособлены для работы в саду.

Моя бабушка любила людей. Но вот меня, кажется, не очень любила.

* * *

Похоже, Лала Натика здорово просчиталась, когда много лет назад впустила в дом одного человека.

Было около пяти часов вечера, когда раздался звонок, и Чуча, посмотрев в дверной глазок, затараторила:

— Мадам Натика! Не заставляйте меня открывать дверь! И сами не открывайте! Там сам дьявол!

Но Господь не сподобил Фею Натику даром ясновидения. К тому же она не любила получать распоряжения от слуг. А поэтому она открыла дверь и впустила мужчину, одетого во все белое. Его накрахмаленная guayabera слепила своей безупречной белизной. Единственное, что произвело неприятное впечатление на Натику, был тяжелый дряблый подбородок. По мнению Лалы, такие подбородки обычно бывают у порочных людей. Фея полагала, что Христос носил бороду, чтобы спрятать такой же подбородок.

— Я ищу Нати Ревуэльту. Она живет здесь?

— А у вас, вероятно, нет ни имени, ни фамилии? Ну и нравы у современной молодежи!

Много лет спустя она говорила эти же слова моим друзьям.

* * *

Я была богата, как Крез. У меня были Феи, борзые в саду, огромный дом, лестница, от которой уставали мои маленькие ножки, комнаты, террасы, цветущий сад, Тата и Чуча.

Я не знала забот и огорчений. Правда, иногда атмосфера в доме накалялась, и тогда мне становилось трудно дышать. Это было в те минуты, когда глаза у людей делались маленькими и колючими и когда эти люди кричали на прекраснейшую из Фей. После крика Фея исчезала и не давалась никому в руки. Кажется, она была замешана в «революционных» делах.

И вдруг однажды утром все изменилось. Я это очень хорошо помню. Нахлобучив на голову свою любимую легионерскую кепку, я увлеченно грызла пластмассовую кость и смотрела телевизор. И вдруг с экрана исчезли мои любимые куклы, и вместе с криком «Да здравствует свободная Куба!» экран заполнили заросшие волосами мужчины. Их, этих бородачей, было очень много. Они гроздьями висели на огромных неповоротливых машинах, наводящих страх своим видом и громящих все вокруг. Эти ужасные машины назывались танками «Шерман», а бородатых людей звали повстанцами.

В руках бородатые дяди держали палки. Одеты они были в униформу цвета обожженной травы. Поверх одежды висели огромные колье из каких-то семян. Когда моя Чуча колдовала, то вместе с водкой и сигарами она использовала зерна, очень похожие на эти семена.

Женщины осыпали повстанцев цветами.

Все это происходило в январе 1959 года. И все это называлось триумфом Революции. Он длился до тех пор, пока самый главный бородатый дядя не начал говорить. Он говорил очень долго. До тех пор, пока не потерял голос.

Дональд, его племянники и мышка Микито исчезли с экрана телевизора. Их место почти на сорок лет заняли бородатые дяди.

В этом году не было празднования Нового года, потому что Фея отменила все праздники «из чувства солидарности», как она выразилась. По этой же причине не было и Праздника Королей. Вообще, теперь не было ничего, кроме бородатых мужчин, вроде тех, что пришли к нам в дом однажды вечером.

В этот раз меня достала из кроватки не Тата, как обычно, а сама Фея. Она принесла меня в комнату с плетеной мебелью и опустила на пол. Я сразу же попала в густую пелену табачного дыма. Где-то там, за голубым зловонным облаком, возвышался начальник бородатых. Его звали Фидель Вива Фидель. Так кричали женщины в толпе, когда он проезжал мимо в своем отвратительном танке. Бородач опустился на корточки и стал внимательно меня рассматривать.

— Похожа на маленького барашка. Иди ко мне, маленький барашек, — сказал он, протягивая мне коробку.

Там, в коробке, лежала кукла. Она была одета в зеленую униформу, как и этот бородатый дядя. На плечах у нее были черные и красные звезды, на голове — кепи, на ногах — большие ботинки. И, что меня особенно удивило, у нее была такая же борода, как у нашего гостя.

Впервые в жизни мне не понравился подарок. И тогда я схватила куклу и стала вырывать у нее бороду, чтобы моя новая игрушка стала похожа не на бородатого дядю, а на маленького красивого ребенка. Кто-то крикнул:

— Это кощунство!

Сначала Тата тщательно протерла мою кожу португальской водой, чтобы избавить меня от отвратительного табачного запаха, а потом долго убаюкивала и пела свою грустную голубую колыбельную.

Детская память навсегда запечатлела слова, которые Тата Мерседес возмущенно произнесла в тот вечер, обращаясь к бородатому:

— Подумать только! Предлагать ребенку идол в собственном образе! Вы не нашли ничего более подходящего для подарка?

То же самое Тата повторила на следующее утро в разговоре с Чучей. Кухарка ей ответила:

— Сколько раз я просила мадам Натику, чтобы она не впускала в дом этого дьявола! Он мне сразу не понравился.

Несколько дней телевизор без умолку кричал:

— К расстрелу! К расстрелу!

Люди были в ярости. Возле стены стоял какой-то человек со связанными руками. На глазах у него была повязка. На белой рубашке человека расплывались красные пятна. Человек медленно падал на землю. В него стреляли из тех палок, которые были в руках у бородатых в день их вступления в Гавану. Эти палки умели говорить, но говорили они почему-то всегда одни и те же слова: «Та-та-та!». То, что показывали по телевизору, называлось казнью. Я смотрела на это, и мне становилось очень грустно.

За проведение казни отвечали два господина. Одного из них, постоянно хмурящего брови, звали Че. А другого, маленького китайца, похожего на торговца бакалейными товарами, звали Рауль. Оба господина были невысокого роста. Рауль был братом человека по имени Фидель Вива Фидель.

* * *

Папа Орландо стал как-то стираться в моей памяти. Я помню лишь его улыбку. Она давно существует сама по себе, словно улыбка чеширского кота.

Богиня Медицина вынуждена была закрыть свой храм консультаций, потому что бородатые почему-то запретили врачам ремонтировать сердца в своих собственных мастерских. Это теперь называлось частным предпринимательством, и заниматься этим, как прежде, не разрешалось. Запрещено было также продавать на улице рубашки. Я сама видела, как возле нашего дома полицейские арестовали продавца рубашек. Теперь я никогда не выходила с Татой в старый город, чтобы там, под арками, купить засахаренных цыплят, свежих фруктов или мороженого. Теперь ничего этого не было, потому что и цыплята, и фрукты, и мороженое превратились вдруг в частное предпринимательство. В эти невеселые дни у доктора Орландо стали трястись руки: он вдруг все потерял. Даже сердце Феи больше ему не принадлежало.

А глаза моей старшей сестры Натали становились еще больше от горя, потому что от печали и безответной любви к маме Нати умирал ее папа Орландо.

Во время нашей последней встречи он дал мне ключ:

— Возьми это и перестань плакать. Это ключ от комнаты с лампами, где спит мадам Медицина. Заботься о ней, и, быть может, настанет день, когда эта дама вновь проснется.

В это время Фидель часто появлялся в нашем доме. Он всегда приходил рано утром. За несколько секунд до его появления раздавались звуки тормозящих джипов, а затем был слышен шум его шагов. Иногда он приходил один, иногда — в сопровождении Грустной Бороды или Рыжей Бороды.

Тата не любила открывать дверь Фиделю. А когда ей приходилось доставать меня из кроватки и нести в салон, моя черная ванильно-коричная статуя недовольно ворчала.

Фидель очень плохо вел себя с Чучей, Феей Натикой и Татой Мерседес. И это мне не нравилось. Но именно Фидель, и никто другой, выиграл схватку с тираном Батистой, этим страшным демоном. Он, как Святой Георгий, победил дракона.

Лицо Батисты всегда было покрыто волдырями. А жена этого тирана, наверное, почти всегда была беременна. А может быть, она постепенно превращалась в гигантское существо.

— Теперь, когда Батиста сбежал, его мерзкие полицейские ищейки больше не явятся к нам ночью с обыском, — говорила Натали.

А мне нравились полицейские. Они всегда восхищались моей легионерской кепи. А когда я их просила говорить чуточку

потише, они всегда выполняли мою просьбу. Они не прожигали сигарами чехлы на диване, не наполняли зловонным дымом гостиную и не оставляли после себя тонны пепла.

Новые посетители докучали мне значительно больше, чем прежние, потому что они приходили к нам почти каждое утро. На кухне говорили, что все полицейские одним мирром мазаны. Прошло более тридцати лет, прежде чем я испытала леденящий душу страх перед полицейскими. Но это уже была другая полиция.

Единственным существом в доме, пребывающим в состоянии радостного подъема, была Фея Нати. Она, неожиданно для всех нас, стала очень словоохотливой. Фея была охвачена лихорадкой бурной деятельности. Кубинцы еще не знали слов «авангард» и «соревнование», а Нати, словно предугадывая их скорое появление на свет, уже стремилась ввести их в повседневную жизнь.

Вероятно, Фея Нати и бородач Фидель виделись не только у нас дома, потому что, когда Фея возвращалась домой, ее лицо освещала внутренняя улыбка, а глаза таинственно сияли. Кроме того, она часто производила впечатление человека, потерявшего слух и зрение. Она пребывала в своем собственном мире, далеком от нашего. Обитателям нашего дома это не нравилось.

С некоторых пор смолкли эпические сказания бабушки Натики. От постоянно льющихся слез глаза англичанки затянулись печальной пеленой. Фея сада оплакивала грустный удел своего брата Бебо, которого сместили с поста консула Кубы, заодно лишив его титула «самого элегантного мужчины Ямайки». Бывшему послу было запрещено возвращаться на Кубу. Иными словами, его приговорили к вечной ссылке.

— Ах, Боже мой, Нати! Поговори с ним об этом человеке. Ты ведь знаешь, скольких повстанцев Бебо укрыл на Ямайке. А сколько медикаментов он переправил в свое время в Сьерру!

— Прекрати, мама! Я никогда ничего не просила у Фиделя и никогда не попрошу!

— Но он ведь не постеснялся опустошить твою шкатулку с драгоценностями и твой банковский счет, чтобы купить проклятое оружие для этой идиотской атаки.

Днем она рассказывала своей подруге Пьедад:

— Ах, Пьедад! Если бы ты только знала! Этот тип просто омерзителен! Одной Нати ему уже мало. Он переспал с кучей других девушек из приличных семей! Ах, они, потаскухи эдакие! А когда я однажды попросила его с уважением относиться к моей дочери, он сказал, чтобы я не беспокоилась. Он, видите ли, с другими спал, не снимая обуви. Интересно, штанов он тоже не

снимал? Ах, Боже мой! Пусть бы он, наконец, прищемил свое мужское достоинство молнией от брюк!

Мне очень хотелось утешить Лалу Натику, но она с некоторых пор почему-то стала косо смотреть в мою сторону. Можно было подумать, что я вдруг превратилась в уродину!

— Лала, почему ты такая грустная? Ведь дядю Бебо не убили по телевизору, как дядю сестер Мора и…

Лала пришла в бешенство. Нисколько не сомневаюсь, что именно тогда ей пришла в голову мысль об уколах, которыми она угощала меня до тех пор, пока мои ягодицы не приобрели упругость.

От происходящего у меня кругом шла голова. Оказывается, люди могли совершенно неожиданно из добрых и веселых превращаться в злых и жестоких, безжалостно круша все символы капитализма и горланя: «К расстрелу! К расстрелу!» Все в нашем доме грустили или негодовали. Лишь только Фея Нати сияла и лучилась жизнерадостностью. Она как будто парила на маленьком облачке где-то там, вдали от нас, вдали от нашей скучной жизни.

— Мама, а кто такие «униженные»?

— Это бедные. Те, которые работают с утра до ночи и бедно живут.

— Но ведь ты тоже много работаешь, а у тебя есть красивый дом и новый автомобиль. Мама, а Фидель делал эту революцию и для тебя тоже?

— И для меня, и для тебя, радость моя.

Я продолжала выпытывать Фею о смысле Революции:

— Мама, ведь наша Тата бедная?

— Бедная.

— И Чуча тоже очень бедная, правда, мама?

— Правда.

— А Фидель хочет сделать их богатыми?

— Нет, девочка моя, не богатыми. Фидель хочет, чтобы их жизнь стала лучше и справедливей.

Я побежала на кухню. Чуча и Тата сидели в тишине, выключив радио. Они всегда пропускали новости.

— Чуча! Тата! Большой бородач скоро даст вам каждой по большому дому! Вот увидите! Он хочет, чтобы больше не было бедных.

Обе женщины посмотрели на меня со вселенским терпением.

— Кто забивает малышке голову такими мыслями?

* * *

— Кто забивает ей голову такими мыслями? — спросил Фидель у Феи через несколько дней, когда я очень вежливо попросила его о том, чтобы он внес Тату и Чучу первыми в список людей, которые скоро перестанут быть бедными, не превратившись при этом в богатых.

Иногда по вечерам Фидель приезжал к нам просто для того, чтобы поиграть. Меня извлекали из постели, и я разражалась приступом кашля.

Когда мы играли на полу и облако дыма, поднимаясь вверх, рассеивалось под потолком, от Фиделя исходил такой хороший запах. Он не пользовался одеколоном, и поэтому от него пахло мужчиной. И еще чистотой. И это мне очень нравилось.

Когда Фидель не имел возможности прийти сам, он посылал за мной Титу Тетонс, красивую девушку, с которой дружила моя Фея. Тита работала в Институте аграрной реформы, насколько я помню. Если же подруга Феи была очень занята, вместо нее приезжал Ланес, начальник сопровождения Команданте.

Но мне больше нравилась Тита Тетонс, потому что у нее под платьем была спрятана пара свежих прелестных дынь. Она привозила меня на красном «бьюике» в свой институт и там поднимала меня до самых своих дынек, чтобы нажать на кнопку лифта. Перед дверью стоял солдат. Он никогда не шутил со мной. Конечно, у него сразу бы поднялось настроение при виде моей легионерской кепи, ведь она так нравилась всем полицейским и солдатам. К сожалению, на мне сейчас не было моей любимой кепи, потому что ее спрятали от меня.

В кабинете был Че. Он хмурил брови, а из груди у него вырывался легкий свист. На бабуинском лбу Че было много шишек.

— Ты знаешь, у меня есть такая девочка, как ты, — и он показал мне фотографию. На ней была девочка, о которой говорил Че, а рядом с ней ее мама, очень похожая на толстую лягушку. Девочку звали Хильдита.

— Приди за малышкой через час, — сказал Тите Фидель.

Нужно сказать, что они уделяли мне не слишком много внимания. Че был доктором. Он говорил, что нужно позолотить пилюлю крестьянам, иначе они не проглотят эту историю с кооперацией.

— Посмотри, что произошло в Советском Союзе…

И они продолжали в том же духе.

Час — это, конечно, много. Но однажды, всего лишь однажды, мы с Фиделем провели вместе даже больше часа. Тогда он повел меня на прогулку. В тот день Фидель-покатал меня на тракторе, а затем — на маленькой лошадке. Пока мы прогуливались,

множество людей было занято уборкой двора Кинта де Лос Молиноса.

— Почему все они метут?

— Они заняты добровольным трудом.

— Что это?

— Это когда люди трудятся бесплатно. Они делают это по своему собственному желанию.

— Ты тоже будешь сейчас мести двор?

Нет, он занимался уборкой совсем иного рода. Он сметал людей.

— Кто эта симпатичная малышка, Команданте?

— Это родственница… Смотри, а вот и Тита пришла за тобой…

Фидель мне, в общем-то, нравился, но вот только бедные все никак не становились богаче. Если Фидель не приходил ко мне, то я не слишком скучала без него, потому что в любой момент могла увидеть его по телевизору. Я даже стала путать реальную жизнь с телевизионной, где Фидель без перерыва выступал перед толпами бедных людей.

Он не переставал напоминать им о том, что революция была задумана и совершена для них. А когда они кричали ему: «Вива! Вива Фидель!», он продолжал свою речь. Однажды я спросила у него:

— Фидель, почему ты так много говоришь?

— Чтобы они перестали кричать и аплодировать мне.

* * *

Теперь в нашем доме никогда не садились за стол в столовой. Думаю, так же обстояло дело и в других домах острова. Все были слишком заняты. Если люди не стояли на площади Революции и не кричали часами: «Вива! Вива Фидель!», то они добровольно трудились. Для буржуазных пережитков времени совсем не оставалось. Мне же эти пережитки очень нравились. Без них жизнь становилась скучной.

Мы не обедали больше в столовой, а я уже не восседала на своем высоком, как трон, стуле. И ничего не осталось из той, прежней жизни с буржуазными пережитками. Только бабушка Натика, точная, как часы, все так же, как и прежде, приходила к нам. Фея сада восседала за столом со строгим и неприступным видом. Она почти не разжимала своих тонких губ. И лишь единственная фраза лениво срывалась с ее уст:

— Прошу меня не беспокоить. У меня сиеста.

В это время она была еще не настолько обозлена, чтобы делать мне уколы. Но очень скоро характер у бабушки Натики совсем испортился. Это случилось, когда кубинских ребятишек лишили радости вылавливать из супа макаронные изделия в виде звездочек и букв. Без всех этих забавных буковок суп стал совсем невкусным, и дети отказывались есть его. Мне, конечно, тоже не нравился такой суп. И от этого Фея сада приходила в ярость.

Мне перестала нравиться жизнь в нашем доме, и я решила переехать. Я устроилась между двором и кухней. Это было единственное в доме место, где еще оставался какой-то порядок. В кухне царил зной, сдобренный любимыми ароматами Чучи. Здесь было уютно и надежно.

Мы с Татой выходили во двор и принимались за стирку, играя в воде в четыре руки и с удовольствием болтая. По двору ходили борзые, но я их уже не боялась.

А когда солнце собиралось скатиться с неба, я выбегала на улицу посмотреть, не возвращается ли доктор Орландо. Но он все не возвращался. Мне становилось грустно, и я плакала. Но очень скоро слезы мои высыхали, и я шла послушать сказки своей любимой Чучи.

Атмосфера в доме накалялась, и однажды произошло то, что и должно было, в конце концов, произойти: Фея стала «пролетаркой».

Это слово стало раздаваться повсюду, особенно часто его стали произносить, когда была придумана церемония закрытия митингов на площади Революции. Все участники митинга брались за руки и пели «Интернационал». При этом они раскачивались из стороны в сторону, будто пьяницы. Они очень напоминали мне дедушку Маноло, когда он возвращался домой, насквозь пропитанный mojitos. Пьяные приходы любителя mojitos продолжались до тех пор, пока его не сразил сокрушительный сердечный приступ.

Однажды утром Фея решила отказаться от всех своих нарядов и украшений. Она облеклась в сине-зеленую милицейскую форму, надела берет, как у галисийского бакалейщика, и объявила, что владеть целым домом — это неприлично. Вскоре наш дом вместе со всем содержимым был отдан в пользу Революциии.

Я не очень хорошо поняла, что произошло, и предположила, что Фидель вместо дома даст нам дворец. Где там! Вместо отданного дома нам досталась квартира. Теперь мы жили на углу первой авеню и шестнадцатой улицы Мирамара. Лицом к морю. В наше новое жилье мы переехали почти с пустыми руками.

В моих ушах до сих пор эхом раздаются осуждающие слова Лалы Натики, возмущенной глупым поступком дочери. Я и сейчас

ощущаю тяжелую атмосферу, царящую тогда в нашей «матриархальной» семье.

Несчастной женщине удалось спрятать люстру с тысячами хрустальных слезинок, но в нашем новом жилище плачущему пауку так и не нашлось места, потому что потолок в квартире не выдержал бы его веса.

Вероятно, мне было тогда очень одиноко, потому что в три года я все еще не могла обойтись без соски.

Я просыпалась с глазами, склеенными, как створки раковины. У меня нестерпимо болел живот. И я, как одержимая, кашляла.

Жизнь была бы невыносима, если бы не море. Оно успокаивало меня своим размеренным шумом, своей бесконечностью. Мне было хорошо у моря. Я воспринимала его как живое существо — большое, сильное и доброе. Я любила этого огромного зверя, лижущего языком мои ноги.

А еще я любила свою подружку, живущую в соседнем доме. Меня не очень огорчало то, что она была ко мне меньше привязана, чем я к ней. Мне нравилось бывать у нее дома. Особенно я любила оставаться на ночь, потому что мама подружки рассказывала нам разные истории, а я их обожала. А еще в этом доме меня угощали свежими яйцами, которые привозили родственники из деревни. В этом доме мне нравилось все, кроме брата подружки. Он был еще более невыносимым, чем моя сестра Натали. Бедная Натали! Она кричала во сне и звала: «Папа! Папа!» А потом плакала. Она тосковала по доктору Орландо. В нашем доме ей было еще более одиноко, чем мне.

* * *

Уж не знаю, кто в этом виноват — Революция, Кастро, Гевара или Тортемпион, но только вещи вдруг стали появляться и исчезать сами по себе, будто ими управлял фокусник-невидимка: периодически пропадало электричество, исчезала вода, с продуктами стало твориться что-то совсем невероятное. В магазин теперь нужно было ходить с карточками, без них ничего нельзя было приобрести. Откровенно говоря, на эти карточки выдавали не Бог весть что. Тата часами стояла в очередях, но в результате блюда, приготовленные из принесенных ею продуктов, почему-то в течение долгого времени имели один и тот же цвет и вкус. Несколько недель мы ели зеленую кашу-размазню, которая называлась «пюре из шпината без молока». А когда шпинат кончился, еда из зеленой превратилась в коричневую. Теперь то, что мы ели, называлось «чечевица без соли». От нее отказался

даже Попейе. И я тоже.

Бедные люди выходили из этого положения гораздо лучше, чем мы, потому что они имели доступ к волшебному чемодану под названием «черный рынок». В этом заветном чемоданчике лежали конфеты, печенье, шоколад и много других приятных вещей.

Наша Фея отказывалась прикасаться к этому чемодану, потому что Волшебники, которые владели «черным рынком», не были революционерами.

— Посмотри, дорогая, что я тебе принесла. Это печенье выдали нам на полдник на добровольной работе в Институте аграрной реформы.

— Можно, я съем его с маслом?

— Спроси у Таты, но, по-моему, в этом месяце масло не поступало.

Теперь все продукты превратились в киплингов-скую кошку, которая гуляла сама по себе, никому не подчиняясь. Эти продукты могли не поступать в положенный срок, они могли не появляться месяцами. Яйца, помидоры, картошка и другие продукты часто терялись в дороге.

В аптеках исчезли спирт, вата, гигиенические салфетки. Так о чем это я говорила? Ах, да… О разноцветной еде. Так вот, еще хуже стало, когда еда приобрела желтый цвет. Ее называли мукой. Но хуже всего было, когда наступил черед гофио, пряников из жареной кукурузы.

— Этим можно кормить только свиней, — констатировала Тата.

А для Феи гофио было просто амброзией.

С исчезновением продуктов отпала надобность в услугах Чучи. С ее уходом из нашего дома исчез и таинственный мир черных богов, святых христианских королев, плохих детей, сыновей добра и зла. В нашем доме больше не слышалось взрывов смеха, а чтобы их услышать, мы с Татой втискивались в переполненный воскресный автобус, который доставлял нас в старый город, где в маленькой комнатушке жила наша Чуча со своей слепой и сморщенной, как печеное яблоко, матерью.

Сама Чуча очень редко наведывалась к нам. Во время каждого своего визита она разбрызгивала водку по углам, раздувала дым от сигареты, подожженной с обратной стороны, и размахивала пучком из веток какого-то колючего растения. Это свое действо она называла despojo, подразумевая, вероятно, очищение от всего.

— Это чтобы души злых мертвецов ушли из вашего дома.

Я уговаривала Чучу остаться, потому что без нее было грустно. Но она не хотела.

— Я же не Ница Вилаполь. Это она, белокожая нахалка, продолжает выступать по телевизору, как и раньше, но только с рецептами приготовления блюд из муки и чечевицы. Называть «polenta italienne» муку, сваренную без соли и чеснока! Я, деточка моя, не умею готовить без продуктов. К тому же у меня нет желания готовить людям, которые разучились любить жизнь. Мадам Натика, может, и будет обо мне сожалеть, а что касается мадам Нати, то она давным-давно разучилась есть.

Это было не совсем так, потому что в конце недели Фея съедала вареную муку с яйцом или без яйца, а Лала Натика ела каждый день. Есть чечевицу, поданную на серебряном подносе в фарфоровых тарелках ручной росписи, и получать при этом уроки этикета — бабушка учила меня пользоваться столовыми приборами то на русский, то на французский манер — это было, по крайней мере, странно. Неудивительно поэтому, что мне совсем не хотелось приглашать в наш дом друзей.

* * *

Я совсем перестала есть, потому что пища, которую мне предлагали, была отвратительной. Я очень сильно похудела. Виновным в моем истощении был этот бессердечный бородач. Во всяком случае, так утверждали Тата и Лала, упрекая Фею за мою худобу. Фидель тоже заметил, что я очень изменилась:

— Что с девчонкой? Она бледная, как смерть, и худая, как гвоздь! Я позову Валейо, чтобы он ее посмотрел.

Валейо был личным жрецом Фиделя.

— У нее наверняка что-то не так. Она, видно, заболела.

— Не думаю, чтобы она была больна.

— Тогда объясни мне, ради Бога, в чем дело.

— Все дело в том, что она ничего не ест.

— Не ест? Но почему, черт возьми, она не ест?

— Потому что… Дело в том, что… Видишь ли…

— Потому что нечего есть! — вмешалась Тата, как фурия, лишив Фею возможности и дальше путаться в непонятных объяснениях. — Я не знаю, в каком мире живете вы, но надо быть слепым и глухим, чтобы не знать о том, что половина народа голодает!

Под воздействием Феи и Таты в его крови увеличилось процентное содержание адреналина, в чем он совсем не нуждался, поскольку об этом уже позаботились десять миллионов человек, которые все время кричали и аплодировали ему. По моему мнению, именно после этого он принял решение не

позволять докучать себе мелочами.

— Как произошло, что в этом доме нечего есть?

И Фея, мертвея от стыда, объяснила:

— Видишь ли, все, что нам дали по карточкам в этом месяце, — это чечевица. Ни молока, ни…

На следующий день к нам пришел молоденький солдатик с веселым лицом. Он принес нам бидон молока с «небольшой фермы Команданте».

* * *

Так обстояли дела, когда я пережила свою первую трансцендентальную трагедию: меня отправили в проклятую школу, где весь год меня донимали рвота и недержание мочи. Эта ненавистная школа называлась Маргот Парага. Теперь я носила белую униформу с множеством петель и застежек и отвратительные двухцветные туфли. Жизнь в коллективе не приносила мне ничего, кроме страданий. Чтобы извлечь хоть какую-нибудь пользу от своего пребывания в школе, я решила закалять свою волю.

— Все! Никаких сосок! — объявила я и в сильнейшем порыве духа рассталась с самым сладким оральным наслаждением моего детства — соской, выбросив ее через окно ванной комнаты.

Но эта задача оказалась мне не по силам. Я с трудом дождалась окончания уроков и, когда школьный автобус привез нас на место, я, промокшая, зловонная и полная отчаяния, немедленно отправилась на поиски выброшенной соски. Я рылась в траве, как собака. Увы! Соски не было.

Фея сказала мне:

— Раз ты сама решила выбросить ее, то теперь держись, чего бы это тебе ни стоило.

Тогда я поняла, как неразумно принимать опрометчивые решения. Гораздо легче вообще ничего не решать и ни за что не отвечать.

* * *

Однажды ночью я проснулась от выстрелов и громких криков. Я не понимала, что происходит. А вечером следующего дня к нам пришел Фидель и сразу же стал кричать на Фею, задыхаясь от гнева:

— Нанес организовал на меня покушение, а ты открываешь

ему дверь и впускаешь его в дом!

— Но я никому не открывала!

— Это неправда! Он убежал из гарнизона и пришел прямо сюда. То, что ты сделала, непростительно.

— Это неправда! Я проснулась от выстрелов и криков. Теперь, когда ты мне все рассказал, я допускаю, что это и в самом деле мог быть он. Но вот что я тебе скажу: если Ланес придет и постучит, как он делал это тысячу раз, я, конечно же, открою ему дверь. Ты же сам меня к этому приучил. Разве нет? И потом, как можно узнать, что у него на уме?

— Ты принимаешь человека, который хотел меня убить. Этого я не могу тебе простить! — разгневанно кричал Фидель.

В тот вечер он ушел, так и не успокоившись, и долго, слишком долго не появлялся в нашем доме. Покушение Ланеса на Команданте болезненно отразилось на моей Фее. Она была в отчаянии. Тогда я в последний раз услышала из ее уст обращение к Всевышнему.

Но Бог не ответил ей. В этом не было ничего удивительного, потому что он уже давно покинул нашу страну, уйдя вместе с теми священниками, которых сам Фидель выслал с Кубы на корабле. Лала Натика жаловалась, что молиться приходится дома, потому что все церкви закрыли с тех пор, как бедняки, из-за которых совершилась Революция, исписали двери святилищ омерзительными словами и отвратительными рисунками, изображающими пару шаров и огромный пест посередине и еще кое-что, напоминающее раздутую mamey.

Уходя из нашего дома, Команданте забрал с собой все: Ланеса. который исполнял все мои просьбы, солдатика с бидоном молока и даже мою сестру Натали.

— Где моя сестра? — спросила я у мамы, когда однажды утром не обнаружила Натали в своей комнате.

— Орландо приходил за ней рано утром. Они не захотели тебя будить.

— И папа не поцеловал меня? Куда они поехали?

— Они покинули страну…

Я была в ужасе. Фидель не переставал говорить по радио и телевидению: «Все, кто покидает страну, — это gusanos, земляные черви.» Все, все те, кто уезжал, превращались в червяков прямо в самолете, даже дети и старички, я в этом была архиуверена. Мой папа и Натали стали отвратительными червяками!

Тате пришлось немного встряхнуть меня, чтобы вывести из этого ужасного состояния.

— Это очередная ложь, моя дорогая. Вроде той, про хорошую жизнь бедняков…

Как странно! Уйдя из нашего дома, Фидель как будто оставил вместо себя злобу. Фея заболела гепатитом. Она смотрела на меня желто-зелеными глазами, и мне казалось, что она скоро умрет. Лала Натика превратилась в сплошной кошмар. Она преследовала меня в моих снах, вооруженная старыми шприцами. В какой-то мрачной штуковине она стерилизовала орудия пыток, а затем, потрясая шприцем, укладывала меня себе на колени и загоняла дозу витамина B_{12}.

Ко всем неприятностям, из магазинов исчезли игрушки. По промышленным карточкам можно было приобрести только пластмассовых кукол, но они никому не нравились.

Красивые куклы, о которых мечтали все кубинские девочки, можно было купить только на черном рынке. Там же продавались и роликовые коньки, и китайские велосипеды, и много других замечательных вещей. Но моя Фея все так же не любила черный рынок.

У некоторых детей было очень много хороших игрушек, потому что их папы были друзьями Фиделя или работали вместе с ним. Их звали «руководители», и все они были министрами. Тата говорила, что это «новые буржуа». Эти новые буржуа почему-то очень плохо говорили и одевались, а их жены носили на голове бигуди.

В один прекрасный день к нам пришла Тита Тетонс, чтобы попрощаться, прежде чем превратиться в земляного червяка. Теперь уже не осталось никого, кто мог бы увезти меня к Фиделю в Институт аграрной реформы. А мне, несмотря на это, срочно нужно было его увидеть, чтобы уговорить его вернуться домой. Ведь с тех пор, как он ушел, жизнь в нашем доме разладилась. Все, все было плохо: у меня не было хороших игрушек, бабушка мучила меня своими уколами, а мама осталась без работы, потому что с тех пор, как Команданте неожиданно покинул наш дом, ее никуда не хотели брать, будто она была «неприкасаемой».

Но так как Фидель не исчезал с экрана телевизора, *я* решила воспользоваться этим и стянула у Чучи водку, которую она использовала для своих заклинаний.

— С позволения всех моих мертвых, Serafina Martin, Cundo Canan, Lisardo Aguado, Elleggua Laroye, aguro tente onu, ibba ebba ien tonu, aguapitico, ti ako chairo…

Я знала кантилену наизусть. Я сделала глоток и выплюнула водку на телевизор.

И это помогло! Фидель вернулся, и все изменилось. Вскоре мы переехали в настоящий дом.

* * *

Новый дом находился в Мирамаре. Небольшая розовая ограда защищала сад, в котором росла африканская пальма, утыканная колючками, и множество душистых цветов со сладким ароматом. В этих цветах жили самые красивые в мире червяки. У них были желтые и черные полоски и красные головки.

В доме было три этажа. Единственное, что мне не нравилось в доме, так это пол, покрытый черной и бежевой плиткой. Я почему-то была абсолютно уверена, что если бы за восемь шагов я не прошла восемьдесят плиток, то произошло бы непоправимое: умерла бы мама. А если бы я не прошла четыре раза по сорока плиткам… моя Тата?

У меня была большая комната и ванная, предназначенная только для меня. Я была вне себя от радости. Мыться здесь было сплошным удовольствием, потому что перчатки меняли свой цвет, когда я их намыливала и терла тело — зеленый, фиолетовый, голубой, — и мне приходилось их долго полоскать, прежде чем они опять становились белыми. Когда Тата узнала, чем я занимаюсь в ванной, она заставила меня поклясться не рассказывать об этом никому, потому что магия — это «занятие для чернокожих».

Но настоящая магия была в саду. Огромный сад был похож на волшебный лес с эльфами, гномами, троллями и целой свитой фей. В нем росли кротоны, палисандровые и банановые деревья, которые настолько подсластили горечь моей бабушки-садовницы, что она вновь надела свое шелковое платье Феи и стала колдовать над землей. Ей понадобилось не более года, чтобы превратить сад в заколдованный лес.

* * *

Наш дом находился в «замороженной зоне». Так называли кварталы, в которых жили семьи высокопоставленных чиновников. Начальницу зоны прозвали Китаянкой. Эта скверная женщина выселяла из богатых домов прежних владельцев, освобождала жилища от всего содержимого и передавала их руководящим работникам. Говорили, что этот пост ей доверил Фидель.

Наш дом находился на двадцать второй улице, под номером 3704, между тридцать седьмой и сорок первой улицами. Наш телефонный номер был 25906. В доме была кухня, прачечная, подвал, два гаража с комнатой для шофера и комната для прислуги с целой коллекцией женщин всех цветов. Это были «товарищи служащие», в задачу которых входило помочь Тате

разобраться в новых условиях.

Напротив находился парк Повешенных, населенный почтенными деревьями с длинными развевающимися бородами. Они были похожи на горбатых стариков с узловатыми руками, скрученными артритом.

Говорят, в парке снова стали находить повешенных, но их называли самоубийцами.

Мне, наконец, исполнилось четыре года, и поскольку в квартале Мирамар только что открыли государственную школу, меня отправили туда, чтобы я стала пионеркой. Этого хотела Фея, считающая себя пролетаркой, несмотря на то, что бедной ее никак нельзя было назвать.

Именно в это время я начала осознавать свою великую трагедию, суть которой заключалась в том, что я была не такая, как все, — я была белой вороной, и это мешало мне жить. Мои одноклассники жили или в старом полуразвалившемся доме за садом, или в маленьких кукольных домиках на окраине квартала Мариано, не относившемся к «замороженной зоне».

Я умоляла Фею не заезжать за мной в школу на «мерседесе», потому что никто из детей не приезжал в школу на автомобиле, не считая одной «дорогой малышки» и одного «дорогого малыша». Я не сомневалась, что меня за глаза тоже называли «дорогой малышкой». И потом, в отличие от моей Феи, мамы других детей были прачками или домохозяйками. У моей мамы было все особенное, даже нос, не говоря уж о ее великолепных зеленых глазах, и поэтому она слишком привлекала к себе внимание.

После моих настоятельных просьб мама уступила, и теперь в школу меня стала водить Тата. Но она наотрез отказалась снять свою белую накрахмаленную хлопчатобумажную униформу, много раз штопанную и перештопанную.

— У меня ненамного больше одежды, чем у этой девчонки, — сказала Тата.

Я убедилась в этом лично, порывшись в шкафу своей ванильно-коричной статуи.

— Мама, дай, пожалуйста, Тате новую одежду. Ну, мамочка!

— Послушай, Алина, ты видишь, что я ношу? Десять лет назад это было платьем. Хуана его перешила в юбку. У меня тоже немного одежды.

И правда… Но даже без чулок и в перешитой одежде она все равно выглядела королевой.

Мне пришлись впору блузки из органди моей сестры, превратившейся к тому времени в червяка. Но Тата крахмалила и гладила эти блузки с такой яростью, что скоро они превратились

в лохмотья.

Я унаследовала также костюм, сшитый лучшим театральным костюмером острова. Его когда-то носила моя сестра. Этот костюм был из зеленого атласа с черными вкраплениями. К нему полагались также бальные туфли и чепчик с антеннами. Это был костюм кузнечика. В нем я выглядела очень забавно.

Когда выяснилось, что я левша, это еще больше подчеркнуло мое отличие от других. Я писала буквы и цифры не так, как это делают все, а наоборот, и учительница вынуждена была подносить мои тетради к зеркалу, чтобы разобрать мои письмена.

Эту привычку мне в конце концов исправили, но в жизни я так и осталась левшой.

* * *

С возвращением в наш дом Фиделя жизнь стала намного приятнее. Хоть он приходил к нам не каждый вечер, как это было до разрыва с Феей, в доме все же чувствовалось его присутствие, сравнимое, пожалуй, с теплым пальто, которое немного обогревает дом. Мама повеселела. Бабушка Лала почти сразу потеряла свой шприц. Произошли и другие перемены. У меня появилось много новых игрушек. Вернулся тот солдатик, что раньше приносил нам молоко. Только теперь кроме бидона с молоком он привез нам прогорклое масло, ящик отвратительного кокосового йогурта, мясо, кукурузу и малангу. Все это было с «маленькой фермы Команданте». Для меня было загадкой, как Фидель, почти не выходя из телевизора, находил время для работы на своих плантациях. Вероятно, он делал это между двумя аплодисментами.

На Новый год солдатик принес нам даже миндальной халвы. Об этом распорядился начальник охраны, вскоре переименованный в дядю Пепе Этот симпатичный мулат любил качать меня на коленях.

Но многочисленные подарки и изобилие еды создали новые проблемы. Теперь я не могла пригласить к себе домой своих школьных друзей. Хоть их родители регулярно заглядывали в волшебный чемодан под названием «черный рынок», они не находили там ни миндальной халвы, ни масла, ни йогурта. По этой причине меня принудили хранить обет молчания. Мне не разрешали говорить не только о халве и масле, но и о многих других вещах, например о проигрывателе, чтобы потом его постоянно не просили у меня в школе. Мне нельзя было кататься на китайском велосипеде, подаренном дядей Пепе. И этот

велосипед пылился в гараже.

Честно говоря, я не слишком хорошо чувствовала себя дома и очень хотела эмигрировать к Иветт, у которой мама была домохозяйкой и поэтому никогда не уходила из дома. Конец недели я обычно проводила в их семье, вместе с папой, мамой, дедушкой, бабушкой, собакой и со старшей сестрой Иветт. Мы ходили на Санта-Мария-дель-Мар, этот благословенный пляж в двадцати минутах ходьбы от Гаваны. Мы переодевались в купальники у крестного Иветт и оставались в воде до тех пор, пока кожа от влаги не становилась морщинистой, как печеное яблоко.

Сюда же иногда по воскресеньям приезжал купаться Фидель. И тогда часть пляжа «замораживалась», если можно так сказать о пляже.

О его приезде можно было догадаться по обилию полицейских, обыскивающих близлежащие дома. Один из них заходил за мной и увозил в дом Фиделя. Там было совсем пусто — ни детей, ни фотографий на стенах. Одни только хмурые типы. От этого я скучала и начинала ласкаться к Фиделю. Он позволял себе немного заняться мной, а потом отправлял меня с кем-нибудь из охраны.

Мама Иветт всегда испытывала облегчение при моем возвращении.

— Слава Богу, ничего не произошло! — восклицала она, вздохнув. Она боялась, что в то время, как я буду у Фиделя, произойдет покушение на него.

В то время произошла история с ядерными ракетами. Фидель делил свое время между Никитой Хрущевым, маленьким старичком, похожим на белого тюленя, который так и норовил поцеловаться в губы, и Кеннеди, человеком с жабьими глазами, защитником империализма.

Горланящие толпы людей не уменьшались, но вместо «Вива! Вива Фидель!» и «К расстрелу! К расстрелу!» все стали кричать «Долой империализм!»

Это называлось октябрьским кризисом и было связано с типом, у которого были жабьи глаза. Если я не ошибаюсь, его преследовала навязчивая идея о бомбардировке острова. Фея оборудовала один из гаражей под убежище, потому что, по ее словам, империалисты могли напасть в любой момент. Все это очень будоражило людей. Бедняки стали вести себя как-то странно: вырядившись в форму, они ходили строем с деревянными ружьями, пели гимны и несли ночной караул. Если же у кого-то находили настоящее оружие, полиция конфисковывала его.

Напуганные и встревоженные люди ждали нападения и пели:

Que vengan! Que vengan! Que nadie los detenga!
Fidel, Fidel,
que tiene Fidel
que los americanos
no pueden con el!
Пусть они придут! Пусть они придут!
Пусть ничто их не остановит!
У Фиделя, у Фиделя,
У Фиделя имеется кое-что,
против чего американцы
не смогут ничего сделать!

* * *

Фидель почему-то грустил. Он не приходил к нам домой и на пляже больше не появлялся. И вдруг я увидела его на экране телевизора. На нем была шапка, обросшая шерстью. У Фиделя был очень испуганный вид из-за того, что тюлень Никита целовал его. Он находился в Советском Союзе с какими-то странными типами: они говорили по-тарабарски и любили целоваться.

С этого времени в Гаване стали появляться русские. У них были светлые волосы, золотые зубы, и от них очень скверно пахло. А скоро на черном рынке появились банки с русским мясом и бутылки с водкой. Сами русские покупали золото для своих зубов. А еще они привезли на Кубу новых кукол — бабушку по имени Баба Яга и Старика Хотгабыча, который вырывал волосок из бороды и… совершал чудо.

Когда они шли в свои клубы, то любили передвигаться целой толпой. А маленькие русские не ходили вместе с нами в государственные школы.

Однажды случилось чудо. Фидель пришел домой не вечером, а днем, как будто он уже не хотел прятаться.

Он приехал прямо из аэропорта:

— Я привез с собой два чемодана вещей для малышки.

Еще он привез с собой очень грязные ногти.

Я почистила их и расстегнула рубашку. Чемоданы с вещами так и не появились в нашем доме. Но поскольку Фидель не любил просить прощения, он столкнул вину на Селию Санчес, свою личную волшебницу, которую уже не раз обвинял в других нехороших делах. Так было, когда мы с Феей пришли в бункер на

одиннадцатую улицу, чтобы навестить больного Фиделя. Тогда по приказу Селии нас не впустили, и мы, униженные, остались стоять на тротуаре.

— Селия ошиблась и распределила эти подарки между детьми служащих моей охраны. Это все, что мне удалось взять.

И протянул мне куклу-голыша, пару спортивных брюк и пару чешских двухцветных туфель… Но был еще настоящий живой медвежонок. Его звали Байкал. Жаль, что бабушка Лала не согласилась, чтобы он жил в саду. Когда мне очень хотелось посмотреть на Байкала, я шла в Лагито, другую «замороженную» зону. Никто из моих одноклассников и подумать не мог, что у меня был настоящий медведь.

* * *

После русских с золотыми зубами Гавану захлестнуло новое бедствие в образе будущих Макаренко и Бетанкур.

Это были деревенские девушки, поселившиеся в опустевших домах богатых кварталов.

Им выдали коричневую униформу и по паре грубых черных башмаков. Многие девушки предпочли в скором времени расстаться с этой обувью и ходить босиком.

Они ходили группами и выкрикивали лозунги: «Родина или смерть!», «Фидель! Вива Фидель!»

Дома, в которых жили девушки, были переименованы в общежития. И даже величественный отель «Националь» превратился в общежитие.

Менялась страна, другим становились запах и шум города.

В садах пятой авеню, как впрочем и всего Мирамара, появились новые украшения. Это были биде. Деревенские девушки понятия не имели, для чего предназначены эти штуки, установленные в ванных комнатах, превращенных будущими учителями в место для стирки. Чтобы эти странные предметы не мешали во время работы, их разбивали и выбрасывали.

Вместе с биде в садах оказались и другие полезные предметы — стиральные машины, электроплиты, холодильники. В окружении цветов и деревьев распахнутые настежь холодильники выглядели особенно впечатляюще, напоминая собой хищные растения. Один из ближайших садов девушки использовали в качестве кухни. Здесь они разводили костер и готовили еду. Этот же сад дал приют строению с названием «уборная».

— Мама, что такое уборная?

— Это место, где справляют нужду крестьяне. В деревне ведь

нет электричества и водопровода, — объяснила мне Фея.

Впрочем, сейчас на отсутствие электричества и воды могли пожаловаться не только крестьяне. В Гаване часто отключали свет. Да и вода исчезала и появлялась, когда ей хотелось. Фея была в восторге:

— Эти девочки приехали сюда, чтобы получить хорошее образование. Крестьяне столько веков были угнетенным классом.

— Ну да, конечно…

Я была потрясена. До отвращения.

Гулять в садах отеля «Националь» стало очень опасно, потому что девушки бросали из окон разный мусор. Вам на голову могли, например, свалиться измазанные кровью трусики. Это приводило в бешенство мою Тату.

Однажды вечером я спросила у Фиделя, почему он позволяет этим девушкам так нехорошо вести себя по отношению к прекрасной Гаване. Ответ Фиделя был исчерпывающим:

— Когда эти девушки вернутся в деревню, они будут там защищать Революцию.

Но многие из предполагаемых защитниц Революции так и не вернулись в деревню. Они остались в Гаване и работают в школах.

Похоже, в деревне было недостаточно защитников Революции, потому что в Гавану продолжали приходить кубинцы с разных концов острова. Встал вопрос о том, куда их расселять. Решение оказалось простым: к жителям города обратились с просьбой приютить прибывших у себя. Так у нас в доме оказался паренек с просвечивающимися ушами и самыми грустными глазами, которые мне когда-либо приходилось видеть. Мальчишке было четырнадцать лет. Он рассказал мне, что пришел с гор Сьерра-Эскамбрей, что был старшим из пяти детей и что его отец выступал против Фиделя с самого начала. Я этому, конечно же, не поверила. Во-первых, на Кубе есть только одна настоящая гора. И ни для кого не секрет, что это Сьерра-Маэстра. А во-вторых, никто никогда не выступал против Фиделя, наоборот, все были за него и кричали: «Вива Фидель!»

Но парень подробно описал мне гроты, в которых прятались восставшие и куда он носил им продукты, пряча их под рубашкой. Он рассказал мне об аресте своего дяди и о его смерти. А еще он признался, что его вместе со всей семьей должны были отправить в тюрьму, но он потерял свои документы, и это его спасло. Одна семейная пара взяла его под свою опеку, выдав за сына. Так он оказался в Гаване среди учащейся молодежи.

Мальчишка попросил меня поговорить с Фиделем: «Пусть он выпустит мою маму и сестренок из тюрьмы. Их там бьют».

Паренек видел своими собственными глазами, как солдаты во время ареста били по лицу его сестренку Евангелину.

Я попросила Фиделя освободить родственников Панчито из тюрьмы. Не знаю, что произошло, но на следующий день мальчишки уже не было в нашем доме. В те дни я не раз обращалась с просьбами к Фиделю. У людей было много проблем и отличный нюх на местонахождение Команданте. Они подстерегали его у отеля «Хилтон», зная, что он любит подниматься на двадцать пятый этаж. Но Фидель скрывался в подземной автостоянке. Они поджидали его на одиннадцатой улице, но вся улица была оцеплена. И тогда эти люди стали ожидать Фиделя по утрам возле нашего дома.

Они ждали, когда я выйду в сад, а потом по очереди, строго соблюдая дисциплину, подходили ко мне.

— Малышка, передай, пожалуйста, Фиделю это письмо.

— И это.

— И это тоже.

Я передавала ему целые пачки писем, которые он рассовывал по карманам. А потом Фидель стал оставлять письма на столе возле кресла, в салоне. А моя прекрасная Фея попросила прекратить эти глупости, потому что Фидель не мог сам решить все проблемы, ведь он был перегружен работой.

Мне, конечно же, было известно о занятости Фиделя, впрочем, знала я и о том, что все другие люди тоже были очень заняты Социалистическим соревнованием, добровольным трудом, митингами на площади Революции. Но с некоторых пор я стала думать, что дело не только в занятости Фиделя. Я решила, что Команданте просто злой по отношению к этим людям. Мое сердце сжималось от жалости к этим просящим женщинам, мужчинам, старикам. Я продолжала продавать им лимонад, чтобы заработать себе на полдник несколько монет и чтобы утолить их жажду. Я все так же принимала от них письма для Фиделя. Но теперь я стала прятать все их горести, излитые на бумаге, в самых разных уголках своей комнаты — под матрацем, между стопками чистого белья, в ящиках.

В письмах говорилось об отцах, сыновьях и братьях, расстрелянных Раулем или Че. О людях, у которых отобрали имущество — аптеку, скобяную лавку, дом. О женах, которые не могли покинуть остров, чтобы встретиться с высланными из страны мужьями. О больных матерях и отцах, которые ждали своих детей.

После того как Тата желала мне спокойной ночи, а мама валилась с ног от усталости, я принималась читать эти письма, из которых вырывались тяжкие вздохи и лились горькие слезы. Я

читала о людских горестях, и сердце мое разрывалось от печали и скорби. Я сгибалась под весом многотонной человеческой печали и чувствовала себя опустошенной.

Эти письма оказались едва ли не первыми из того, что я прочитала самостоятельно. Кроме них, я тогда прочла «Мемуары» графа де Романонеса, две или три старые книги, оставленные моей сестрой, и журнал «Пионер», приведший меня в ужас. Я продолжала читать, надеясь найти в книгах что-нибудь полезное для себя. Но мои надежды оказались тщетными.

* * *

Селия Санчес, по прозвищу Змея подколодная, гипнотизировала Фею, как удав кролика. Она была начальником бюро Команданте. Все также знали ее как соратницу Фиделя, «сражавшуюся с ним бок о бок в Сьерре». И лишь немногим было известно, что Фидель пользовался ее знахарскими услугами. Команданте доверял своей соратнице многие секреты. Для оказания влияния на людей у этой колдуньи имелся свой собственный метод.

Волосы у Селии были всегда взлохмачены. Она собирала их в пучок, и называлась эта прическа «конский хвост». Этот непослушный хвост спадал то на одну, то на другую сторону вытянутой, как яйцо, головы. Из-под платья у Селии постоянно выглядывали кружева комбинации. Ноги у колдуньи были очень худые. Носила она туфли на тонких, высоких каблуках. Вкус у этой женщины полностью отсутствовал. При ее виде сразу вспоминались служащие женской транспортной полиции, которых прозвали попугайчиками за униформу кричащего цвета.

Многие люди были обязаны Селии головокружительным взлетом, а многие, наоборот, ошеломляющим падением. Как только эта женщина замечала, что кто-то слишком приблизился к Команданте, она тотчас же принимала самые решительные меры по наведению порядка. Команданте должен был принадлежать ей.

Фея и я стали мешать Селии Санчес. И я не удивилась, когда мы получили приказ отправиться в Париж. Мама так прокомментировала это известие:

— Это все Селия подстроила! Змея подколодная! Она почувствовала себя обманутой и преданной. Объяснив Фее, в чем состоит ее миссия, Фидель щедро выделил ей пятьсот долларов на одежду и на обустройство. Затем он поцеловал меня и ушел в ночь, оставив Фею в полном недоумении. Она с трудом осмысливала все только что услышанное. Под вадом первого

секретаря посольства Кубы ей предстояло выведать секреты французской химической промышленности. Если учесть, что Фея разбиралась в химии, как я в высшей математике, то задание было, мягко говоря, трудновыполнимым. Оно бы озадачило любого. Но надо знать мою Фею. Для нее идеология была превыше всего. Поэтому уже очень скоро она с энтузиазмом готовилась к выполнению ответственного задания, полученного лично из рук Фиделя.

— Мама, а французы говорят так, как мы?

— Нет, они говорят на другом языке, — ответила Фея и произнесла несколько странных звуков. Мне даже на какое-то время показалось, что мама простудила горло.

И мы стали готовиться к отъезду. Чтобы я смогла пройти школьную программу за год, мама попросила позаниматься со мной воспитательницу Лилию. А бабушка Лала отвела меня к портнихе Хуане, чтобы заказать платье. Примерки порядком утомили меня.

— Да не так же, Хуана! Разве ты не видишь, что здесь ткань собирается в складки? Да и юбка плохо лежит.

Бедная Хуана удивленно смотрела на Лалу и только кивала головой. Говорить портниха не могла, потому что губами она держала целый пучок иголок. А бабушка уверенными движениями втыкала иголки и булавки то по низу платья, то по поясу. Из Феи сада Лала временно превратилась в Фею иголок, наперстков и других швейных принадлежностей. Все они с удовольствием подчинялись ей.

Мы с Феей нанесли прощальные визиты сестрам Фиделя, с которыми Фея дружила. Их было трое: Агустина, Анхелита и Хуанита.

В квартире у Агустины вместо мебели стояло несколько роялей, потому что ее муж был музыкантом. Фея говорила, что Агустина очень несчастлива. Анхелита жила на огромной ферме в Капдевилле со своим сыном Майито. А Хуанито… Ей в скором времени предстояло превратиться в отвратительного земляного червяка.

После обеда я отправилась к дяде Педро Эмилио и пробыла у него до самого вечера. Педро Эмилио был поэтом. Он очень любил, когда я по воскресеньям приходила к нему помочь разобраться с рифмами. Мне тоже нравилось сочинять стихи вместе с дядей Педро Эмилио.

А потом я попрощалась с Татой и моими лучшими подружками, Иветт и толстушкой Тотой. Мне так не хотелось с ними расставаться…

Но в самолет я поднялась с радостью, потому что впереди

было знакомство со страной аистов, приносящих в пеленках малышей. А еще я с нетерпением ждала встречи с огромными старинными замками, в которых жили принцессы и угнетатели-короли, для которых изобрели гильотину.

Вместе с нами в самолете летело много других кубинцев, которым, как и моей Фее, предстояло выведывать секреты в чужой стране. Целая группа мулатов направлялась в Париж, чтобы проникнуть в тайны ферментации йогуртов и сыров. Фидель хотел наладить на Кубе производство этих продуктов.

Каждый летел во Францию с определенным заданием. И только я составляла исключение. Я всего лишь безропотно подчинялась своей судьбе, которая очень скоро проявила свой скверный характер.

— Ты хочешь чего-нибудь? Может, выпьешь лимонада? — спросил у меня молодой симпатичный стюард, когда мне стало плохо.

— Нет, спасибо. У меня вот здесь, на шее, какие-то шарики. И мне так плохо!

— Ого, да это похоже на свинку! Я сюда больше не подойду.

И стюард стал разносить пассажирам бутерброды и сандвичи. С диагнозом он не ошибся. На следующий день в Мадриде я лежала в постели с обезображенным лицом. Меня сильно лихорадило. Я впервые болела без моей ванильно-коричневой Таты. А Фея… Она стояла у моей кровати и не знала толком, что со мной делать.

Но вот, наконец, меня стали лечить. Сначала пытались измерить температуру, вставив мне в зад термометр. А потом туда же засунули свечу. Это было ужасно! Свинка — отвратительнейшая из болезней! Хорошо еще, что со мной не было Таты. Она бы обязательно пересчитала все свечи, которые мне нужно было использовать по назначению. Но ванильно-коричневая статуя была далеко, поэтому я смогла без особого риска спрятать весь арсенал свечей под подушку. И в результате моя свинка превратилась в огромную свинью.

* * *

Париж был необыкновенно красивым. Но его вид здорово портило огромное железное сооружение, которое громоздилось посередине. Разумеется, французам об этом говорить не стоило, поскольку они особым терпением не отличаются. Говорят, что французы смогли навязать всему миру свою кухню и свои изысканные манеры благодаря улиткам, которых они так любят

есть сами и с удовольствием угощают ими гостей.

Мы поселились в отеле «Акации» на улице Акаций. В нашем номере не было ни душа, ни биде. Но Фея не растерялась и купила аппарат для промывания кишечника, то есть клизму. Мы вешали его на стене и мылись почти как под душем.

Мне нужна была какая-то одежда. Фея всегда настаивала на том, чтобы я была одета элегантно, даже если надевать было нечего. Теперь она решила, что нужно сделать ставку на сочетание цветов. Конечно, коричневый, зеленый, синий и темно-серый цвета прекрасно гармонировали между собой, но производили несколько мрачное впечатление. Нужно было их чем-то оживить. И тогда Фея решила, что двухцветные туфли — это та самая изюминка, которая сделает мою одежду более элегантной и оригинальной.

Итак, одежда для меня была куплена. Теперь настал черед подумать о жилье. Мы сняли квартиру на авеню Фош, возле посольства. Владел квартирой маркиз, страстно увлеченный гигиеной тела. Во всяком случае, именно такие мысли приходили в голову при виде ванной комнаты, которая превосходила своими размерами все остальные комнаты квартиры.

Когда мы, наконец, устроились, Фея выбрала мне хобби, мотивируя это тем, что необходимо развивать ум.

— Мама, а что такое хобби?

— Хобби — это занятие, которому посвящают свое свободное время. Думаю, тебе стоит заняться коллекционированием марок. Это очень интересно. Начни с цветов и флагов.

Какой ужас! И она еще критиковала Лалу Натику, когда та подбирала для нее обувь и сумки!

Немного позже Фея выбрала мне школу.

— Она называется пансионат «Клер Матэн». Это в двадцати пяти километрах от Парижа. Я отвезу тебя туда завтра.

Я не осмелилась спросить Фею, как буду добираться в такую даль каждый день.

Оказывается, туда ходил поезд. Сверхскоростной. Мы приехали в Сен-Жермен-ан-Лэй в воскресенье к концу дня. Фея несла с собой плетеный чемодан.

Пансионат «Клер Матэн», что в переводе с французского означает «Ясное утро», находился за серой стеной, к которой была прибита табличка с надписью «Danger».

— Мама, что здесь написано?

— «Опасно».

Моя аура стала более серой, чем стена перед пансионатом, а по спине, как предупреждение о надвигающейся катастрофе, пробежал неприятный холодок.

Вскоре мы оказались перед двумя дамами: одна из них была маленькая и невообразимо пухленькая, как мягкая булочка, а вторая, напротив, сухая и жесткая, как палка.

Мама передала чемодан плохо воспитанной девушке, которая что-то говорила мне на непонятном французском языке.

— Я же не буду здесь спать, а, мама? Ну ответь мне, пожалуйста! Ты же не оставишь меня здесь на ночь?

— Иди с Мишель, дорогая. Придется ночевать в пансионате, потому что по-другому никак не получается.

Почему же не получается? А школа возле нашего дома? Почему я не могу учиться в ней? И не нужно было бы никуда ездить.

Но все, что мне было обещано, это week-end с Феей. Она сказала, что приедет за мной в следующую субботу.

Мишель отвела меня в комнату, в которой стояло три кровати. Не имея ни малейшего желания оставаться в этом отвратительном заведении, я кричала и топала ногами от ярости до тех пор, пока у Мишель не лопнуло терпение и она дала мне пощечину. Это была моя первая в жизни пощечина.

Я кричала до тех пор, пока не обессилела.

К тому времени, когда Фея приехала за мной в конце недели, я уже успела ее простить. Я потихоньку привыкала к жизни в пансионе. Училась я в школе, находящейся в нескольких километрах от пансиона. Это было не очень удобно. Но зато, как во всех французских школах, у нас не было занятий в четверг. В пансионе это был банный день.

Я всегда мылась вместе с девочкой, которую звали Тамара. Когда мы выходили из воды, после нас на стенках ванны оставался серый густой слой грязи. Мне всегда было неловко и противно от этого. Несколько раз я попыталась мыться тайком в другие дни недели, но была поймана и наказана. После этого мне пришлось смириться с существующим порядком, и в течение всего последующего пребывания в пансионе «Клер Матэн» я мылась только по четвергам, стараясь отводить взгляд от грязной ванны.

Каждый день я писала своей Фее письма. Я разбавляла горючими слезами чернила на своих прошениях, в которых умоляла мамочку почаще ко мне приезжать. Мама отвечала ласковыми письмами. Они приходили в конвертах с марками, на которых были изображены цветы или флаги. Мама не забыла о моем хобби и заботилась об увеличении моей коллекции марок.

Но если говорить совсем откровенно, то, по-моему, в то время по-настоящему ее интересовала только химическая промышленность.

Однажды в деревню, где находилась наша школа, приехал де Голль. Дети торжественно встречали его, бросая цветы. Когда он стал пожимать руки, я протянула ему левую руку и почувствовала себя героиней. В пансионате надо мной по этому поводу подшучивали:

— Ты, коммунистка, пожала руку де Голлю?

Ну и что же тут такого? Подумаешь! Тем более что рука-то была левая. А что касается коммунистки, то я и в самом деле готова была в случае необходимости встать на защиту коммунизма и бедного Фиделя. Время от времени мне предоставлялась такая возможность, потому, что в школе мальчишки смеялись над тем, что Фидель всегда носил военную форму. А еще они состязались в рифмовках. Побеждал тот, кто придумывал самую смешную рифму к его имени или фамилии.

Когда мы с Феей шли по улице, нас иногда останавливали, чтобы поинтересоваться, не прихожусь ли я дочерью великому клоуну Чаплину. Мне говорили, что я очень похожа на Джеральдину. Но Фея отвечала, что мой отец — клоун гораздо большего масштаба. Этот ответ мне казался странным, ведь я ни разу не видела папу Орландо в клоунском наряде.

В пансионате меня заставляли есть артишоки и конфитюр из ревеня. От этой еды меня тошнило. Впрочем, и эту отвратительную еду, и многое другое можно было вытерпеть. Гораздо труднее было дождаться субботы, ради которой я, собственно, и жила. В субботу приезжала моя Фея, разбивающая мужские сердца, словно хрупкие стеклянные сосуды. У прекраснейшей из Фей не было отбоя от поклонников. Среди претендентов на ее внимание были мужчины всех возрастов и самых разных национальностей. Одним из ее обожателей я воспользовалась самым коварным образом. Это был итальянский промышленник из Милана. Он отправлял Фее дюжины роз, а мне тайком протягивал красивые шелковые портмоне со стофранковыми купюрами. Это был аванс за то, что я позову Фею к телефону или впущу его в квартиру, когда Фея будет делать вид, что ее нет дома. Я даже хлопотала за миланца перед Феей. Но она была непреклонна:

— Каждый раз, как он прикасается ко мне, меня тошнит от отвращения.

Благодаря, расточительности Эгидио я смогла запастись к отъезду кое-какими интересными вещами. Я купила большой раскладной пластмассовый бассейн для сада, полосатую бело-синюю палатку для походов в Санта-Мария-дель-Мар. Кроме этого, я приобрела набор юного химика с пробирками и спиртовкой и набор юного биолога с микроскопом и

пластинками.

Год закончился великолепно: в одно прекрасное утро в пансионате «Клер Матэн» появилась Лала Натика. И мы с ней поехали в Нормандию на «мерседесе», который недавно прибыл с Кубы и сиял своим новеньким дипломатическим номером. За рулем сидела прекраснейшая из Фей. В отличие от нас с бабушкой Натикой, ее в Нормандии ожидала работа. Фее предстояло уговорить французского ученого Андре Вуазена приехать на Кубу по приглашению Фиделя.

Вуазен изобрел способ интенсивного откорма овец, и Фидель предлагал ученому испытать свой научный метод на кубинских коровах.

Путешествие прошло великолепно. И все было замечательно, как вдруг я узнала, что должна немедленно вернуться в Гавану.

Над Кубой вновь нависла опасность бомбардировки. В это время до Феи дошли слухи о том, что якобы она вместе с дочерью и матерью собирается просить политического убежища во Франции. Этого Фея не могла оставить без внимания. Грязные сплетни больно хлестнули по ее безупречной порядочности. Дело усугублялось тем, что многие кубинские дипломаты в самом деле просили политического убежища в других странах. Например, так было в случае с Кабрерой Инфанте во время выполнения дипломатического поручения в Лондоне. Пребывание за границей было отличной лазейкой для тех, кто хотел покинуть остров. Фея не хотела, чтобы ее сравнивали с предателями. А поскольку она не могла вернуться на Кубу раньше, чем выполнит свое разведзадание, то у нее оставался единственный способ заставить молчать сплетников. Этот способ заключался в том, чтобы отправить на остров мать и дочь.

* * *

И вот я снова на Кубе. Все неприятности, связанные со скоропалительным отъездом, уже позади, и я переживаю радость встречи с моей ванильнокоричневой статуей, с моей Татой. Какое счастье вновь оказаться в ее объятиях! И снова просыпаться от прикосновения ее добрых заботливых рук! Моя милая, нежная Тата! Прежде чем осторожно извлечь меня из страны сладких снов, она обувала меня прямо в постели, даря мне свою заботу, свое тепло. Тата, мой добрый черный ангел!

Потом была встреча с Фиделем. Он приехал в первый же вечер. Фея передала ему два стеклянных пистолета, наполненных виски, бумаги и чемодан сыра.

Судьба первого чемодана, который Фея отправила немного раньше, была печальна. Он закончил свой жизненный путь в саду историка Ле Риверенда. Когда хозяин сада обнаружил, что чемодан стал раздуваться и издавать чрезвычайно неприятный запах, он всполошился и сообщил о странном поведении чемодана в секретную полицию. Полицейские прибыли на место и открыли огонь по подозрительному чемодану, после чего сад заполнился огромным количеством французских червяков. Высокие иностранные гости, оказавшись в обжигающих объятиях кубинского солнца, немедленно раскрыли зонтики, чтобы не обжечь свои нежные бока.

В тот вечер я научила Фиделя играть в кости. Мы играли до тех пор, пока я не устала. Потом я показала ему микроскоп, пластинки и все свои медицинские инструменты. Он сразу спросил, где я взяла деньги на эти покупки. Я рассказала о богатом итальянце. Фиделя эта история очень позабавила. Перед тем как уйти, он сказал мне:

— Ты будешь изучать промышленную химию. Запомни это!

Я не пришла в восторг от этой идеи, потому что любила медицину, а не химию. Но мне не хотелось перечить Фиделю, чтобы не навлечь неприятностей. Я была уверена, что он отправил нас с Феей во Францию, чтобы наказать за те письма, которые я ему подсовывала, за жалобы на злую Китаянку и за мою просьбу освободить родственников того паренька, который жил у нас в доме.

Я поняла, что с Фиделем нужно обращаться так же нежно, как это всегда делала Фея или как вели себя с французскими королями куртизанки. Нужно было всегда улыбаться и ни в коем случае не касаться вопросов, каким-то образом связанных *с* государственными делами. Когда Фидель хотел немного отдохнуть, он устраивался на диване и просил меня подрезать ему ногти. А потом я приносила ему кофе с молоком. Обязательно в большом стакане, потому что пить из чашек он не любил. Выпив кофе, он расстегивал форму, закуривал сигару и наслаждался отдыхом.

Я очень любила садиться к нему на колени. В отличие от многих других, он относился к этому терпимо и никогда не сгонял меня с колен.

До возвращения Феи оставалось пять месяцев. На протяжении всего этого времени каждый вечер к нам приходил Фидель. Я всегда с нетерпением ждала его. Мне нравилось, что он приходит поздно. Но Лала Натика неодобрительно относилась к его ночным визитам:

— Что за привычка ходить к людям ночью?

* * *

Мое возвращение в школу сопровождалось некоторыми осложнениями. Казалось, я все делала, как положено — не нарушала дисциплины, не грубила, не опаздывала на уроки, — но учительнице казалось, что со мной происходит что-то неладное. И дети постоянно спрашивали у меня, не простудилась ли я. Им казалось, что у меня насморк, потому что говорила я как-то в нос. А еще мне говорили, что я как-то странно произношу букву «р».

За то время, что я провела во Франции, у меня появился французский акцент. Но дело было не только в произношении. Каким-то образом изменилась и вся я со своим внутренним миром. А часть моей души навсегда осталась там, за много километров от Кубы, под гостеприимным небом Франции. Внутри меня еще звучали песни Жака Бреля и Брассенса, и какой-то невидимый волшебник рассказывал мне басни Лафонтена, а я уже должна была петь вдохновенные гимны пионеров Кубы.

Я училась в пятом классе, но меня перевели в четвертый. Я не учила ничего, кроме истории и географии Кубы. Эти предметы стало намного проще изучать после того, как их переписали. Историк Ле Риверенд совершил головокружительный скачок от посаженных на кол и заживо сожженных христианами индейцев таинос до кубинской Революции, подчеркнув отрицательное влияние империализма.

Если верить учебнику Ле Риверенда, то история Кубы началась совсем недавно, а именно со дня штурма казарм Монкада.

Но разве я могла принимать всерьез рассуждения господина, по просьбе которого расстреляли чемодан с сыром?

Что касается учебника географии, то он не очень отличался от старого учебника, по которому занималась моя сестра Натали. Нововведения заключались в том, что нужно было знать и уметь показывать на карте места, где сражались повстанцы под командованием Фиделя. Автор нового учебника предлагал свою собственную гипотезу происхождения острова. Согласно этой версии, Куба представляла собой возвышенность, образованную из птичьего помета и разного рода морских отходов, нанесенных Гольфстримом и другими течениями на пупок между двумя континентами. Сам автор гипотезы был от нее в восторге.

А Фидель продолжал выступать по телевидению. Теперь он рассказывал кубинцам об искусственном осеменении.

Выполняя задание Фиделя, Фея уговорила французского ученого Андре Вуазена приехать на Кубу. Вуазен был очень тепло встречен Фиделем. Это так обрадовало бедного старика, что

сердце подвело его и он умер от инфаркта. С тех пор каждый год на остров по приглашению кубинского правительства приезжает вдова ученого. Она навещает могилу своего мужа, умершего от избытка радости.

В это время с благословения Фиделя кубинские ученые проводили работу по выведению новой породы коров. Им было дано задание получить устойчивую к местному климату породу мясного направления. Предполагалось, что скрещивать будут зебу с канадской Holstein. Вся Куба была в курсе проводимых экспериментов. Фидель часами говорил о генетике, о породе коров, которая накормит мясом кубинский народ.

Я устроилась перед телевизором, ожидая появления русских кукол, а вместо обещанного «Старика Хотгабыча» на экране возникла корова, «искусственно осемененная кубинскими специалистами, прошедшими обучение в Советском Союзе». Специалисты поднимали корове хвост и по локоть засовывали ей руку в зад. Несчастное животное вопило от боли, выталкивая из себя окровавленную руку.

Мне было жаль бедную корову. Когда мне таким же способом измеряли температуру, я чувствовала себя отвратительно. Каково же было ей, бедняжке?

* * *

Общаясь со своими друзьями, я испытывала немало трудностей. Например, я не могла с ними поделиться своими игрушками. И речи не могло быть о том, чтобы я дала кому-нибудь поиграть своими куклами Барби. Я бы просто со стыда сгорела. Ведь куклы Барби были капиталистическими игрушками. Я не могла также дать почитать многие книги своим друзьям, потому что книги эти были написаны на иностранном языке.

В детстве особенно трудно быть не таким, как все. К счастью, у меня было то, что заставляло меня забывать и о моей непохожести на других, и обо всем остальном. У меня была своя лаборатория в шоферской комнате над гаражом. Я уединялась там, укрываясь от всего мира. Здесь, в этой импровизированной лаборатории, меня ждали книги по физиологии растений, животных и человека. Я общалась с великими учеными и знакомилась с самыми странными болезнями. Я, например, узнала, что бывают мужчины, у которых, как у женщин, в груди образуется молоко. И это называется гинекомастия. Я узнала, что такое энтомоз и кто такие фитофаги. И все это было безумно интересно.

* * *

Через пять месяцев с чувством исполненного долга из Франции вернулась Фея. За время пребывания за рубежом она всерьез увлеклась проблемами производства сыра. Впрочем, ее интересовал не только сыр. Поле ее деятельности включало в себя многие сферы жизни. Например, ее интересовал профессиональный уровень кубинских музыкантов. Без ее внимания не осталось сельское хозяйство острова. Фея смогла извлечь из недр Нормандии Андре Вуазена к огромному удовольствию Фиделя и кубинских коров, которые предавались настоящим травяным оргиям, не догадываясь, что этим они обязаны методу интенсивного откорма, разработанному французским ученым.

Фея была воплощением активности и сознательности, и поэтому я не могла понять, почему Фидель перестал к нам приходить. К моей большой досаде, в доме не было водки, и я не могла колдовать старым, испытанным способом. Мне ничего не оставалось, как испытать новый способ колдовства. Я

позаимствовала его у старика Хоттабыча. Благо, для этого у меня оказалось в запасе несколько волосков с бороды.

Итак, я сожгла три волоска и стала ждать чуда, но чуда не произошло. Прошло более восьми месяцев, прежде чем Фидель вновь появился у нас, к великой радости Феи.

В этот вечер я оставила их одних, зная, как много ей нужно сказать ему. Она провела столько бессонных ночей, измученная долгим ожиданием и опечаленная тем, что осталась без работы. Ей было что сказать и о чем спросить. Например, ей было непонятно, почему на всем большом острове нет ни одного человека, который мог бы обратиться к ней без вмешательства Фиделя.

На следующее утро она сообщила нам две новости:

— Во-первых, Фидель назначил меня ответственной за документацию и информацию Национального научно-исследовательского центра. А во-вторых, я начинаю новую жизнь.

Начинать новую жизнь гораздо легче с мужем. И Фея вышла замуж. Ее супруг был вполне порядочным человеком, но у него всегда был удрученный вид. К тому же он, как хамелеон, сливался с окружавшей его мебелью. В моей памяти сохранился лишь один эпизод с маминым мужем. Однажды я вышла в гостиную, когда он ел арбуз. Благодаря ярким цветам арбуза мамин муж стал видимым.

Но я так и не успела привыкнуть к этому человеку, потому что через год они с Феей развелись. И теперь моя мама смогла полностью посвятить себя работе. Она ходила с одного собрания на другое. Она твердо держала оборону против всех козней, которые ей чинила Селия Санчес, чтобы помешать вступить в Коммунистическую партию. Фея была очень занята. Чтобы увидеть ее, мне приходилось идти к ней на работу.

Когда я входила в кабинет к маме, то обычно наблюдала такую картину. Беременная негритянка, мамина секретарша, спала на диване, подняв вверх ноги. А мама перебегала от одного стола к другому, работая за себя и за спящую секретаршу. Увидев меня, Фея подносила палец к губам, предупреждая о том, чтобы я, не дай Бог, не разбудила бедную женщину.

Я очень любила приходить в лабораторию генетики. Сами сотрудники называли свою лабораторию цирком, потому что «как же иначе назвать горбатого, хромого и карлика».

У генетиков была огромная банка, наполненная зародышами. Они разрешали мне забирать все, что казалось мне интересным, для моей лаборатории. Я уносила эти подарки в комнату над гаражом, помещала их в банки с растворами собственного изобретения и заливала их сургучом. Это были мои гомункулусы

и инкубусы.

Доктор Гранадос, лучший друг Че, взял меня к себе в ассистентки. Он проводил опыты на кроликах. Суть этих опытов состояла в том, что у подопытного животного под общим наркозом с помощью электрода разрушался тот отдел головного мозга, который управляет процессами питания в организме. Иначе говоря, с удалением этого отдела у животного, по предположению доктора Гранадоса, должно потеряться чувство сытости, то есть кролик стал бы очень прожорливым и за счет этого быстро бы набирал вес.

Но эти опыты оказались слишком дорогими и не оправдывающими себя. Большинство подопытных кроликов заснули вечным сном. Я радовалась, что друг Че имел дело всего лишь с кроликами, а не с людьми.

А в моей жизни вот-вот должны были наступить значительные перемены. В школу пришло сообщение о конкурсе по отбору детей в балетную школу. Я приняла участие в конкурсе и была принята.

Так начался самый лучший период в моей жизни, о котором я с радостью вспоминаю.

Мы изучали языки и музыку, а в конце недели нас водили на балет Алисии Алонсо.

В балетной школе не ходили строем, не заучивали наизусть лозунги. И форма у нас была другая — черные юбки и белые блузки.

Я сильно похудела и вытянулась. У меня изменилась походка. Я стала ходить, как Чарли Чаплин, вывернув носки наружу.

Мне нравился балет, мне нравилась эта школа. Мне казалось, что я попала в страну чудес. В полдень, несмотря на невыносимую толчею в автобусах, ко мне приезжала Тата и привозила горячий обед. Она ни за что не хотела соглашаться с тем, чтобы я питалась всухомятку.

Рядом со школой продавали мороженое. Это было единственное место в Гаване, да и на всем острове, где можно было купить мороженое, поэтому очередь всегда была огромной. Сюда приезжали люди из разных концов города и выстаивали длинные очереди, но, как сказали бы французы, Париж стоит мессы. Награда за мучительное ожидание была велика. Мороженщик Коппелиа предлагал на ваш выбор целых двадцать четыре сорта мороженого! Можно было купить даже томатное.

В это время в моей жизни произошло еще одно очень важное событие. Во мне проснулся поэт. Вероятно, сказывалось влияние Франции, песни которой еще звучали во мне. В моей душе рождались стихи. Я решила поделиться с мамой своим

сокровенным и принесла ей свое первое в жизни произведение.

— Я написала это для тебя, — сказала я, протягивая маме свою поэму.

Мама была так сильно впечатлена, что показала поэму своим друзьям-художникам. Тем самым, которые однажды, в порыве любви к абстрактному пуантилизму, осквернили своими картинами все стены и всю мебель в квартире. Эти люди воспринимали мою маму как меценатку. Прочитав мою поэму, художники решили, что ее обязательно нужно напечатать в каком-нибудь журнале. Они пустили в ход свои связи, и вскоре моя поэма была опубликована в отвратительном еженедельном журнале «Пионер».

В воскресенье я проснулась от крика и грохота, издаваемого моей подругой толстушкой Тотой. Она прыгала по лестнице и вопила:

— Алина! Алина! Вставай! Ты в «Пионере»! Там твоя поэма и твоя фотография! Ах, моя дорогая худышечка! Как же я рада! Мы же с тобой подруги, правда?

И она стала меня трясти и душить в своих жарких объятиях.

Это известие потрясло меня. От ног к голове пробежала дрожь, пронзив живот и обдав меня горячей волной. Я взорвалась в приступе смеха и рыданий. И хоть это напоминает описание оргазма, я пережила, скорее, апогей тоски.

Грусть и радость не так уж далеки друг от друга. Мне было радостно, но вместе с тем и грустно. Я очень огорчилась от того, что теперь мои самые сокровенные мысли стали общим достоянием. Я доверила Фее самое интимное, а она рассказала об этом всем. Моя Фея предала меня.

Снимок, помещенный в журнале, был сделан Альберто Кордой. Я стояла возле трибуны во время выступления Фиделя. Вид у меня был очень усталый и к тому же довольно глупый. Эта фотография разозлила меня, но не настолько, как биографические сведения обо мне: «Алина знает французский язык и любит играть в куклы…» Ну просто портрет кисейной барышни… Эдакой маленькой буржуа…

Когда Тота ушла и я, наконец, смогла перевести дыхание, я стала размышлять о случившемся. Ясно было одно: теперь мне в школе лучше не показываться, я от стыда сгорю. И я решила сегодня же сообщить о своих планах маме. Но поскольку ее дома не было, я пошла пожаловаться Тате:

— Тата, Тата! Посмотри, что натворила мама!

Тата взяла журнал, взглянула на фотографию, пробежала глазами поэму и заметку обо мне. Я ждала взрыва возмущения, но услышала спокойное:

— Ну и что здесь страшного?

Моя трагедия не тронула Тату.

После обеда приехала Фея. На ней была хлопчатобумажная блузка в белую и красную клетку, выгодно подчеркивающая грудь, и расклешенная юбка, стянутая на талии белым ремешком. Ну просто манекенщица! Казалось, она сошла со страниц журнала мод.

Она подъехала к дому на своем «мерседесе». Мы с Гуарапо встретили ее. Обычно мы с собакой предчувствовали появление Феи: Гуарапо начинал как-то по-особому лаять, а мне без видимых причин становилось очень радостно… В этот раз я ждала маму с особым нетерпением. Я не могла прийти в себя от возмущения, хоть и старалась держаться спокойно. Подумать только! За целый месяц не обмолвиться ни одним словом о своей затее! Я с неприступным видом повела ее в гостиную, включила тихую музыку, а затем усадила в любимое кресло Фиделя, в котором она устраивалась только в тех исключительных случаях, когда хотела с ним мысленно пообщаться.

— Я хотела бы с тобой поговорить, — сказала я маме.

То, что Фея услышала, никак не входило в ее планы.

— Девочка моя, я так устала. Может быть, отложим разговор?

Но я не стала его откладывать.

— Почему, почему ты так ужасно поступила со мной? Почему ты мне ничего не сказала?

— Да, Алина… Да, девочка моя, ты, конечно же, права… Я должна была тебе рассказать обо всем уже давно… Но, маленькая моя, я не хотела, чтобы ты узнала эту новость от меня.

— А от кого же я должна была это, по-твоему, узнать? От толстушки Тоты? Кто еще об этом знал?

— Я не знаю точно. Думаю, что многие…

— Прекрасно! Знали все, кроме меня!

— Алина, постарайся понять меня. Я надеялась, что Фидель сам тебе об этом скажет… Он так давно не приходит к нам… Я думала, что он скажет тебе…

Просто замечательно! Оказывается, в мои поэтические бредни был посвящен даже Команданте! Ну еще бы! Такая поэма! Еще немного, и я стану великой поэтессой Кубы!

— Это просто какой-то кошмар.

— Алина, доченька…

— Я никогда тебе этого не прощу.

— Не говори таких слов, пожалуйста. Послушай меня. Я тебе все расскажу.

* * *

И вот что Фея мне рассказала:

«Ты еще помнишь наш первый дом? У нас было все. Мы жили, ни о чем особенно не заботясь. Натали росла здоровой и красивой девочкой. Я работала в „Эссо Стандарт Ойл“. Но, несмотря на работу, у меня было много свободного времени, и я прекрасно его проводила. Я играла в бридж или теннис, пила коктейли, как большинство моих друзей, которые только этим и интересовались. Мне же этого было мало. Слишком мало. Ты ведь знаешь, что я всегда стремилась быть полезной людям.

В школе вам рассказывали про Батисту, сержанта, который очень быстро стал генералом, а потом, вопреки желанию кубинцев, объявил себя президентом. Так вот, Батиста не успел еще прийти к власти, а на улицах уже лежали убитые. Этот генерал задушил гражданскую власть с помощью военной силы. Все выступления Батиста топил в крови.

Однажды утром я увидела убитого мальчика возле своего дома. Полицейские Батисты изуродовали его.

Этот случай открыл мне глаза на происходящее. Я вдруг увидела, что многие люди живут без малейшей надежды на будущее и что их детям тоже никогда не выбраться из нищеты.

В это время много говорили об Эдуардо Чибасе, человеке чести. У него был прекрасный девиз: „Позор деньгам“. Чибас говорил, что правители не имеют права обогащаться, обманывая и грабя народ. Он руководил партией, которая называлась Ортодоксальной. Из него вышел бы хороший президент.

Чибас был против возрастающей власти Батисты и предостерегал об этом кубинцев.

Эдди Чибас регулярно выступал по радио. Однажды вечером он публично обвинил министра в том, что тот пользуется государственными деньгами, и пообещал предъявить доказательства. Но по каким-то причинам он не смог этого сделать и, верный своим представлениям о чести, покончил жизнь самоубийством. Это было в августе 1951 года. Я слушала ту его последнюю передачу и слышала выстрел.

В ту ночь я не смогла заснуть. Рано утром я оделась в черное и пошла в радиоцентр, из которого передавалось выступление Чибаса. Там все было в крови. Это была кровь совести Чибаса. Я прикоснулась к ней руками. Я смотрела на свои руки, омытые кровью Чибаса, и думала о том, что если я ничего не сделаю против существующей несправедливости, то всегда буду чувствовать себя виноватой.

Мне пора было идти на работу. По дороге я зашла к слесарю и заказала три копии ключа от дома. Я собиралась отдать их трем самым многообещающим руководителям Ортодоксальной партии.

Один из ключей предназначался кандидату на пост глашатая партии, молодому человеку, который замещал Чибаса на радио. Этим человеком был Фидель. Я не была знакома ни с кем из троих, но хотела, чтобы они знали, что мой дом был для них всегда открыт и что я всегда в их распоряжении, а также в распоряжении их семей.

Фидель поблагодарил меня за этот поступок. Не лично, а через кого-то из знакомых. Он сообщил мне, на каких частотах и в какое время я смогу слушать его по радио. Помню, как долго и безуспешно я пыталась настроить радиоприемник, чтобы послушать выступление Фиделя.

Десятого марта 1952 года Батиста совершил государственный переворот и стал президентом Кубы. Он был узурпатором и убийцей, и кубинцы считали своим долгом бороться против этого преступника. Я входила в подпольную группу женской организации имени Хосе Марти. Но наша деятельность была слишком скромной.

Фидель выступал как преемник Чибаса. В этом году нас представили друг другу. Это было двадцать седьмого ноября во время митинга протеста против казни восьми студентов-медиков, обвиненных в осквернении могилы одного испанского военного. Этот митинг был организован также в честь другого испанского военного, капитана Федерико Кандевиллы, который сломал шпагу, когда узнал об этом злодеянии.

Чтобы сорвать это мероприятие, полиция отключила электричество.

На митинг я пришла вместе с женщинами группы Хосе Марти. Я не знала, что здесь будет Фидель.

Во время нашей первой встречи мы много смеялись. Фидель еще раз, теперь уже лично, поблагодарил меня за ключи. Он показался мне очень соблазнительным.

В следующий раз мы встретились в марте 1953 года. Я очень хорошо это помню, потому что в то время потеряла ребенка, который должен был родиться. Может быть, это был мальчик, а может, ты хотела появиться на свет немного раньше. Я была в подавленном состоянии. Чтобы понять, что я тогда испытала, нужно быть женщиной. Ты пока еще не можешь этого понять.

Немного позже Фидель очень смиренно сообщил мне, что хотел бы прийти ко мне домой. Я ответила ему, что Орландо возвращается с работы после пяти часов вечера.

Вскоре он пришел к нам. Он вдохновенно рассказывал нам о том, что необходимо развивать передовое революционное движение, а также о том, что Батисту нужно отстранить от власти с помощью силы, потому что он пришел к власти тоже с помощью

силы. Он говорил, что не одобряет выжидательной политики тех общественных и политических деятелей, которые забыли о традиционных методах борьбы кубинцев и о наших предках mambis.

Мы пригласили Фиделя поужинать с нами. Чуча приготовила жареный окорок с ананасом, картофельное пюре и овощной салат.

Фидель ушел от нас, унося с собой все деньги, которые нашлись в доме. Орландо решил, что на этом глава заканчивается. Но для меня все только начиналось. Передо мной открывался путь, вступив на который я смогла бы отстаивать свои убеждения.

— Мама, но почему ты мне все это рассказываешь? Какое это имеет отношение к моей поэме?

— Поэме? Какой поэме?

— К поэме, которую я написала для одной тебя и которую ты опубликовала в „Пионере“.

— Ах, малышка моя! У меня ощущение, что мы с тобой говорим о совершенно разных вещах! Ну конечно же! Так оно и есть! Вот что значит иметь навязчивую идею! Но раз уж я начала эту историю, то позволь мне ее закончить. А потом я отвечу на все твои вопросы.

Фидель стал часто бывать у нас в доме. Это было очень опасное время, время конспирации. Фидель приходил со своими друзьями, многие из которых не дожили до этих дней. Я никогда не вмешивалась в их разговоры, но очень скоро они сами стали интересоваться моим мнением по многим вопросам.

„Движение 26 июля“ родилось на моих глазах. Прошло не так уж много времени, и я стала принимать непосредственное участие в их делах. Однажды Фидель попросил меня подобрать музыку, которую можно было бы использовать как радиосигнал к атаке казарм Монкада. Этот сигнал должен был прозвучать на Кадена Ориенталь де Радио. Фидель хотел, чтобы музыка была вдохновляющей, потому что во время выступления могли быть жертвы. Я провела много дней на Радио Центро, записывая музыку Бетховена, Прокофьева, Малера, Кодали, Дворжака, Берлиоза. Я записала также „Последнее предупреждение“, музыку, которой начинались радиопередачи Чибаса.

У меня на террасе висел флаг с черным крепом. Я повесила его в день смерти Чибаса. Незадолго до событий в Сантьяго один из товарищей Фиделя предложил мне:

— Почему бы тебе не отдать этот флаг нам? Он будет развеваться в Сантьяго в день выступления. Это будет почти то же самое, как если бы ты была там с нами…

Мне понравилась эта идея. Сама мысль о том, что я хоть чем-

то могу помочь повстанцам, вдохновляла меня.

День выступления приближался. Я передала Фиделю музыкальные записи и получила от него листовки с манифестом. Их нужно было распространить среди политических деятелей и представителей прессы непосредственно в момент начала атаки казарм Монкада.

— Пусть знают, чего мы добиваемся, — сказал мне Фидель.

Мне было сообщено точное время начала атаки — воскресенье 26 июля 1953 года, пять часов пятнадцать минут. Об этом, кроме Фиделя, знали всего три человека: его брат Рауль, который должен был в это же время атаковать казарму в Байято, лейтенант Фиделя, Хосе Луис Тасенде, погибший во время атаки, и я. Больше об этом не знал никто, даже участники штурма. Им было сказано, что с ними будут проводиться обычные занятия по военной подготовке.

В то утро я разбудила Орландо и сказала ему, что меня не будет дома в течение трех часов, потому что мне нужно выполнить поручение Фиделя.

Я была у директора „Пренса Либре“, когда пришло сообщение о поражении. *Я* была в отчаянии. Я сразу же отправилась в церковь, чтобы исповедоваться и помолиться за души погибших. Весь день после обеда мы с Орландо провели в клубе „Билтлюр“. Все последующие дни были наполнены страхом, напряжением и отчаянием от понимания собственного бессилия. Вскоре до меня дошли известия о том, что мятежники, оставшиеся в живых, укрылись в горах Сьерры-Маэстры. Но я не знала, что будет со мной. Ведь я принимала у себя в доме людей из „Движения 26 июля“. Кроме того, я заложила свои драгоценности, и на полученные деньги было куплено оружие для мятежников. А такие поступки не остаются незамеченными.

Лала Натика отправилась на поезде в Сантьяго, чтобы послушать, о чем говорят в городе, и решить, как дальше быть с дочерью. Пообщавшись со своими знакомыми из Сантьяго и наслушавшись страшных рассказов про возможные расправы, она через четыре дня вернулась домой. Не знаю, поверишь ли ты, но после этой поездки волосы у твоей бабушки поредели вдвое. Она была в ужасе и настаивала на том, чтобы я на какое-то время уехала. Мне было очень страшно от неизвестности и от всего того, что рассказала Лала, но я отказалась уезжать, потому что тогда я не смогла бы уже связаться с Фиделем.

Мы с Орландо стали ходить в кино только ради новостей. В них иногда освещали события в Сантьяго. Однажды я увидела кадры, которые заставили меня сжаться в комок от страха: на экране я увидела свой флаг с траурным крепом. Какой-то солдат

достал его из из чемодана и подбросил вверх. А через несколько лет я узнала, что другой солдат унес, а затем продал две книги, на которых были написаны мое имя, фамилия и даже мой домашний адрес. Этот солдат, сам того не зная, спас мне жизнь, потому что женщина, которой он продал книги, оказалась матерью Абеля Сантамарии, заместителя Фиделя во время штурма казарм Монкада. Ищейки Батисты жестоко обошлись с Абелем. Перед тем как его убить, они выкололи ему глаза.

Разумеется, мать погибшего юноши не стала сообщать в полицию о моих книгах, которые оказались в Сантьяго у мятежников в момент выступления. Таким образом, ищейки Батисты ничего не узнали о моем косвенном участии в штурме Монкады. Меня никто не тронул. Мне необыкновенно повезло.

Те участники мятежа, которые не погибли во время штурма, были арестованы и отданы под суд. В школе вас знакомили с речью „История меня оправдает“. Ее Фидель произнес на суде, сам выступая в роли защитника. Эта речь произвела сильное впечатление на слушателей.

Фиделя приговорили к тюремному заключению. В течение четырех месяцев я не получала от него никаких известий. В ноябре я узнала, что Фидель отбывает наказание на Сосновом острове. Я попросила Чучу приготовить для него окорок с ананасом. Таким образом я хотела сообщить Фиделю, что нахожусь у себя дома. А потом я решила написать анонимное письмо Лине, матери Фиделя. Я это сделала потому, что легко представляла себя на месте этой женщины. Я назвала тебя Алиной в ее честь. Подожди минуточку, я покажу тебе ее фотографию».

Она поднялась и пошла в свою комнату. Вскоре она вернулась оттуда с коробкой, полной безделушек. Она достала из коробки три пачки писем, перевязанных лентами разных цветов.

— Здесь, переписка с разными людьми.

В этой пачке письма от Рауля, а вот в этой — от Фиделя.

Письма Фиделя были перевязаны лентой светло-оранжевого цвета. Так я узнала, что любовь имеет цвет. Это цвет восходящего солнца. А еще я поняла, что с рождением дня любовь блекнет.

Я сидела не шевелясь, будто очарованная, и хотела только одного — чтобы мамин рассказ не кончался. Мне казалось, что теперь я гораздо лучше понимаю свою маму. Как много она пережила и как трудно ей вспоминать свое прошлое!

Фея взяла одно из писем и стала читать его: «Я осмелилась написать вам это небольшое письмо, потому что знаю, как трудно вам сейчас. Я думаю, что слова ободрения помогут вам с большим смирением отнестись к случившемуся, но вместе с тем дадут

возможность почувствовать гордость за вашего Фиделя. Я не знаю, одобряете ли вы участие вашего сына в небезызвестных событиях, но уверена, что вы не откажете ему в моральной поддержке, которую в подобных обстоятельствах способна оказать только мать. Несмотря на то что я не знакома ни с вами, ни с вашим супругом, ни с Миртой, я всегда помню о вас».

— В начале ноября я получила от Фиделя письмо с печатью цензуры. Ты не знала, что письма заключенных читают перед тем, как отправить? Я сохранила это письмо. Вот оно:

«Дорогая Нати!

Шлю тебе нежный привет из своего заключения. Я помню о тебе и люблю тебя, несмотря на то, что давно не имею от тебя никаких известий.

Я храню и всегда буду хранить нежное письмо, которое ты отправила моей матери.

Наверное, я причинял тебе страдания недостатком манер, но ты должна знать, что я готов с радостью отдать свою жизнь за твое счастье и благополучие.

Мы не должны зависеть от мнения света. Мы должны считаться только с нашей совестью. Только она имеет значение.

Существуют вещи из категории вечных. Среди них — воспоминания о тебе. Они будут сопровождать меня всю мою жизнь, до самой могилы. Всегда твой Фидель».

* * *

— Так началась наша необыкновенная переписка. В письмах, которые мы отправляли друг другу, было столько радости, столько тепла. Послушай вот это:

«Я сразу же отвечаю на твое последнее письмо, хоть мой ответ тебе будет отправлен не раньше понедельника. Я делаю это потому, что хочу описать тебе мои чувства и мысли, не приводя их в порядок. Я не хочу обдумывать ответ. Пусть он будет спонтанным. Я нахожусь под сильным впечатлением идей, высказанных в твоем письме. Я очарован твоими рассуждениями, которые каждый раз обновляются… Сегодня я хочу писать тебе свободно и задыхаюсь от того, что не имею такой возможности. Эти строчки рождаются в неволе. Они такие же заключенные, как их хозяин. И они так же, как и он, мечтают о свободе. Сейчас я с особой силой ощущаю свое заточение и ограниченность в общении с тобой. Ведь сегодня в моей памяти вновь возникли те дни, когда я, грустный, опечаленный и униженный чем-нибудь, приходил к тебе. Мои ноги сами вели меня в твой дом, где я находил покой, радость,

умиротворение…

Попадая в неизменно гостеприимную атмосферу твоего дома, я оставлял за его порогом огорчения, разочарования, которые нам доставляют презренные представители рода человеческого.

Краткие мгновения общения с твоей чистой, благородной душой, излучающей живую, радостную силу, были мне наградой за долгие часы горестей и печалей(…)

Нати, если бы ты знала, какую суровую школу я прохожу в тюрьме! Здесь я заканчиваю ковать свое видение мира и уже окончательно определил, в чем состоит смысл моей жизни. Я не знаю, долгой или короткой она окажется, удастся ли мне сделать что-нибудь значительное или жизнь будет прожита зря. Но я еще больше окреп в своей решимости бороться и в готовности пожертвовать многим во имя этой борьбы. Я презираю существование, смысл которого заключается в стремлении к комфорту и личной выгоде. Я не жалею о своей судьбе и о судьбе своих товарищей — каждый из них пожертвовал крохотным миром собственной жизни ради великого мира идей. Когда-то мы с радостью будем вспоминать эти горестные дни: завтра, когда облака рассеются и взойдет солнце, мертвые поднимутся на свой Олимп, и в небе Кубы, как громовые раскаты, раздастся хлопанье их крыльев. Ты видишь, бумага уже кончается, а я еще не ответил на все твои вопросы. Я хотел бы ответить на каждую строчку твоего интересного письма. Но я обещаю тебе продолжить свой ответ в следующем письме, которое я скоро напишу(…) Я не хотел бы, чтобы письма, которые ты мне присылаешь, явились причиной твоей головной боли. Но когда я думаю о том, где и когда ты их пишешь, то понимаю, как трудно тебе приходится.

Цензор, который читает нашу переписку, производит на меня впечатление приятного, воспитанного и образованного молодого человека.

Не знаю, придет ли это письмо к Новому году. Если ты и в самом деле верна мне, то вспомни обо мне за праздничным столом и выпей за меня стакан вина. А я мысленно буду с тобой.

Фидель».

* * *

Я стала его глазами и ушами за пределами тюрьмы. Я пыталась донести до него весь вкус жизни, представить его воображению калейдоскоп красок и запахов, внести хоть немного света в серую клетку камеры. А он приклеивал к письму крылышко заблудившейся бабочки. Я старалась помочь ему

заполнить время, которого в тюрьме было так много. Я вела себя с ним так, как учитель со способным учеником или мать с сыном, который от долгой болезни разучился двигаться. Я провоцировала его на рассуждения. Я хотела, чтобы он раскрылся. Я забрасывала его вопросами, тщательно отбирала и отправляла ему книги и просила его комментировать прочитанное. Вот что он мне отвечал:

«Ты спрашиваешь у меня, был ли бы Роллан таким великим, если бы он родился в XVII столетии. Как ты думаешь, писал бы я тебе эти письма, если бы не знал тебя?(…)

Человеческая мысль нерушимо обусловлена обстоятельствами эпохи. Что касается политического гения, то берусь утверждать, что он целиком зависит от своего времени. В эпоху Катилины Ленин был бы всего лишь пламенным защитником русской буржуазии. Если бы Марти жил в то время, когда англичане брали Гавану, он вместе с отцом защищал бы испанский флаг. Кем были бы Наполеон, Мирабо, Дантон и Робеспьер в эпоху Карла Великого, как не бесправными крепостными или никому не известными обитателями какого-нибудь мрачного феодального замка? Юлий Цезарь никогда не перешел бы Рубикон в первые годы существования Республики, до того как обострилась классовая борьба, потрясшая Рим, и не возникла и набрала силу огромная партия плебеев, сделавшая необходимым и возможным его приход к власти(…)

По этому поводу мне казалось любопытным, что французские революционеры всегда имели большое влияние со стороны римлян. Читая, по твоему настоянию, „Историю французской литературы“, я узнал, что Амио, французский писатель XVI века, перевел с английского „Сравнительные жизнеописания“ и „Моралии“ Плутарха. Воспоминания о великих людях и великих событиях Греции и Рима, описанные в этих книгах, послужили своего рода справочными данными, руководством к действию для главных действующих лиц Великой Революции. Но то, что является очевидным для политического гения, вовсе не касается гения художника. Здесь я присоединяюсь к мнению Виктора Гюго, который утверждал, что в поэте и художнике живет бесконечность. Именно бесконечность дарит гениям их не подвластное времени величие. Бесконечность, живущая в искусстве, чужда прогрессу. Искусство может способствовать и нередко способствует развитию прогресса, но оно не зависит от него. Искусство не подвластно переменам, происходящим в жизни общества, в языке. Рождаются новые языки, умирают старые. А искусство продолжает жить. Его нельзя изменить и сосчитать. Его нельзя подчинить какой-то другой сфере. Оно чистое, полное и

божественное во все времена — и в эпоху варваров, и в эпоху высших достижений цивилизации. Искусство может иметь разные формы в зависимости от характера гениев, творящих его. Но оно всегда равно себе самому. Оно превыше всего!

Роллан мог родиться полвека назад и был бы таким же великим, как Бальзак и Гюго. Если бы Вольтер появился на свет раньше на пятьдесят лет, он выражал бы свои идеи в другой форме, как если бы я писал письмо не тебе, а другой женщине…»

Ах, Боже мой! Как утомила меня эта лирическая пытка! И все это лишь для того, чтобы я догадалась, что мама и Фидель были в очень тесных дружеских отношениях. Но я уже давно это поняла. Не слишком ли много писем для одного вечера? Но теперь маму невозможно было остановить. Она не замечала, что я устала и хочу спать, что глаза мои закрываются, а голова клонится вниз. Ей не приходило в голову, что на сегодня мне с избытком хватило писем Команданте. И уж тем более она не помнила о моей поэме и том вопросе, который я ей задала. Между прочим, с тех пор Муза поэзии больше ко мне не прилетала.

Я смотрела на огромную пачку писем, которые написал Фидель, и меня охватывала panicus cuncti. Было похоже на то, что сегодня мне прочтут все эти письма до одного. Но нет… Фея взяла письмо из другой пачки. Мне предстояло услышать лучшую из сегодняшних поэм, и ее творцом была она, Фея:

«Дорогой Фидель, я пишу, находясь еще под впечатлением твоих последних четырех писем. Как я хотела бы располагать большим временем и большей духовной свободой, чтобы отвечать на каждое из твоих писем, как ты того заслуживаешь! Я в самом деле чувствую себя такой маленькой перед гигантским размахом твоей мысли, твоих идей, твоих познаний, твоей нежности. Меня восторгает то, с каким безграничным великодушием ты готов и умеешь поделиться всем этим. Ты ведешь меня за руку по Истории, Философии, Литературе. Ты делишься со мной сокровищами чувств и идей. Ты открываешь передо мной новые, неизведанные, но светлые, манящие горизонты. Предложив мне все эти богатства, ты говоришь, что за всем этим стоит человек с его разумом и чувствами. Но я не могу полностью согласиться с тобой, Фидель. Все, что ты мне открыл, принадлежит не абстрактному человеку, а тебе. Это твой мир. Его сотворением ты никому не обязан. Ты родился с этим миром, и он исчезнет вместе с тобой.

То, что ты умеешь делиться этим сокровищем с другими, — уже другой вопрос. Я не была бы искренней, не признавшись тебе, что очень ценю это твое умение, твою щедрость. Я была бы счастлива и горда тобой, если бы ты сохранил это качество навсегда.

Вечно твоя Нати».

После того, как мама прочитала это письмо, я воспряла духом и решила, что на этом исповедь закончится. Как оказалось, моя надежда была преждевременной. Еще предстояло сообщение некоторых подробностей.

Итак, в то время, пока Фидель находился в тюрьме, Фея считала своим долгом заботиться о его семье — жене Мирте и маленьком Фиделито. Таким образом, обе женщины знали о существовании друг друга. Но Мирта не предполагала об истинных отношениях между своим супругом и Нати. Однажды произошел случай, который раскрыл ей глаза на происходящее.

Как-то раз в высшей степени порядочный gentleman Мигель Ривес, цензор тюрьмы на острове Сосновом, изнемогал от скуки на службе. Ему надоели кислые грейпфруты и крикливые попугайчики, которыми славился остров. Не меньше, чем от болтливых птиц, он устал от заключенных. И тогда Мигелю Ривесу пришло в голову развлечься весьма своеобразным способом: он перепутал письма таким образом, что Мирта получила письмо, предназначенное Фее, и наоборот, Фее принесли письмо, которое должна была получить жена Фиделя. Мирта позвала Фею и в оскорбительном тоне потребовала свое письмо. Оно было ей возвращено с обратной почтой, не будучи распечатанным. Что касается Мирты, она поступила по-другому. Она прочла письмо, которое Фидель написал Нати, и была поражена гаммой и силой чувств, адресованных ее мужем другой женщине. Это повергло ее в глубокую тоску. Она не смогла или не захотела утаить свое горе от близких и прочитала им это письмо.

Что касается дальнейшей реакции Нати на случившееся, то она была такова. Поскольку оказалась затронутой ее честь, то Фея остановила эпистолярный поток, а также перестала отсылать в тюрьму книги и все остальное. Вместо этого она вступила в переписку с папой Орландо. В письменной форме ей легче было объяснить ему, что, хоть пока ничего еще не произошло, она тем не менее влюбилась в Фиделя.

Далее Фея рассказала мне, что Фидель был амнистирован и, как только вышел из тюрьмы, сразу же отыскал ее на работе, потому что через несколько дней отправлялся в Мексику. Там ему предстояло отбыть ссылку. Он привел Фею к Лидии Перфидии, которая снимала квартиру в Ведадо. Но, поскольку они не имели возможности оставаться там наедине, Перфидия сняла для них квартиру по соседству. Там они встречались несколько дней в конце мая — начале июня. В результате чего она забеременела мной.

В течение семи месяцев она находилась в постели, потому что опасалась, что я могу появиться на свет раньше положенного срока. Она развлекалась тем, что рылась в журналах и газетах и вырезала зверушек из японской бумаги. Думаю, это было оригами. Она сказала, что это было лучшее время в ее жизни.

— Через несколько дней после твоего рождения я отправила Фиделю в Мексику твою фотографию и ленту, которой тебя перевязывали. Он очень обрадовался и прислал тебе те маленькие сережки, которые ты потеряла в Париже. Мне он подарил серебряные безделушки. К посылке была приложена небольшая записка, в которой он выражал радость по поводу твоего рождения.

К тому времени, как я вернулась на работу, письма от Фиделя стали приходить все реже. До меня дошли слухи о его связи с некой Изабель…

При воспоминании о предательстве зеленые глаза Феи наполнились таким страданием, как будто бы то, о чем она рассказывала, произошло лишь вчера.

— Я не имела возможности уехать с тобой в Мексику, потому что не могла бросить Натику. А он не мог заняться женой и ребенком, потому что вот-вот должен был подняться на борт неисправной яхты, чтобы добраться на ней до кубинского берега. Я не получала от него никаких известий до февраля 1957 года. Находясь уже в горах Сьерры-Маэстры, он прислал мне в подарок две гильзы от патронов 45-го калибра.

Фея закончила свой рассказ. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы выйти из оцепенения. Как я могла теперь обижаться на Фею за какую-то поэму, если она только что одним мановением волшебной палочки превратила меня в принцессу? Кому еще делали такие подарки в десять лет?

— Мама, мама, позови его. Скажи, чтобы он сейчас же пришел к нам. Мне так много нужно сказать ему!

Да, мне действительно было что ему сказать. Я попросила бы, чтобы он сделал так, чтобы у нас была одежда и разная еда. И чтобы он вернул нам Новый год. А еще я попросила бы его, чтобы он пришел к нам жить, потому что он нам так нужен.

— Я не знаю, где могу его встретить, Алина.

— Мама, тогда передай ему через кого-нибудь, что я тяжело заболела и скоро умру. Или что со мной произошло что-нибудь очень страшное. Мамочка, придумай же что-нибудь!

— Я не могу, Алина. Ведь я уже передавала ему столько писем, а он так и не пришел. Но если хочешь, ты сама можешь написать ему записку и приложить к ней свою поэму. Я постараюсь сделать так, чтобы это послание дошло до него.

Теперь со мной разговаривала уже не Фея. Та Фея, что недавно превратила меня в принцессу, унеслась в свой далекий волшебный мир звезд. А на ее месте теперь сидела женщина, очень похожая на уставшую маленькую девочку. Ее плечи были согнуты под тяжестью чужих и своих тайн. Эта женщина была очень утомлена, но не сломлена. И эта зеленоглазая женщина была моей мамой.

Я немедленно приступила к осуществлению своих эпистолярных замыслов, а на следующий день поспешила сообщить важное известие своим самым близким людям.

— Иветт, мой папа — Фидель.

— Я давно знала об этом, но. мама взяла с меня клятву, что я не проговорюсь тебе об этом.

Оказывается, Иветт все знала и ни словом не обмолвилась об этом. А ведь она была моей самой любимой подругой.

— Бабушка, мама мне сказала, что Фидель — мой папа.

— Да что ты? Вот это новость!

— Тата, ты знаешь, кто мой папа?

— Она тебе все-таки сказала? Было бы лучше, если бы она скрыла от тебя эту тайну. Ничего хорошего из этого не будет. Ты будешь расплачиваться за ее грехи…

Тата разошлась не на шутку. Эта новость ее, кажется, очень расстроила.

Я ждала ответа Фиделя на свое послание, но он все не приходил. Тогда я отправила ему еще одно письмо вместе с маленькой атласной туфелькой от моего старого маскарадного костюма кузнечика. Фотограф Корда утверждал, что Фидель был очень растроган подарком. Может быть, так оно и было, но Фидель тем не менее не написал мне ни единого слова. Он даже не поблагодарил меня. Но я неутомимо продолжала писать, и Фиделю регулярно приходили письма от «маленькой ласковой дочери», от «хорошей девочки», от «активистки», от «смелой девочки», от «очень грустной девочки». Это были письма от тайной поклонницы, брошенной и забытой.

* * *

Прошло немало долгих месяцев, прежде чем Фидель отреагировал на мое повышенное к нему внимание. Однажды вечером к нам по его поручению пришел Педро Триго, которого я звала Педро Интриго. Он был одним из героев эпической поэмы о Монкада и директором Кубана де Авиасьон. Дядя Педро был весь в шрамах, как будто из его тела вытряхнули все содержимое,

наполнили его заново и зашили, не заботясь об аккуратности швов.

Педро Интриго весь так и сиял, а у мамы на губах играла улыбка мадонны Рафаэля, а ее взгляд… Казалось, она окунулась в мир грез, да так и не вернулась оттуда, а здесь присутствовала лишь ее материальная оболочка.

Посланник Фиделя объявил:

— Фидель приглашает тебя поболеть за него. Он будет играть в баскетбол.

Великолепная идея, ничего не скажешь. Особенно если учесть, что уже десять часов вечера. Мало того, что я не посмотрела «Приключения Черного корсара» из-за речи, которую произносил Фидель до половины десятого, так теперь я должна буду смотреть, как он играет в баскетбол, ничуть меня не интересовавший. И это после того, что Фидель не соизволил ответить ни на одно из тысячи моих и маминых писем. Я, конечно же, не имела ни малейшего желания болеть за Фиделя. Но Тата уже ушла и, значит, некому было меня защитить. Мне пришлось сдаться без боя.

Я надела свою лучшую одежду. Обувь выбирать не пришлось, поскольку у меня были одни-единственные туфли. Наверное, меня готовили в японские императрицы, потому что я носила эти туфли уже три года.

Мы с Педро Интриго сели в его «альфа ромео» и поехали в спортивный городок. Дядя Педро провел меня через раздевалки и усадил в первом ряду президентской трибуны. Зрителей можно было пересчитать по пальцам одной руки, зато полицейских из Службы Государственной Безопасности было более чем достаточно.

Команда политбюро должна была играть против национальной команды Кубы.

Вот включили прожекторы, и площадку залило светом. Перед глазами немногочисленных зрителей возникла великолепная коллекция сверкающих эбонитовых статуй богов. Черные боги, одетые в майки и шорты, вышли вперед, Приветствуя жалкую кучку болельщиков. Вслед за ними на площадке появился Фидель, ведя за собой бледных и жирных типов, передвигающихся по земле с грацией медведей из московского цирка. К счастью, вместо шорт на них были тренировочные брюки. Но майки они почему-то не надели. И совершенно напрасно.

Они стали разминаться, сотрясая свои дряблые телеса. Мое внимание привлек самый большой из них. Он казался больше Фиделя из-за огромных свисающих грудей с крупными темными

сосками.

— Дядя Педро, кто этот кучерявый седеющий мужчина с острым носом?

— Януса, министр просвещения. Начальник всех школ Кубы.

— Дядя Педро, может, пойдем отсюда?

— Ну что ты, Алина! Подожди! Команданте еще не забросил мяч в кольцо, — ответил он, подмигнув.

Я никогда не видела более странной игры, чем эта. Вместо того чтобы забирать мяч у противников, игроки национальной команды отдавали его прямо в руки. Если к кольцу бежал Фидель, то черные боги раздвигались перед ним, как воды перед Моисеем. А если Фиделю удавалось забросить мяч, то они аплодировали и кричали:

«Вива! Вива!»

Чтобы скоротать время, я почти без перерыва пила лимонад. Был уже второй час ночи, когда Педро торопливо повел меня куда-то. Вскоре я оказалась в медпункте. Через некоторое время пришел Фидель. Он совершенно не замечал меня, как будто я была частью мебели. И стоило мне ради такой встречи смотреть битых три часа на эту странную игру, страдать от того, что ноги сжаты орудием пыток. Я даже не могла сходить в туалет, пока шла игра… Я была возмущена.

У меня не было желания спрашивать у этого нового Фиделя, почему он не приходил к нам целых два года. Взрослые слишком часто лгут. К тому же я слишком устала и хотела спать.

— Как у тебя дела?

— Хорошо.

— А у мамы?

— Хорошо.

— Скажи ей, что дело с твоей фамилией почти улажено. Этим занимается Йавур. Осталось лишь немного, подождать. Скоро будут внесены изменения в закон juris et de jure.

Я прореагировала на эту реплику молчанием, потому что не очень понимала, о чем идет речь.

Мама ничего не говорила мне о деле с моей фамилией.

— У твоей мамы есть один недостаток. Она слишком добрая. Никогда не будь очень доброй с мужчиной.

Команданте только что дал мне совет. Я не захотела оставаться в долгу и решила сообщить ему диагноз болезни одного его товарища по команде:

— Януса, министр просвещения…

— Да… А что такое?

— У него гинекомастия.

— Что у него?

— Гинекомастия. Увеличение молочных желез у мужчины.

— Что?

— У него выросли груди, как у женщины. Ему обязательно нужно обратиться к врачу!

* * *

Маме не нравилось мое увлечение гомункулосами и инкубусами. А поскольку муза поэзии больше не посещала меня, я нашла себе новое развлечение, которое должно было понравиться Фее. Я взяла кисть и нарисовала женщину в длинной тунике с длинными черными волосами и руками, воздетыми к оранжевому солнцу, до которого она пыталась дотронуться.

— Как красиво, Алина. Где ты научилась так хорошо рисовать? Великолепная картина! Я повешу ее в гостиной. Алина, почему ты нарисовала женщину со спины?

Что за идиотский вопрос?

— Ты разве не видишь, что в глубине картины изображено солнце? Как она, по-твоему, дотронется до него, если я нарисую ее в фас?

На следующий день мама повела меня на консультацию к доктору Эльсе Прадерес.

— Эльса, это моя дочь. Она рисует женщин со спины. Вот, посмотри! — и она достала мою картину.

Я опять стала объяснять законы перспективы, которые существуют сами по себе, независимо от человека и тем более от его возраста.

— И потом, это ведь психоделическая живопись, — сказала я.

— Нати, это всего лишь женщина, нарисованная со спины.

— Эльса, я знаю свою дочь и знаю, что говорю. Прошу тебя, займись ею.

И мама с успокоенной совестью пошла работать.

А доктор Эльса Прадерес занялась мной. Она обследовала меня с помощью различных тестов, а затем позвала маму, чтобы сообщить заключение обследования.

— У этой девчонки на данный момент нет никаких проблем. Но если ты хочешь что-нибудь сделать для нее, увези ее из страны. В социальном плане у нее всегда будут проблемы с адаптацией. Ей будет очень трудно приспосабливаться.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что говоришь? Мне уехать из страны? Мне? Я могу отсюда уехать только ногами вперед. После года, проведенного в Париже, я поклялась себе, что никогда не покину Кубу. Если я уеду с острова, то тем самым лишусь всего,

что мне дорого в жизни, что имеет для меня значение. Я не хочу, чтобы Революция продолжалась без моего участия.

О, Пресвятая Дева! Когда же, наконец, придет конец моим мучениям? Я не могла больше писать. Рисовать я тоже больше не могла. А теперь я стала еще и неприспособленной!

— Тогда ты должна помочь ей стать тем, кем она хочет стать. Я провела с ней несколько тестов по профессиональной ориентации и…

— Она будет изучать химию. Этого хочет ее отец. В этом году я переведу ее в другую школу. Она теряет время в школе танцев.

О Боже, помилуй!

— Мама, но почему? Почему я должна расстаться с балетом? Я вторая в классе… — слова застревали в моем горле, как будто я проглотила морского петуха.

— По многим причинам. Прежде всего потому, что ты слишком умна, чтобы зарабатывать на жизнь, дергая ногами. И потом, школа, в которой ты будешь учиться, ближе к моей работе.

На мою голову свалилось сразу столько неприятностей, что мама решила пролить немного бальзама на мою страждущую душу. Она пообещала посвятить мне целую неделю. Мы должны были отправиться в путешествие по острову.

Это путешествие оказалось изнурительной туристической поездкой — куда бы вы думали? — на ферму Биран, где родился Фидель. Но нас туда не пустили, потому что мы не имели официального приглашения. Пропусками в Биран ведала Селия Санчес.

Тогда мама изменила курс, и мы провели несколько дней в доме дяди Рамона, старшего брата Команданте.

Рамон и его жена Сули метали друг в друга взгляды, полные ненависти, а трое их отпрысков бесцельно бродили по дому. Достаточно было одного взгляда на этих детей, чтобы заключить, что им не хватает родительской любви и внимания.

Но, несмотря на свои, вероятно, непростые семейные отношения, Рамон встретил нас приветливо и даже спел под гитару:

Por alto que este el cielo en el mundo
por hondo que sea el mar profundo
no habra und barrera en el mundo
que mi amor profundo no rompa por ti…

В наших ушах еще звучала песня Рамона о такой глубокой любви, которая способна преодолеть все преграды, а с заднего сиденья машины уже раздавался поросячий визг и возмущенное

индюшачье бормотание. Мы возвращались в Гавану в компании с двумя свиньями и тремя индюками, которые были настроены весьма решительно, поэтому в ближайшие двадцать четыре часа рассчитывать на тишину не приходилось.

Мне не терпелось поскорее приехать в Гавану и вырвать у моего ужасного и нежного наперсника дяди Педро Эмилио «страшную» правду, скрывающуюся за взаимной антипатией, царящей в семье Рамона. Вот что он рассказал мне во время нашей встречи, приправленной, как обычно, солидной дозой поэзии:

— Рамона нужно было в срочном порядке женить на Сули, потому что в тринадцать лет он влюбился в гаитянку, возбуждающая стеатопигия и колдовские чары которой намного превосходили успехи твоей прабабушки Доминги в области общения с потусторонними силами. То, что делала Доминга, не шло ни в какое сравнение с колдовством гаитянки. Каждую ночь Рамон убегал к своей черной колдунье, а наутро возвращался бледный и похудевший, deslechaito, как говорила Доминга. При этом она так мягко перекатывала слова, что, даже не вслушиваясь в смысл сказанного, легко было догадаться, что Доминга говорила о сладком испорченном фрукте, об этой шоколадной самке.

Но Рамон жил на другом конце острова вовсе не в наказание за свою неупорядоченную личную жизнь. Фидель приговорил его к этой ссылке за то, что он не помогал своему мятежному брату сражаться в Сьерре. Но когда Революция победила, Рамон тем не менее раздобыл себе униформу оливкового цвета.

— Я не осуждаю его за это, — продолжил Педро Эмилио, — ведь у меня тоже есть такая униформа… К тому же с капитанскими нашивками… Дело не в этом, а совсем-совсем в другом. Видишь ли, малышка, я ведь хотел быть мэром при старом режиме. Но что еще хуже — я пишу стихи. А мой сводный брат расценивает это как недостаток. Поэтому Рамона он в конце концов простит, а меня будет всю жизнь презирать.

* * *

Вот все, что рассказал мне мой нежный наперсник в тот далекий день о Рамоне и не только о нем.

Впрочем, история с черной колдуньей на этом не закончилась.

Возможно, отвергнутая гаитянка навела порчу на соперницу, потому что Сули несколько раз пыталась покончить жизнь

самоубийством. Она пробовала отравиться, а когда яда не оказалось, перерезала себе вены. Двое из их детей убежали из дома, не вынеся этой тягостной атмосферы. Но, наконец, Рамон смог освободиться от колдовских чар своей негритянки.

Они с Сули стали жить в Мирамаре. Рамон занимался коровами новых пород, порожденных генетическим гением его брата Фиделя. Когда Сули повесилась на перилах лестницы, рядом никого не оказалось. Спасти ее не удалось.

* * *

Благодаря тем индюкам и свиньям, которые Рамон передал своей сестре Анхелите и которых мы везли в «мерседесе», мои гормоны пришли в движение.

Мой двоюродный брат Майито так сильно вырос! Я пришла в восторг от его оттопыреных ушей, длинного элегантного силуэта, серо-зеленых глаз и бритой головы. Фидель хотел, чтобы из него вышел пиротехник. Поэтому, несмотря на то что Майито был больше похож на персонаж Греко, чем на жандарма, он являлся учащимся Военной академии.

Майито неотвязно преследовала мысль о собственном здоровье, поэтому он принимал лекарственные средства, изготовленные на основе йода с танином, пил рыбий жир и какие-то сложные витаминные составы, от которых жгло в горле и сильно тошнило.

Мой кузен чистил свои солдатские сапоги особым способом: он покрывал их какой-то смолой, которую затем растапливал пламенем свечи. Майито был одиноким и нежным существом. Он прятал в своей комнате алтарь, который бабушка Лина завещала своей старшей дочери.

Я приняла участие в ритуале чистки сапог, подавая своему кузену коробки, тряпки, щетки, как медсестра подает хирургу разные инструменты во время операции. Потом мы дуэтом поглотили все омерзительные микстуры. А после этого Майито немного покатал меня на машине, которую он одолжил у матери. У тети Анхелиты их было несколько. Жаль только, что у нас здесь не было друзей, к которым можно было бы съездить. Поэтому мы скоро вернулись в комнату Майито.

Здесь, у алтаря, где, выражая свою синкретическую солидарность, были выстроены по рангу католические святые и их африканские родственники, мой кузен поцеловал меня. Это был мой первый поцелуй. Майито пытался засунуть мне в рот свой язык, твердый, как копье. В это же время другое копье, еще

более твердое, вырывалось из его штанов. Моя кровь взбунтовалась, все тело наэлектризовалось, где-то под пупком я ощутила нежное волнующее щекотание и в результате намочила свои трусики.

Мною овладел атавистический страх, потому что все, что я знала о сексе, это то, что у Иветт и у меня между ног стали расти волосы, и по этой причине нам нельзя больше мыться вместе.

Когда я рассказала о своем первом поцелуе и своих ощущениях Тате, она наградила меня звонкой пощечиной, единственной за всю историю наших отношений:

— Такая маленькая и уже такая горячая! Надеюсь, я проживу достаточно долго, чтобы присмотреть за твоим задом!

Мне было одиннадцать лет, а ему восемнадцать. Это была моя первая любовь.

* * *

«Сиудад Либертад» — такая огромная школа, что в ней сразу же теряешь свою индивидуальность.

Раз, два, три, четыре.

Раз, два.

Мы шли по бесконечным коридорам.

В первый день ко мне подошла девочка с приплюснутым носом.

— Меня зовут Роксана Йавур. А тебя?

— Алина Фернандес.

— Мой отец министр юстиции.

Это была дочь человека, которому Команданте поручил восстановить мое происхождение.

— В самом деле? А мой отец — Фидель Кастро. И прошло уже больше года, как он попросил твоего отца написать закон, чтобы я могла изменить фамилию.

— Фидель Кастро? Настоящий?

— Ты что, идиотка? А какой же еще, как не настоящий? Я ношу фамилию Фернандес, потому что моя мать была замужем за папой Орландо и потому что по закону juris et de jure никто не может признать себя отцом незаконнорожденного ребенка. Поэтому Фидель и сказал Йавуру, чтобы он изменил Гражданский кодекс. Тогда я смогу носить ту фамилию, которую должна носить, а не ту, которую ношу теперь.

Роксана ничего мне не ответила. Но назавтра весь класс знал о том, что у Фиделя есть дочь. Через неделю об этом было известно всей школе. Казалось, эта новость распространялась в

геометрической прогрессии. Чтобы увидеть меня, к нам в класс стекались ученики из всех углов этой проклятой школы. Любопытство было велико. Многие готовы были пройти несколько километров только ради того, чтобы посмотреть на дочь Кастро:

— Ну что, видел? Похоже, что это и в самом деле дочка Фиделя!

— Как бы не так! Чтобы дочка Кастро ездила на автобусе, без личного шофера и без охраны? Это вранье!

— Эй, малышка, подойди-ка сюда! Ты правда дочка Фиделя?

— Да…

— Тогда почему ты не попросишь у него новые туфли? От этих у тебя скоро одни подметки останутся!

— Эй, детка, если ты и в самом деле дочка Фиделя, скажи ему, чтобы он дал нам пожрать! Ладно?

— А твоя мать замужем за Фиделем?

— А почему у тебя другая фамилия?

— Это из-за того, что Фидель переспал с ее матерью и не женился на ней.

Очень часто в те дни я возвращалась домой в плохом настроении.

— Бабушка, а что такое переспать?

— Где ты это услышала, малышка? Вот увидишь, в этом году герань будет гораздо красивее. Говорят, ее нужно поливать мочой беременной женщины. Что ж, далеко ходить не придется. С нравами современной прислуги!

Лала Натика всегда отличалась странными ассоциациями идей.

— Мама, что значит переспать? У нас в школе…

Разговаривать нужно было очень тихо, потому что на диване безмятежно спала секретарша и, вероятно, видела во сне своего очередного отпрыска, который скоро должен был появиться на свет.

— Ты расскажешь мне об этом немного позже, любовь моя. Я должна бежать. Скоро начнется партсобрание.

— Тата, что такое переспать?

Тата молча смотрела на меня своими умными глазами.

Но, в конце концов, я все же услышала ответ на свой вопрос:

— Тота, что такое переспать?

— А ты что, не знаешь сама? Это когда бывает хорошо, очень хорошо! Во всяком случае, так говорит мама папе, когда, вместо того чтобы спать, они принимаются вставлять и вынимать одну штуковину. А после этого появляются дети. Эх ты, глупышка!

Каждое утро я поднималась, чтобы пойти на Голгофу. Но, к

счастью, все новости со временем перестают быть новостями. К ним попросту привыкают.

Дочь Йавура стала моей лучшей подругой. Мы вместе готовили уроки в ее большом доме с теннисным кортом. Иккон, бабушка Роксаны, ливанка по национальности, обучила меня танцу живота. Она учила нас ливанским словам, не переставая следить за нашими успехами в области восточных танцев. Бабушка Иккон говорила, что это нам понадобится на других этапах жизни.

* * *

В этом году в Боливии был убит Че. Оркестровая грусть погрузила весь остров в воинствующую скорбь, оттененную торжественными ночными бдениями на площади Революции, посмертными одами и траурной музыкой.

Фотография героического Че Гевары, сделанная Кордой, была развешана на всех стенах планеты. Команданте оторвался от своих генетических медитаций, чтобы возглавить проведение одной из самых удачных рекламных кампаний столетия.

Он объявил, что отрезанные руки Че, привезенные в Гавану вместе с его посмертной маской, будут забальзамированы и выставлены в музее Революции. Эта идея настолько покоробила меня, что я укротила свое самолюбие и написала Фиделю тысяча второе письмо, в котором просила его похоронить руки Че.

* * *

Бычий фурор внезапно исчез с экранов телевизоров. Его сменил другой, более футуристический, имевший название «формирование нового человека».

Куба была бульоном, в котором зарождалась новая культура всемирного прогресса, а школа — котелком, в котором кипел этот бульон.

Смерть Че вернула Фиделю его былое красноречие и энергию, благодаря которым он мог в дождь и под палящим солнцем часами объяснять ученикам кубинских школ, собравшимся на площади Революции, что они являются последователями идей апостола Марти и Че. Аплодисменты.

И что новые школы должны работать по пятилетнему плану, но для более скорого осуществления идей Апостола и Че Гевары необходимо, чтобы школьники и студенты не только учились, но

и работали на полях страны. Это поможет им оценить ту жертву, которую постоянно приносят своим трудом крестьяне.

Люди аплодировали и кричали: «Вива! Вива Фидель!»

В то время как вся планета, вступая в эру Водолея, отращивала длинные волосы, расширяла брюки и укорачивала юбки, напевала песни «Битлз», развешивала на стенах портреты Че, когда молодежь предпринимала беспрецедентные усилия, чтобы объединиться в любви, мы, молодые кубинцы, ходили строем. Все, написанное или звучавшее по-английски, было запрещено. Наши мальчики должны были показывать полицейским, что у них в штанах. Если они осмеливались носить длинные волосы, им брили головы, несмотря на то, что их волосы были значительно короче, чем нечесаные шевелюры мужчин эпохи триумфа Революции. Если юноши проявляли упрямство и опять отращивали волосы, их приговаривали к принудительным работам в специальных трудовых лагерях. Туда же отправляли гомосексуалистов, артистов и священников. Пребывание в этих лагерях очень влияло на характер молодых людей. Возвращались они оттуда совсем другими людьми.

Однажды во время урока английского языка, который вела учительница Ананда, к нам в класс пришел кто-то из администрации и попросил, чтобы каждый ученик указал против своей фамилии в списке размер обуви и брюк.

На той же неделе нам выдали по паре ботинок, а также сменную одежду и головные уборы.

Все получили обмундирование одного размера, потому что оказалось невозможным установить стилистические различия между всеми учениками, получившими привилегию стать Новыми Людьми.

Мы разошлись по домам готовиться к важному событию в нашей жизни: завтра утром мы уезжали на сельскохозяйственные работы. Начинался эксперимент под названием «Школа в деревне».

На следующее утро наши любящие родители провели нас до самого порога этого эксперимента, неся в руках чемоданы, для надежности обитые фанерой и закрытые на висячие замки, что свидетельствовало о неиссякаемой тяге народа к творчеству, а также одеяла, простыни и металлические ведра. Я до сих пор с волнением вспоминаю свое алюминиевое ведро, на котором мама выгравировала мою фамилию. Я могла быть уверена, что никто не украдет его у меня, потому что оно отличалось от других необыкновенным блеском своего герба.

Набившись в допотопные школьные автобусы, мы отправились в деревню приближать исполнение мечты нашего

апостола Марти и нового апостола Че.

Мальчики должны были срезать сахарный тростник, а девочки выполнять какую-то другую работу. Новая жизнь пока была скрыта от всех нас завесой неизвестности, а поэтому оба поколения — и дети, и родители — пребывали в состоянии полной неуверенности.

В дороге я задремала. Но мой тревожный сон, наполненный кошмарами, был прерван извечным возгласом путешественников: «Приехали! Приехали!» Мы оказались перед деревянным бараком с крышей из пальмовых листьев. Справа стояли хижины, похожие на те, что устроили в саду Мирамара последователи Макаренко. Это были уборные. Забор из колючей проволоки и металлические ворота усиливали зловещую серость ансамбля.

Сначала нас построили в алфавитном порядке, а потом направили в мрачный барак, чтобы мы заняли кровати, которые представляли собой носилки, отделенные друг от друга джутовыми холстинами, прибитыми к столбам: Эти кровати находились в пятидесяти сантиметрах друг от друга.

Когда я представила себе, что в этой спальне будут храпеть и вонять больше тысячи человек в течение двух с половиной месяцев, у меня закружилась голова.

— Какое счастье, что бедный Марти умер.

— Что ты сказала? — спросила у меня секретарь Коммунистического Союза Молодежи.

— Какое счастье, что Марти умер ради того, чтобы смогло свершиться это чудо…

Посещение уборной стало для меня настоящей пыткой. От страха я почти не видела дырку в земле, куда нужно было справлять нужду, и те два бревна, на которых нужно было стоять на цыпочках, чтобы не угодить в отвратительную жижу, накопленную от посещения сотен людей.

Ужас перед уборной вернул мне фамильное покашливание, которое вскоре превратилось в хриплый свистящий кашель, а вслед за этим наступил черед сильной лихорадки.

В придачу ко всему, прошел слух, что какой-то извращенец бродит возле нашего лагеря по ночам и больно хватает девочек за груди, когда они выходят в уборную. Приходя в ужас от одной мысли об этом маньяке, мы перестали выходить по ночам из барака. Мы освобождали свои мочевые пузыри прямо здесь, используя для этого все углы. Наша спальня была пропитана стойким запахом мочи.

Мы поднимались до петухов и меньше чем через десять минут были уже в строю. Когда мы выкрикивали лозунги, из наших ртов вырывались струйки пара.

Каждую ночь я возносила к небу молитвы, прося Святую Марию поскорее явиться мне в образе Феи.

Фея имела возможность приезжать ко мне в конце недели, ведь у нее была машина и много свободного времени. Но она сказала мне:

— Будет лучше, если я не приеду к тебе в первое воскресенье. Подумай сама, любовь моя, ведь не у всех родителей есть машины, а значит, не все имеют возможность приехать сюда. Разве приятно будет остальным детям, что тебя навещают, а их нет? На тебя будут смотреть как на привилегированную.

В этом Фея была полностью права. Мои привилегии почему-то замечались сразу. Наверное, мне было противопоказано находиться на особом положении.

А поэтому я с нетерпением продолжала ждать приезда Феи, заполняя помидорами бесконечную вереницу корзин, что было совершенно необходимо для превращения обыкновенной кубинской девочки в Нового Человека.

Мое сердце отчаянно колотилось, и это было дурным предзнаменованием. А моим легким не хватало воздуха, и это тоже не предвещало ничего хорошего.

Наконец, случилось чудо. Моя голливудская звезда в милицейской форме вышла из своего «мерседеса». Когда я поняла, что она приехала без Таты, моя смелость исчезла без следа. Мне стало совершенно ясно, что никто не поможет мне вырваться из этого тесного ада. И все же я взмолилась:

— Мама, прошу тебя, ради всех тех, кого ты любишь. Ради Бога! Ради Фиделя! Ради Ленина! Забери меня отсюда!

Я, как за соломинку, ухватилась за микроскопическую надежду. Я умоляла маму, а из моей груди вырывалось шумное, хриплое дыхание.

— Нет, любовь моя. Ты и сама отлично знаешь, что должна остаться здесь, со своими товарищами, и быть во всем первой. Ты ведь знаешь, как мне это было бы приятно. Посмотри, Алина, что передала тебе Тата. Это бифштекс. Она заморозила его для тебя, когда в последний раз давали мясо. А я тебе привезла два жареных хлебца и банку сгущенного молока. Это тебе будет на неделю. И вот еще пакет гофио.

Но я продолжала ее умолять забрать меня отсюда.

— Если ты не прекратишь жаловаться, я немедленно уеду! — пригрозила Фея.

Она оставила меня в состоянии такого отчаянного одиночества, которое могут переживать только дети.

* * *

Я стала делать все, чтобы поскорее превратиться в передовой элемент. Результатом моих усилий явилось то, что я стала путать день с ночью. Мне становилось все хуже. Скоро лицо и шея у меня покрылись ужасными волдырями.

Меня отвели к врачу в поликлинику. Молодой медик не проявил интереса к моей эрудиции в медицинской области, когда я описала ему свое состояние:

— У меня колющая боль в правом легком и аритмия сердца, сопровождаемая тахикардией и одышкой.

Он срочно отправил меня в Гавану, опасаясь, что я заражу весь коллектив своими волдырями.

Полуденное солнце обдавало небеса своим жаром, когда меня передали на руки Таты. Мое сердце сильно билось.

Я сразу отправилась на любовное свидание со своим белым фарфоровым туалетом, этим непорочным зачатием цивилизованных естественных потребностей.

— Тата, я мочусь кровью!

— Кровью? А у тебя не месячные? Ах да, пока еще не должны быть… Во всяком случае, я видела только одну запись об этом: «11 ноября 1965 года Алина стала девушкой». Я нашла это в ящике письменного стола твоей мамы. А больше с тех пор ничего не было. Не знаю, что бы это могло быть…

— Тата, мне кажется, что я скоро умру.

После этого моего заявления Тата срочно позвонила маме и слово в слово повторила ей мои слова. Но мама приехала домой поздно вечером, потому что она не восприняла всерьез мои слова о близкой смерти. Ведь сама она не умерла, хоть перенесла очень много тяжелых болезней: гастроэнтерит, бруцеллез, гнойный аппендицит, гепатит, монокулез и даже укус бешеной собаки.

В конце концов ночью меня отвезли в больницу. Здесь когда-то приводили в порядок вскрытые вены тети Сули. В эту ночь дежурил врач-психиатр. Он нашел меня «нервной» и для успокоения применил какой-то препарат из белладонны, после чего я оказалась в коме.

Я решила, что умерла, потому что когда мне удалось открыть глаза, я увидела над своей головой старика Хоттабыча, окруженного белым облаком. Я чуть было не уцепилась за его бороду, чтобы он перенес меня из преддверия рая прямо домой. Но в это время ко мне подбежала заплаканная мама и крепко обняла меня.

Стариком Хоттабычем оказался Валейо, врач Фиделя. Под халатом у него была надета униформа капитана Сьерры. А я находилась не в раю, а в Национальном госпитале, в палате для иностранцев.

— Ее правое легкое сжалось до размеров небольшого кулака, желудок сильно поврежден, селезенка увеличена, почки в плачевном состоянии. Я введу ей восемьдесят миллионов единиц пенициллина. Не убивайся так, Нати. Пока есть жизнь, есть надежда.

Мне совсем не понравилось, как я выгляжу внутри, потому что, как говорила Лала Натика, «всегда нужно быть элегантной, даже при смерти». Но несмотря на эту неприятность, я мирно заснула, твердо уверенная в том, что не могу умереть так рано. Проснулась я только через неделю.

— Алина, тебе было очень плохо. Ты не приходила в себя целую неделю.

— А Фидель приходил меня проведать?

— Нет…

— Почему?

— Я не знаю. Спроси об этом у Валейо.

— Доктор Валейо, почему Фидель не приходил ко мне?

— Потому что он не знает, что ты болеешь.

— Почему он не знает?

— Потому что я не сказал ему об этом, чтобы не беспокоить его.

— Но теперь ты можешь сказать ему, что я болела.

— Теперь тем более не скажу.

— Почему?

— Он убьет меня за то, что я ничего ему не сказал.

И, невозмутимый, он вышел из комнаты.

* * *

Наконец закончились сельхозработы, и все ученики нашей школы вернулись в Гавану. Несколько человек из-за неопытности повредили себе пальцы — верхние фаланги были срезаны мачете во время работы на сахарных плантациях. Больше всех не повезло моему однокласснику Марио. Он попал под перевернувшуюся телегу и в результате остался без ноги. Все остальные вернулись домой в целости и сохранности. И вновь начались школьные занятия.

Как-то раз мама спросила у меня:

— В вашей школе учатся дети из начальных классов?

— Да, мама. Здесь учатся все, кому угодно. Даже с военного аэропорта приходят в нашу школу.

— Тогда здесь, наверное, учится и твоя двоюродная сестра Дебора. Почему бы тебе с ней не встретиться? Она учится в

третьем классе.

Дебора была старшей дочерью Рауля и Вильмы.

Найти ее оказалось очень легко, потому что возле класса, где она училась, прохаживались охранники. Они пропустили меня, как только я им вкратце рассказала о своих родственных связях и происхождении.

Дебора оказалась прелестным фарфоровым ангелочком с нежной кожей и светло-пепельной шевелюрой. Мы сразу же понравились друг другу. Благодаря этой чудесной девочке я узнала, что такое тепло семейного очага. Она же освободила меня от ежедневных автобусных пыток. Теперь меня почти каждый день доставляли к дому на машине Деборы в сопровождении охраны.

Я была очень довольна знакомством с моей двоюродной сестрой. Теперь после уроков мне не хотелось веселиться со своими прежними подругами. Вместо этого я бежала к своей маленькой кузине.

Семья Деборы жила на восьмом этаже дома, расположенного между двумя кладбищами — Коломб и китайским. Наверное, Рауль поселился в этом доме, потому что для его личной охраны было легче следить за мертвыми, чем за живыми.

Чтобы попасть к Деборе, нужно было остановиться посередине улицы и дожидаться офицера охраны, который вначале сообщал о моем приходе хозяевам, а затем подходил ко мне и вел к лифту.

Рауль был приветливым и веселым. На втором этаже своего дома он оборудовал кинозал, куда по воскресеньям приходили дети охранников.

— Мама, я попросила дядю Рауля, чтобы он и тебя пригласил на обед. Мне хотелось, чтобы мы пошли вместе.

— Да? И что он сказал?

— Что за столом не будет мест.

— Ну что ж, ничего страшного.

— Но, мама, я знаю, что это неправда. Стол очень большой.

— Не волнуйся за меня, детка. Я знаю, что Рауль очень любит меня. Сейчас я покажу тебе его письма.

Мама вышла из комнаты, но вскоре вернулась с миниатюрным сейфом. Она достала из него письма Рауля и стала их просматривать.

— Послушай, Алина, что он писал мне: «Нати, моя дорогая сестренка…»

Нати, 1955 г.

Фидель, 1955 г.

Нати, Натали и Алина, 1959 г.

Нати и Алина, 1964 г.

Алина и Фидель, 1973 г.

Че Гевара и Фидель Кастро

Алина Фернандес, 90-е годы

И она прочитала мне романтическое излияние пятнадцатилетней давности.

Тогда я еще не знала, что бедный Рауль ничего не осмеливался сделать без разрешения своего брата Фиделя — ни переехать, ни развестись, ни встретиться с кем ему хотелось.

Как-то раз, придя в гости к дяде Раулю, я познакомилась с моим сводным братом Фиделито. Мы вместе ждали лифта. У него были вьющиеся волосы соломенного цвета, к которым примешивались темные креольские локоны, унаследованные от бабушки и дедушки. Фиделито был высоким красивым юношей. Лишь только увидев его, я почувствовала зов крови:

— Ты мой брат! — и я повисла у него на шее.

Беднягу перекосило от досады. Но ему пришлось признаться в родстве со мной, когда дяди представили нас друг другу.

* * *

— Ты должна знать, что у нас есть еще брат.

— Еще один? Откуда?

— История очень простая: его мать, Ампаро, встречалась с Фиделем во время его трехдневной поездки в Ориенте. О ее беременности он узнал спустя много времени.

— А сколько лет нашему брату?

— Столько же, сколько и мне.

Трехдневное путешествие! Он не терял времени зря в Ориенте!

— Как его зовут?

— Хорхе Анхель. Хорхе Анхель Кастро. Я… на следующей неделе я уезжаю в Советский Союз, поэтому у меня не будет

времени познакомить вас. Но я оставлю тебе его номер телефона, и ты сможешь…

— В Советский Союз! Вот здорово! А что ты там будешь делать?

— Изучать атомную физику. На этом настаивает старик…

О ужас! Это, наверное, еще хуже, чем химия.

— Ты уезжаешь один?

— Нет, с тремя товарищами.

— А почему ты не берешь с собой брата?

— Он будет изучать химию здесь, на Кубе, — сказал Фиделито и как-то странно усмехнулся, отчего я почувствовала себя неловко. Потом мы с ним попрощались, и он сказал:

— Так не забудь позвонить Хорхе. Когда я приеду на каникулы, мы соберемся втроем. А мы с тобой лучше узнаем друг друга во время переписки.

В этот день я вернулась домой с нежным голубем, бьющим крыльями у меня в груди.

— Тата, Тата, я встретилась со своим братом Фиделито.

— Да? Ну и как он?

— Высокий, красивый… И ему восемнадцать лет.

— Ты спросила у него, знал ли он о тебе?

— Да, он знал!

— Так почему же тогда он не познакомился с тобой до сих пор?

— Я не знаю.

— Будь осторожна, девочка моя. Тебе вовсе не нужен брат, который не любит тебя.

На следующей неделе Тата умерла. Я плакала не переставая. Это был ужасный удар, который на несколько месяцев погрузил меня в состояние полной апатии. Все это время я не жила, а влачила жалкое существование. Без Таты я не могла ни расчесываться, ни умываться, ни есть.

И сейчас, когда я пишу эти строчки, мои глаза застилают слезы. О, моя добрая, нежная Тата! О, мой черный ангел! Я никогда не забуду тебя.

* * *

Вдова Че Хильда Гадеа и моя мама одновременно пришли к одному и тому же выводу: их дочери одиноки и нуждаютсся в подруге.

А поэтому однажды после обеда я обнаружила у нас в доме маленькую прелестную китаянку. Она сидела рядом с дамой,

напоминающей какой-то индейский тотем.

Маленькая китаянка оказалась Хильдитой Гевара. Впрочем, она больше походила на красивую индианку. У нее были густые, блестящие, как атлас, черные волосы, красивые ноги и производящая сильное впечатление пара прелестных грудей.

Мы посмотрели друг на друга с ненавистью. С еще большей ненавистью мы посмотрели на наших матерей, которые организовали эту корриду.

— Идите поиграть в твою комнату, Алина. Покажи Хильдите своих Барби.

Я чуть не поперхнулась. Показать моих Барби! Она думала, что я спокойно играла с куклами, а я в это время закрывалась в библиотеке и курила трубку моего дедушки Маноло.

Мы поднялись в мою комнату, стены и мебель которой были обвешаны моими живописными творениями. Все они появились на свет в то время, когда я увлекалась психоделической живописью и пуантилизмом. Это увлечение прошло после посещения психиатра.

— Курить хочешь?

— Еще как!

Я достала из ящика ночного столика пачку «Аромы» и спички.

— Фу, какая гадость! Это же белые!

Хильдита предпочитала коричневый табак. Мы стали неразлучными подругами. Нас очень объединяло то, что мы обе росли без отцов. Ее отец погиб, а мой хоть и был жив, но я этого особенно не ощущала на себе. Он был где-то там, далеко от меня.

Как для моей мамы врагом номер один была Селия Санчес, так для матери Хильдиты не меньшим врагом была Алеида Марш, вторая вдова Че. Все привилегии, полагающиеся детям погибшего героя Кубы, она целиком захватила для своих четверых отпрысков.

Впрочем, несмотря на происки Алеиды Марш, Хильда не перестала заботиться о своей личной жизни. В конце концов мама моей прелестной индианки остановила свой выбор на одном приятном молодом человеке. Они поженились. В то время мы с Хильдитой переживали повышенный интерес к вопросам секса. Нам хотелось знать об этом все, до мельчайших подробностей. Мы решили воспользоваться пылкостью молодоженов и понаблюдать немного за тем, что происходило в их спальне. Однажды после обеда, когда у них было время «сиесты», мы тихонько раздвинули жалюзи в их комнате.

Я была с позором и без малейшего шанса на возвращение изгнана из этого дома. Но мы с Хильдитой продолжали встречаться вне дома.

* * *

Я уже засиделась в школе «Сиудад Либертад». Пора было что-то менять в своей жизни. И вот такая приятная перемена наступила. Я попала в Школу плавания. Мне вместе с девятнадцатью другими девочками предстояло войти в первую кубинскую команду по синхронному плаванию. И если мне не слишком повезло в искусстве, то в спорте все было как нельзя лучше.

Школа представляла собой кулинарный рай, населенный бронзовыми эфебами.

На Кубе спорт является частью пропаганды Революции с самого ее рождения. Поэтому спортсмены в нашей стране всегда находятся на особом положении. На Кубе почетней и выгодней быть чемпионом, чем министром.

Ритм жизни в школе был очень напряженным, но сводился он в основном к следующим трем компонентам: тренировка, еда, сон. Мы проводили в бассейне ежедневно по пять часов. Совместные тренировки, совместно пролитый пот, участие в соревнованиях — все это сближало нас.

Для многих родителей Школа плавания была просто манной небесной. Ведь теперь они имели уникальную возможность избавиться от своих надоедливых чад, предоставив заботу о них социалистическому государству.

Школа кишела папенькиными сынками и доченьками, но было немало выходцев из сельской местности. Деревенские ребята были рады жить бок о бок с «избранными» и время от времени бывать у них в гостях.

Шел 1968 год. В моде были прямые волосы и удлиненные силуэты. Кто из девушек нашей школы имел возможность сохранить тонкий стан? Ведь нас кормили, как на убой. Но с волосами все было гораздо проще, ведь существовал горячий утюг, с помощью которого волнистые волосы превращались в прямые. Своей внешности мы придавали немало значения.

В Школе плавания проводились, конечно же, и обычные учебные занятия. Но, откровенно говоря, учебой мы себя не очень утруждали.

В отличие от обычных школ, спортивная школа не принимала участия в сельхозработах. Я восприняла этот факт с чувством глубокого удовлетворения.

По средам наши мамы привозили нам чистую спортивную форму. Моя Фея ро время одного из своих визитов в школу поразила сердца наших ватерполистов. Они гроздьями висели на стене, любуясь маминой фигурой.

Однажды мама сказала мне:

— Алина, сегодня вечером к нам придет Фидель, но я хотела бы, чтобы ты осталась в школе. Я хочу серьезно поговорить с ним о тебе, о твоей проблеме. Думаю, тебе не стоит присутствовать при этом разговоре. А если он захочет увидеться с тобой, то сможет прийти в любой другой день…

— У меня опять какая-то проблема? Снова «неумение приспосабливаться в новых условиях»? А может, у меня от воды глаза превратились в рыбьи?

— Алина!

— Или появился аллергический бронхит?

— Дело вовсе не в этом, Алина.

— А в чем же, мама? Какие у меня проблемы?

— Он не занимается тобой так, как отец должен заниматься дочерью. Это, конечно, не новость. Он ведет себя так в течение всех тринадцати лет. И все же…

— Мама, ты знаешь, сколько в нашей школе ребят, которые вообще не знакомы со своими отцами?

— Алина, я делаю это ради тебя.

Ради меня? Я бы предпочла, чтобы ради меня ничего подобного не делали. Сколько времени он не приходил к нам? Два года? Это многовато для женщины, грудь которой начинает терять упругость.

Впервые в жизни на меня не падала тень Команданте. Никто больше не обвинял меня в экспроприациях и экзекуциях. Никому не приходило в голову выпрашивать у меня одежду и жилье. Никто не просил меня поспособствовать в деле получения визы. Никто не умолял помочь положить в хорошую больницу родственника. Меня оставили в покое, и даже мама прекратила наши совместные купания перед домом. Фиделя. Раньше это происходило всякий раз в конце недели, когда у мамы возникало подозрение, что Фидель у себя. Однажды во время такого купания она вышла из воды и стала громко кричать: «Фидель! Фидель! Алина-а-а!» Она так долго звала Фиделя, что вывела из терпения его охранников. Все кончилось тем, что Фиделю пришлось вырывать нас с мамой из цепких когтей взбесившейся охраны.

Теперь я чувствовала себя свободной от всех. Мне не нужно было больше играть роль сводни, к которой меня принудили дядя Рамон и его новая любовница. Я видела, как от этой моей услужливости страдала тетя Сули и как за это меня ненавидели мои двоюродные братья. Эту ненависть ко мне они сохранили надолго, надев на нее смирительную рубашку.

Да, мне было хорошо чувствовать себя не связанной никакими обязательствами. Я отвечала только за себя. И поэтому

я сказала Фее:

— Мама, я не хочу его видеть. То, о чем ты говорила, не интересует меня.

Я говорила это совершенно искренне. Но желания и интересы подростков так изменчивы.

* * *

Вечером следующего дня я пришла домой. Мама сияла от счастья: Команданте опять осчастливил наш дом своим присутствием.

— Я был слишком занят эти два года, — сказал он. — Очень трудно отвечать за жизнь Революции. Недавно я вел переговоры с Японией о покупке холодильников. Я очень доволен результатами переговоров. Самое большее через два месяца они уже будут установлены. Как минимум по одному в каждом квартале. Теперь люди смогут в жару есть мороженое. А еще я договорился о покупке завода по производству вафель. Теперь будем делать их у себя.

Я не стала выражать своего восторга. Он продолжал:

— Скоро японцы продадут мне фабрику по производству пластмассовой обуви. Я был на такой фабрике. Это невероятно, но из кусочка пластмассы, полученной из нефтепродуктов, изготавливают пару самых настоящих туфель… И даже на каблуках. Кстати, можно производить самые разные модели… Для женщин, мужчин, детей… Мне удалось договориться о покупке оборудования по очень низкой цене. Производительность такой обувной фабрики очень высокая — тысяча пар обуви в день. Думаю, теперь нам удастся решить проблему обуви в стране.

Я опять попала под его обаяние.

— И еще одна новость. В Конституцию уже внесены изменения. На следующей неделе входит в силу новый Семейный Кодекс. Теперь ты сможешь взять себе фамилию Кастро, когда захочешь. Единственное, что требуется, это письменное заявление твоей матери на имя министра юстиции Йавура.

Я представила себе, как буду сообщать эту новость своим школьным друзьям и как они отреагируют. А еще я подумала о том, что если буду носить фамилию Кастро, то никогда уже не смогу ответить: «Нет, нет. Я ничего не могу сделать для вас. Клянусь вам, я не его дочь. Нет, нет. Ничего. Даже письмо».

— Думаю, что мне лучше оставить фамилию Фернандес. Я так долго ее ношу. И потом, мне очень не хотелось бы никому объяснять, почему у меня сначала была фамилия Фернандес, а

потом стала Кастро.

Это ему было безразлично. Он ушел, пообещав скоро вернуться.

* * *

Мой сводный брат Хорхе Анхель, появившийся на свет в результате приятного трехдневного путешествия Фиделя, был скорее красивым, чем некрасивым. Но, несмотря на это, вид у него был идиотский. Его хрупкость и покорность по отношению к Фиделито и невесте Эне Лидии умиляли меня, если не сказать больше.

Он привык по первому зову следовать за своим братом, наследным принцем, когда тот удостаивал его вниманием и приглашал на какое-нибудь официальное мероприятие. Обычно он следовал за джипом Фиделито в машине, нагруженной всяким скарбом. Во время всех этих мероприятий Хорхе Анхель оставался в тени, никак не заявляя о своем присутствии. Он был очень нерешительным и, похоже, начисто лишенным самолюбия.

Фиделито присылал мне из СССР любезные и очень напыщенные письма, изобилующие советами. Он хотел, чтобы я была послушной и вела активную общественную жизнь. В каждом письме он передавал горячий привет и наилучшие пожелания моей маме. Но мне хотелось получать от брата совсем другие письма. Ведь я ему так много написала о своих родственниках, о Фиделе. Я надеялась, что он будет возмущен всем тем, что узнал от меня об отце. Но он почему-то оставлял без комментариев все мои сообщения.

Однажды я назвала Фиделя негодяем, который совсем не заботится о своих детях. Фиделито ответил мне на это очень резким письмом, возмущаясь тем, как несправедливо и грубо я отзываюсь об отце. Я была очень удивлена такой реакцией сводного брата, но не придала этому инциденту большого значения. Мне все так же хотелось поскорее с ним увидеться.

Я не теряла связи и с другим своим братом, Хорхе. Я познакомила его со своей мамой, которая очень радушно его приняла. Он стал часто приходить к нам домой. Мы очень сблизились. Хорхе доверял нам все свои тайны, в том числе и сердечные. Когда речь зашла о его свадьбе, мы с мамой приняли самое активное участие в ее подготовке. Все вопросы, связанные с этим серьезнейшим событием, решались в нашем доме. Уже все было готово для свадьбы — цветы, подвенечное платье и даже список блюд для праздничного стола, — как вдруг все сорвалось.

Почетным гостем и свидетелем на свадьбе должен был быть Фиделито. Прошло уже два года с тех пор, как он уехал в Советский Союз грызть гранит науки, и теперь все родные со дня на день ждали его приезда.

Однажды Вильма, жена Рауля, позвонила мне и сказала, что за мной заедут и мы поедем в аэропорт встречать Фиделито. Радости моей не было предела. Возвращался брат, которого я не видела целых два года! Зал для встреч официальных делегаций был полон, когда мой сводный брат в компании с русской девушкой вышел к нам. На лице девушки было написано удивление. Наверное, она не понимала, почему на встречу Фиделито пришло так много людей в военной форме.

А я, словно маленькая собачонка, виляющая хвостиком, ждала, когда ко мне подойдет Фиделито. Я была уверена, что он захочет обнять меня первой.

Но он целых полчаса одаривал поцелуями и словами благодарности всех, кто пришел его встречать, не обращая на меня ни малейшего внимания. Наконец, обменявшись приветствиями с каждым из присутствующих, мой сводный брат подошел ко мне и протянул руку:

— Спасибо, что пришла.

Это было сказано с презрительной усмешкой. Фиделито вел себя по отношению ко мне с таким чувством превосходства, будто его прочили в римские императоры.

Дядя не ожидал, что дело примет такой оборот, и не знал, как поступить со мной дальше. В конце концов он увез меня к себе домой, где по случаю приезда высокого гостя был приготовлен праздничный обед.

Я пыталась переварить только что происшедшее между мной и Фиделито и, должна сказать, мне это никак не удавалось. Мне казалось, что на меня вылили ушат холодной воды. Все мои планы рухнули, как карточный домик. Ведь свое будущее я связывала с братьями.

Наступил торжественный момент вручения подарков. Фиделито дарил своим двоюродным братьям и сестрам игрушки и одежду.

Вот он достал пластинки с записями «Битлз» и Рафаэля. Фиделито сам очень любил песни Рафаэля и знал о том, что это мой любимый певец. Но нет, пластинка с песнями Рафаэля досталась кому-то другому. Наконец, он подошел ко мне:

— Я не знал, что тебе привезти, и выбрал это.

И он протянул мне флакон, наполненный жидкостью с отвратительным запахом. Это были русские духи эпохи строительства коммунизма.

Я чувствовала себя ужасно, но нашла в себе силы выдавить:

— Мама передавала тебе привет. Ей не терпится обнять тебя и лично поблагодарить за твое внимание. Она сказала, чтобы ты приходил к нам в любое время, она всегда будет рада тебе.

— Передай своей матери, что мне ничего от нее не нужно.

Мое сердце остановилось. Я была потрясена и оскорблена услышанным. Но я взяла себя в руки. Я вспомнила о Мирте, о тюремном заключении Фиделя, о письмах, которые перепутал тюремный цензор, и предположила, что Фиделито наверняка нарушил революционные принципы и во время промежуточной посадки в Испании тайно встретился со своей матерью, которую выслали с острова.

Я оставила подаренные духи в кухне на полке и ушла. У меня не хватало смелости вернуться домой, где в томительном ожидании находилась мама. Она хотела услышать мой детальный рассказ о том, как проходила встреча. Я остановилась на углу улицы и стала ждать случайного автобуса, который увез бы меня далеко-далеко… На моих ногах болтались жалкие остатки попранной надежды. Я собрала их в горсть и протиснулась в трещавший по швам от пассажиров шестьдесят девятый автобус. Правильнее было бы сказать, что протиснулась только часть меня, а вторая висела на подножке. Я энергично работала локтями, вонзаясь в чьи-то лопатки. Это была типичная поездка в типичном кубинском автобусе.

Вечером позвонил Хорхе Анхель. Он сообщил, что свадьба будет проходить не у нас в доме, а в другом месте. Ее организацию и проведение взяла на себя Селия Санчес.

— Мне очень неприятно об этом говорить, но Нати на свадьбу не приглашена.

— Ну ты и дрянь! — ответила я ему.

Вот такими сводными братьями наградил меня господь. Один служил и нашим и вашим и всех, в конце концов, предавал, а другой был трусом из трусов.

— Почему все они против мамы? — спросила я у своего обожаемого кузена Майито.

— Не думай об этом. Матерей не судят. Их просто любят. Это единственное право детей по отношению к своим матерям, — сказал Майито, нежно теребя свои уши.

И я начала пользоваться этим правом. Может быть, моя любовь была в тягость маме, потому что я стала проявлять это чувство в очень явной форме. Я решила, что если присутствие моей мамы где-то неугодно, то, значит, и мне там делать нечего. С этого времени враги моей мамы автоматически становились и моими врагами. Пора было всерьез заняться этой женщиной,

потому что больше о ней никто не заботился. Я в какой-то мере удочерила свою собственную мать. Ее нужно было защищать от многих, очень многих людей. И даже от Натики. Лала обращалась с моей мамой, как с умственно отсталой. Она ее просто затерроризировала своей бесконечной критикой. Мама даже не осмеливалась пригласить к себе в дом друзей, потому что бабушка Натика так злобно и ядовито высмеивала их, что пропадала всякая радость общения.

Мне хотелось, чтобы мама заняла в обществе то положение, которого она бы заслуживала, но даже сам Геракл не смог бы одолеть ту злобу и ненависть, которая бурными потоками обрушивалась на мою Фею. Несмотря на все наносимые оскорбления, мама упорно хотела доказать, что она — настоящая революционерка, а ее история с Фиделем — вовсе не мимолетное увлечение, не страсть, которой она безответственно отдалась. Она пыталась доказать, что связала свою судьбу с этим человеком совершенно сознательно и навсегда.

В маминой жизни произошло, наконец, событие, которого она так долго ждала. Преодолев все препятствия, чинимые Селией Санчес, она стала членом Коммунистической партии. Теперь она еще больше вошла в роль героини, оставляющей без внимания все унижения и оскорбления. Она была выше всей этой суеты. Думаю, мама все время пыталась убедить себя в том, что ей безразличны все эти ядовитые укусы, а на самом деле она очень страдала от этого. Но я не в силах была спасти маму от нее самой. И тогда я стала пытаться хотя бы оторвать ее от этого окружения, чтобы смягчить укусы врагов. Маме не раз уже предлагали работу в посольстве. Если не ошибаюсь, это каким-то образом было связано со шпионажем. Я стала уговаривать маму, чтобы она согласилась на это предложение. Ведь тогда она вновь превратилась бы в очаровательную женщину. Но пока мне не удавалось убедить маму поменять работу. А потому травля продолжалась. Селия Санчес не оставляла маму в покое до самой своей смерти. Умерла Селия от жестокого рака, поразившего все ее органы от легких до языка. Но до того, как умереть, эта женщина попортила немало крови моей маме.

Селия Санчес была самым непримиримым, но, к сожалению, далеко не единственным врагом моей мамы. Если говорить конкретно о семействе Кастро, то даже не верилось, что когда-то они ее нежно любили и писали ей трогательные письма.

Что касается моих отношений со сводными братьями, то я предприняла кое-какие решительные меры. Я предоставила им возможность жить своей жизнью, а себе — своей. Тем самым я освободила себя от торжественных семейных обедов и от двойной

морали этой семьи.

* * *

В сентябре 1968 года мы вернулись в свою спортивную школу посвежевшими, похорошевшими и порядком располневшими. Летний отдых сделал свое дело. Но мы все уже соскучились по школе, по тренировкам. Мы искренне радовались встрече после долгой разлуки и предвкушали новые впечатления. Рано утром, сияя чистотой и свежестью, мы стояли на линейке, посвященной началу учебного года. Сообщение директора школы грянуло на нас, как гром с ясного неба:

— В связи с тем, что синхронное плавание не было признано олимпийским видом спорта, я вынужден сообщить вам, что команда по синхронному плаванию распускается по распоряжению министра образования. Прошу вас вернуть купальники, махровые халаты, купальные шапочки, прищепки для носа, обувь и школьную форму. Все это нужно сдать завхозу. Взамен он выдаст вам расписки. После этого можете сообщить своим родителям, чтобы они приехали за вами.

И все. Больше никаких объяснений.

Я постаралась не поддаваться панике и поискать возможность остаться в школе. Такая возможность появилась. Мне нужно было успешно сдать зачеты по плаванию, и тогда бы меня оставили в команде пловцов. Я сдала все зачеты с отличными результатами. Но мне сказали:

— Вы физиологически не приспособлены к воде.

— Чего же мне не хватает для этого? Может, плавников? Или рыбьего хвоста? А может, мне пересадить себе вместо легких жабры? Или покрыться рыбьей чешуей?

Мама тоже была возмущена до предела. Мы с ней пошли к министру образования Янусе.

— Нати, к сожалению, я ничем не могу помочь твоей малышке. Если ее оставить в школе, то пойдут разговоры, что она на особом положении, потому что ее отец — Кастро.

— Но ведь все знают, что она самая сильная в команде. И потом, она ведь сдала зачеты по плаванию с фантастическими результатами. А ей вдруг такое говорят… Подумай сам, разве то, что ей сказали в школе, — это серьезное объяснение?

— Вполне нормальное объяснение. А что касается роспуска команды по синхронному плаванию, то это сделано по моему личному распоряжению. У девочек из этой секции не очень-то хорошая репутация. Их поведение оставляет желать лучшего. Да и

чего ожидать от папенькиных дочек?

— Попробуй все-таки что-нибудь придумать. Ведь Алине так нравилось учиться в этой школе… У нее отличные успехи в плавании… Может быть, плавание — это ее призвание.

— Вполне может быть… Кстати, как называется болезнь, которой я, по твоему мнению, страдаю? — этот вопрос был обращен уже ко мне.

— Гинекомастия, — ответила я. — Ненормальное увеличение грудных желез у мужчины. И я очень надеюсь, товарищ министр, что ваши груди в ближайшем будущем вырастут до самой земли.

Я сказала это во имя и от имени всех школьников, которых этот грудастый чурбан обвинял в невоспитанности только за то, что они носили длинные волосы и обтягивающую одежду.

Я очень тяжело переживала уход из спортивной школы. Ведь я плавала по пять часов в день и, в конце концов, добилась того, что побила рекорды в плавании стилем баттерфляй и на спине и завоевала право тренироваться в команде кандидатов в сборную. И все мои усилия, все мои победы оказались напрасными. Со мной всегда бывает так: когда я всего лишь в шаге от успеха, все вдруг рушится.

Я вернулась в свою прежнюю школу, не скрывая мятежного настроения. Все закончилось тем, что учителя перестали пускать меня на уроки.

* * *

Наш дом стал приходить в упадок. С потолка падали огромные куски штукатурки, с каждым днем все больше обнажая сложное переплетение ржавых труб и прогнивших балок. Жить в таких условиях становилось трудно и небезопасно. И мама пошла искать ответственного работника, который занимался вопросами ремонта и переселения в нашем районе.

Девятнадцатого марта я не пошла в школу из-за сильного насморка и занималась тем, что переносила вещи из своей лаборатории, готовясь к переезду. И вдруг с этажерки на пол упала доска, которая, как оказалось, прикрывала сейф.

Зная мамину привычку отдавать все свое имущество в дар Революции и Социализму, я не стала ей рассказывать о находке, а сообщила об этом бабушке Натике. Ведь у нее был кое-какой опыт по сокрытию фамильных драгоценностей.

Но бабушка не смогла отделаться от служащих Государственной Безопасности, которые помогали нам с переездом, и привела за собой целый эскорт. Они, разумеется,

сразу же заинтересовались сейфом и при помощи паяльной лампы и молотка вскрыли его. В этом сейфе оказались деньги и драгоценности, оставленные бывшими владельцами дома, которые спешно покинули Кубу в 1959 году, когда началась Революция.

Бабушка Натика хотела оставить для меня золотую пудреницу:

— Моей внучке сегодня исполняется пятнадцать лет. Неужели Революция обеднеет из-за этой пудреницы?

Но эти типы из Госбезопасности были неумолимы.

— На помощь! На помощь! — услышала я душераздирающие крики моей Лалы и решила, что она в мятежном порыве бросилась на защитников Революции, готовая стереть их в порошок за все причиненные ей неприятности. Но оказалось, что дело было вовсе не в идейных разногласиях: у ног бабушки Натики в жидкости бирюзового цвета плавал голубой гомункулос. Из рук у Лалы выскользнула и разбилась одна из банок, в которых в детстве я хранила своих инкубусов и гомункулосов.

Часть вторая

Наш новый дом стоял на углу улицы и благодарно принимал благословенный свет послеполуденного солнца. Дом был каменный. Все комнаты в нем были постоянно открыты, потому что во всем доме не было ни одной внутренней двери.

Вокруг дома рос сад. Высоко в небо протянули свои ветви палисандровые деревья, будто прося Всевышнего оградить обитателей дома от всех возможных неприятностей.

Мы переехали в новый дом в день моего пятнадцатилетия. Поздно вечером к нам пришел посыльный от Команданте, крепкий коренастый мужчина с седеющей шевелюрой. Это был Соса. Он уже не раз приходил к нам и каждый раз приносил хорошие новости.

— Поздравляю тебя с днем рождения, малышка. Вот подарок от Команданте, — и он протянул мне флакон с духами.

Духи были чудесные. Но почему же их не принес сам Фидель? Я спросила об этом у мамы.

— Хорошо, что он вообще поздравил тебя. Я думала, что ему не передадут мою записку.

Еще одним поистине царским подарком Фиделя было приглашение в полинезийский ресторан. Там для нас заказали столик. В Гаване действовало всего три ресторана, поэтому попасть туда было необыкновенно сложно. Ради того, чтобы заказать столик, люди выстаивали длинные очереди. Нередко у дверей ресторана происходили потасовки. Иногда в дело вмешивалась даже полиция.

Я надела парчовый костюм, состоящий из брюк и блузки без рукавов. Фасон одежды выбирала мама, а шила костюм Хуана под чутким руководством Лалы Натики.

Мое одеяние соответствовало направлению моды шестидесятых годов. Чувствовала я себя в этом костюме, как тюлень в подарочной упаковке. Мне было очень неловко. Идти в таком виде в ресторан совсем не хотелось. Но разве могла я испортить гастрономическое удовольствие моим дамам? Я никого не пригласила на свой день рождения, потому что в результате многочисленных переездов и переходов из одной школы в другую я растеряла всех своих друзей.

Мы сели в «мерседес», доживающий свои дни, и тронулись в путь. Мы представляли собой довольно странное трио. Когда машина остановилась, ко мне обратился с вопросом какой-то прохожий:

— Молодой человек, карнавал уже начался?

Это был галантный намёк на мою одежду. Впрочем, в этом вопросе содержалась доля истины. Ведь значительную часть нашей жизни мы занимаемся несерьезными делами.

* * *

Каждый раз, когда мама меняла место работы, мне приходилось переходить в другую школу, чтобы быть ближе к маме. На этот раз ее перевели в Минвнешторг — Министерство внешней торговли. Она стала специалистом Группы латиноамериканских стран и стран Карибского региона, экспортеров сахара. Несмотря на длинный титул, мама ютилась в шкафу, переделанном в кабинет.

— Минторг, Минпром, Минкульт! Какие-то вьетнамские названия! Даже язык на Кубе изменился! — ругалась бабушка Натика.

Кроме работы в Минвнешторге, мама выполняла множество разных дел. По поручению партии ей пришлось возобновить учебные занятия с рабочими. Она обучала их французскому языку. Занятия проходили ежедневно с семи до одиннадцати часов вечера. И это несмотря на то, что ей не так долго оставалось до пенсии. А ведь еще было активное участие в работе профсоюзов. У мамы не было ни минуты свободного времени.

Мамин «мерседес» почти всегда находился в состоянии забастовки, хоть ему уже сделали пересадку некоторых органов из «волги» и «москвича».

Но еще хуже, чем старый «мерседес», вел себя молодой мамин начальник. Он почему-то невзлюбил ее. До меня дошли слухи, что этот начальствующий молокосос доводил маму до слез. Разумеется, мое любящее дочернее сердце не могло вынести этой несправедливости. Я решила заступиться за маму весьма своеобразным способом. Прежде всего, я уговорила свою Фею отдохнуть один день.

— Всего лишь один день, мамочка! Ведь ты же за всю свою жизнь не пропустила ни одного рабочего дня. Мама, я умоляю тебя! Отдохни единственный денечек! Тебе это просто необходимо! Ты ведь не хочешь оставить меня сиротой? А если ты не сделаешь маленький перерыв в работе, это может произойти.

В конце концов мама поддалась моим уговорам. Пункт номер один моего секретного плана был выполнен. Теперь предстояло перейти к следующему пункту. И я отправилась пощипать перья Эдуардо, маминому начальнику. Я решила высказать ему все, что о нем думала. Но вначале я дала ему возможность высказаться.

— Она всю жизнь работает за других, — начал обвинение этот грязный тип.

Я молчала.

— Она помогает другим в ущерб своей непосредственной работе.

Я продолжала терпеливо молчать.

— Ее занятия по французскому вот где у меня сидят.

Далее последовали обвинения в том, что мама каждое утро проводит в педикюрном кабинете, а чтобы все думали, что она находится где-то поблизости, мама оставляет на столе свои очки.

Я сочла необходимым приостановить этот грязный словесный поток.

— Занятия по французскому языку она проводит по заданию партии, — начала я. — Если ты считаешь, что помогать другим — это недостаток, то она этим недостатком и в самом деле страдает. Что касается твоих обвинений по поводу педикюра и очков, то моя мама просто не способна на такие хитроумные комбинации. Да, кстати, я попрошу ее положить ноги на твой письменный стол. Не догадываешься для чего? Чтобы ты увидел, в каком состоянии у нее ноги. И вместо педикюра, о котором ты с таким гневом говорил, ты увидишь мозоли. А знаешь, когда они у нее появились? Когда такие, как ты, засранцы еще делали себе в штаны. Моя мама подвергала смертельной опасности себя и свою семью, чтобы ничтожества вроде тебя могли жить по-человечески. Короче говоря, если ты, дрянь эдакая, не оставишь ее в покое, то, уж поверь мне, я смогу испортить тебе жизнь. От меня ты не дождешься такого великодушия, как от моей суперсознательной мамы. Да, кстати, ты не заметил, что она тебе по возрасту в матери годится?

Так был выполнен мой план по защите удочеренной мамы. Но обстоятельства сложились таким образом, что я смогла еще кое-что сделать для моей любимой Феи.

Дядя Рауль предложил мне должность переводчицы французского языка в своем секретариате. Я пришла к нему, чтобы поговорить о предложенной работе поподробнее. И вдруг меня осенило. А что, если сыграть на ностальгических чувствах дяди Рауля? Может быть, таким образом удастся как-то помочь маме? И я начала коварно расставлять сети человеку, который был мне, в общем-то, очень симпатичен:

— Ты знаешь, дядя Рауль, я так любила перечитывать твои письма маме, пока этот мерзавец Пачеко не заграбастал их для музея Революции.

Рауль окунулся в романтически-возвышенную атмосферу тех далеких дней. Я попыталась органично перевести воспоминания

дяди в несколько иное русло:

— Как она заботилась о семье! Она была настоящей феей!

Ура! Рыбка попалась в сети! Мой дорогой дядя стал вспоминать о маминых деяниях. Пора было переходить к главному. И я стала с неподдельным страданием в голосе доверительно сообщать дяде Раулю о том, что мама в последнее время очень загрустила и что я делаю все, что могу, чтобы растопить лед в ее сердце, но это зависит не от меня. Я сравнивала ее с больной розой, которая источает свой аромат, когда другие цветы, наоборот, перестают пахнуть. Я говорила, что с первыми лучами солнца этот цветок закрывает свои лепестки, вместо того чтобы их открывать навстречу свету и теплу. Продолжая проводить параллель между мамой и прекрасной, но больной розой, я говорила, что она раскрывает свой венчик навстречу людям, которые не обращают на нее никакого внимания, которые ее не ценят — ее, так много сделавшую для них, продавшую свои драгоценности, чтобы купить оружие для штурма Монкады, и так далее, и так далее, и так далее…

В результате этой доверительной беседы мне удалось обменять мамин престарелый «мерседес» на другую машину. Теперь у моей Феи был если не новый, то, во всяком случае, вполне приличный автомобиль.

— Возьми «мерседес» себе. Я же знаю, что ты к этой марке неравнодушен. В автомастерской министерства тебе его приведут в приличное состояние.

— Нет, нет. Лучше продайте его. Это немного поддержит вас. Я слышал, что некоторые готовы отдать за «мерседес» сумасшедшие деньги. Кстати, лучше попробовать продать его в деревне. У крестьян, благодаря черному рынку, карманы полны денег.

Это действительно было так. На Кубе не на что было расходовать накопленные деньги. Поблагодарив Рауля за заботу и великодушие, я решилась еще на один шаг:

— Дядя Рауль, если ты хочешь, чтобы мама почувствовала себя по-настоящему счастливой, пригласи ее на торжества, посвященные событиям 26 июля. Каждый раз, когда она слышит, что встречаются участники штурма Монкады, она грустит. Ты ведь знаешь, дядя, что она имела самое непосредственное отношение к этому событию. Ты ведь пригласишь маму, дядя Рауль?

— Этого я не могу тебе обещать. Мне нужно будет обсудить это кое с кем.

Я вышла из кабинета Рауля в приподнятом настроенищ. А утром на следующий день к нашему дому подогнали синий

«фольксваген». Мама была счастлива. Через несколько месяцев она получила приглашение принять участие в торжественной церемонии, посвященной событиям 26 июля. Правда, маму почему-то пригласили не как участницу штурма, а как члена семьи, пострадавшей в результате тех далеких тревожных событий, хотя единственной жертвой штурма Монкады в нашей семье оказалась сильно поредевшая шевелюра Лалы Натики. Это был печальный результат бабушкиной поездки в Сантьяго.

* * *

Мои безрезультатные попытки остаться в рядах пловцов спортивной школы так утомили меня, что я решила распрощаться с мыслью о плавании и записалась на подготовительные курсы, где хозяйничала мрачная дама итальянского происхождения с фамилией Ла Маркетти. Эта женщина была из семьи потомственных бейсболистов. Внешность Ла Маркетти была не слишком привлекательной. На темном лице хозяйки курсов поблескивали маленькие свиные глазки. Зато зубы у нее были не меньше, чем у лошади. Ла Маркетти органически не переваривала всех руководящих работников, а поскольку она не имела возможности досаждать самим руководителям, то с огромным удовольствием отыгрывалась на их детях.

На подготовительных курсах я вновь встретилась с Хильдитой Гевара, и наша дружба возобновилась.

Полгода назад Хильдита похоронила свою мать. Хильду унес в могилу жестокий рак. Моя подруга доверительно сообщила мне нечто такое, что сильно озадачило меня.

— Если бы ты только знала, что она сказала мне перед смертью. Ей ведь оставалось жить несколько минут, но она не удержалась, выплеснула на меня все это.

— Что же она могла такого страшного сказать?

— Ах, Алина… Она сказала, что кубинцы бросили в Боливии моего отца специально… Они хотели его смерти… Это было им на руку.

— Не понимаю, каким образом это могло им помочь?

— Понимаешь, она сказала, что они все это задумали, чтобы сотворить нового героя, в котором нуждалась Куба. Она еще сказала, что все его письма они подделали… Просто написали его почерком… Она сказала, что когда-нибудь все это выйдет наружу. Скажи мне, Алина, разве она не могла умереть без этих своих исповедей? Обязательно ей нужно было терзать меня своими откровениями? Я бы сейчас жила спокойно без этих идиотских

мыслей об отцовской смерти.

Я ничего не ответила, потому что не знала, что сказать в ответ. Мать Хильдиты всегда казалась мне излишне эмоциональной. И потом, все эти мистификации были не в моем вкусе.

Ла Маркетти с наслаждением отравляла наше существование. Даже Хильдите оказалась не по зубам эта железная леди. Моя подруга продержалась на курсах полгода, после чего не без радости распрощалась с потомственной бейсболисткой.

Через некоторое время Хильдита вышла замуж за одного мексиканца, сосланного на Кубу за участие в выступлениях рабочих в столице Мексики, Мехико. Муж Хильдиты был лишь одним из пострадавших в результате гонений, учиненных против выступивших рабочих неким Эчеверриа, который вскоре был избран президентом страны. Через некоторое время после прихода к власти он прибыл с визитом на Кубу, где был весьма помпезно встречен.

Но перед встречей с кубинским руководством президенту Мексики пришлось повидаться со своими соотечественниками, сосланными на Кубу по его распоряжению. Наверное, это свидание с земляками не очень понравилось Эчеверриа, потому что вскоре все, кто встретился с высоким мексиканским гостем, очутились за тюремной решеткой. Среди мексиканцев, брошенных в тюрьму, оказался и муж Хильдиты.

Я пошла навестить свою подругу, прихватив с собой чемодан с одеждой и пару туфель: она жила очень бедно. А я хорошо помнила, как несколько лет назад, когда нам с Хильдитой было по одиннадцать лет, она помогала мне, отдавая свои небольшие сбережения.

У нее был малыш. С грудным ребенком на руках она последовала за своим мужем во вторую ссылку, на этот раз в Италию.

Я получила от Хильдиты известие спустя несколько лет, когда она вновь приехала на Кубу. Это было единственное место на земле, где она могла рассчитывать на помощь психиатра и нескольких старых друзей. У Хильдиты к этому времени родился второй ребенок, которого она еще кормила из бутылочки. Нередко ей трудно было отличить бутылочку с молоком от бутылки с ромом. Бесчисленные испытания, выпавшие на долю Хильдиты, надломили ее.

* * *

Хосе Рамон Перес соблазнял девушек Ведадо, пуская в ход свои неисчислимые прелести. У него были зеленые глаза с хитринкой и круглая, как шар, голова, украшенная длинной, густой и вечно взлохмаченной шевелюрой. Мелкие ровные зубы Хосе Рамона то и дело обнажались в неотразимой улыбке. Но все-таки главными козырями этого юного донжуана были не прекрасные белоснежные зубы и не сияющие глаза. У Хосе Рамона было более весомое оружие для покорения строптивых девичьих сердец. Он являлся счастливым обладателем потертых джинсов, замшевых сапог с бахромой и белого «фольксвагена», предела мечтаний многих молодых и не очень молодых кубинцев. А еще у Хосе Рамона был папа. Но не обычный папа, а член политбюро.

Хосе Рамон учился вместе со мной и Хильдитой на подготовительных курсах. До тех пор, пока наша железная Ла Маркетти не выгнала его. Справедливости ради стоит заметить, что факт изгнания из учебного заведения оставил пострадавшего юношу совершенно равнодушным. Чего не скажешь о самой Ла Маркетти, которая получила огромное удовольствие, вышвырнув из своей епархии очередного папенькиного сынка.

Высокопоставленный папаша Хосе Рамона променял супружеское ложе на постель одной юной представительницы кубинской номенклатуры. Новая избранница была на двадцать лет моложе его. Он бросил свою семью, предоставив жене и детям печалиться и убиваться по поводу его безвременного ухода в объятия молодой женщины. Этот поступок отца был болезненно воспринят Хосе Рамоном и отразился на его характере, сделав юношу излишне чувствительным.

В один прекрасный день резвящийся амур, пролетающий по владениям неумолимой Ла Маркетти, выпустил две стрелы. Одна из них поразила мое сердце, а другая — сердце шестнадцатилетнего обладателя белого «фольксвагена».

Скоро мой дружок стал любимцем в нашем доме. Он переходил с моих колен на колени бабушки Натики, а потом перекочевывал в материнские объятия Феи. Мои дамы обожали этого очаровательного разгильдяя. Он был прирожденным дамским угодником.

Уходя из моей комнаты, Хосе Рамон выключал свет и плотно закрывал за собой дверь, оставляя меня в ублаженном, но все еще девственном состоянии.

Наше общение в спальне всегда начиналось невинно: я ложилась на кровать и накрывалась простыней, а Хосе скромно присаживался на край постели. Через некоторое, весьма непродолжительное, время левая рука Хосе осторожно прокрадывалась под простыню и начинала медленно, очень

медленно обследовать мое тело… Сантиметр за сантиметром… Прикосновения были легкими, дразнящими. Мало-помалу под простыней вместе с левой рукой Хосе оказывалась его голова и большая часть туловища. А на помощь чутким пальцам приходил горячий трепетный язык. Он кропотливо изучал мое податливое тело. И вдруг раздавался голос Лалы, разбуженной собственным храпом:

— Хосе Рамон, ты еще здесь?

— Я уже ухожу, бабуля!

И бабушка Натика вновь засыпала, видя во сне свое любимое манговое дерево или горшочки с рассадой.

Хосе Рамон тихонько выскальзывал из моей комнаты, оставляя меня обессиленной и сочащейся среди измятых, но не запятнанных простыней. Мой нежно любимый мужчина тихонько, чтобы не потревожить сонное царство фей, выходил из дома и шел туда, где можно было продолжить более глубокие исследования в области женских прелестей. Таких мест в Гаване было более чем достаточно, но его излюбленным местом, его королевством был отель «Habana Libre». Здесь он попадал в сладкие объятия какой-нибудь ночной пташки и давал волю своему неудовлетворенному желанию.

В отношениях со мной мой нежный дружок сохранял некоторую дистанцию. Он каждый раз сводил меня с ума своими ласками, но при этом я все еще оставалась девственницей. Правда, ненадолго.

Хосе Рамон обладал удивительной способностью обзаводиться друзьями. С неменьшим успехом он создавал себе множество проблем. Однажды ему пришла в голову сумасбродная идея пострелять из кольта. Вероятно, потертых джинсов, замшевых сапог и белого «фольксвагена» ему показалось недостаточно, чтобы чувствовать себя настоящим мужчиной. Он пустил в ход весь свой пыл и напористость и сумел добыть кольт сорок пятого калибра. Правда, этим оружием ему дали попользоваться всего лишь на несколько дней, но их оказалось вполне достаточно, чтобы Хосе Рамон угодил в тюрьму предварительного заключения. Около десяти часов вечера у входа в полинезийский ресторан мой дружок достал кольт и, словно герой американского вестерна, несколько раз выстрелил прямо перед ногами у двух мужчин, которые посмели вслух восхищаться моими ногами и аппетитными округлостями мамы, пока он оплачивал счет за коктейли и жареного цыпленка. Он, конечно же, произвел сильное впечатление на присутствующих. Мы с мамой отправились выручать своего обожаемого хулигана. Тюрьма предварительного заключения, куда угодил Хосе Рамон,

находилась в китайском квартале старого города. Всю ночь мы провели там. Благодаря респектабельному виду мамы и ее партийному билету нам разрешили спать в патрульной машине перед мрачным зданием тюрьмы.

Мама устроилась на заднем сиденье, коротковатом для ее длинных ног. Но моя Фея не растерялась: она высунула ноги в окно, и утром жители китайского квартала имели шикарную возможность любоваться красивыми женскими ногами в старых туфлях эпохи нашей шпионской деятельности во Франции.

* * *

Прошло уже больше десяти лет с тех пор, как Фидель победно вошел в Гавану и в течение девяти часов объяснял кубинцам, каким образом следовало проводить реорганизацию действующей армии и армии мятежников, спустившихся с гор вместе с Фиделем. Когда он произносил свою речь, на плечи ему сели белые голубки. А на шее у победителя висел амулет, подаренный бабушкой Домингой.

Мне было шестнадцать лет. Меня пригласили на вечер, посвященный юбилею Министерства Вооруженных Сил и Министерства Внутренних Дел. Торжество проходило в зале рабочего кружка имени Патриса Лумумбы. Начались танцы, поэтому шум стоял невообразимый. Вдруг мой взгляд упал на высокого брюнета с горькой складкой у рта и мягкой кошачьей походкой.

Я всегда страдала и продолжаю страдать своеобразным эстетическим дальтонизмом. Я разделяю людей на красивых и некрасивых не по общепринятым меркам. Все дело решает мой третий глаз, или мой внутренний голос, называйте это, как хотите.

Я уставилась на Йойи, не в силах оторвать от него взгляд. Нас познакомили. Все шло прекрасно. В этот вечер я позволила Йойи отвезти меня домой на его раскапризничавшемся «шевроле». Эту машину мой будущий муж получил для того, чтобы иметь возможность более успешно выполнять возложенные на него задания. Кроме того, «шевроле» помогал ему вовремя являться на тренировки по карате.

Сидя в служебной машине, я чувствовала себя Золушкой, возвращающейся с бала. Мой сказочный принц был вдвое старше меня.

Он стал тайно посылать мне свои поэмы. Затем мы начали, тоже тайно, встречаться с ним в свободные дневные часы. Но нет

ничего тайного, что не стало бы на нашем острове явным. И вскоре все знали о нашей связи. В результате я распрощалась со своим дружком Хосе Рамоном, который со времен стрельбы в ресторане все еще находился под домашним арестом. А Йойи, женатый на чернокожей кубинке, лучшей певице острова, вынужден был собрать в чемоданы свою одежду, обувь, бумаги и сдаться на милость своих друзей, у которых он ночевал.

Друзья Йойи были его главным достоянием. Они очень нравились маме и бабушке. Все они были очаровательны, у всех у них водились деньги. Рестораны и кабаре в конце недели, дома на берегу моря, шале в горах, рыбалка, путешествия — все это было доступно друзьям Йойи. Они принадлежали волшебному миру кубинской военной элиты. Это был цвет общества в номенклатурной униформе.

Благодаря друзьям Йойи моя бабушка Натика вновь почувствовала себя счастливой женщиной. Они приносили в дом продукты, уже давно ставшие большой редкостью, и Лала воскрешала в своей памяти старые кулинарные рецепты. Она угощала нас лангустом под горьким шоколадным соусом и воздушным суфле.

Вкушая изысканные блюда, приготовленные по рецептам Лалы Натики, мы достигали наибольшей высоты гастрономического наслаждения.

Появление в нашем доме людей в военной форме устранило многие проблемы в повседневной жизни мамы. Теперь ей не нужно было думать про спущенное колесо или сбитое зажигание, про потекший радиатор или севший аккумулятор.

Было похоже на то, что Фортуна вновь повернулась к нам лицом.

Благодаря Пепе Арбантесу, только что назначенному министром внутренних дел, Франко Ле Гались-ену, начальнику полицейского управления, близнецам Патрисио и Тони де ла Гуардиа из войск специального назначения и их командиру Паскуалито все наши проблемы были решены.

Мы обедали с Патрисио и Тони в «Орленке», ресторане отеля «Ривьера».

— Что такое войска специального назначения?

— Это элитные войска, предназначенные для выполнения особых заданий в военной обстановке. Они принимают участие в операциях захвата.

— Захвата? Какого захвата? Разве Куба собирается на кого-то нападать? Разве наша страна не проводит миролюбивую политику? Разве мы не защищаем право каждого народа на самоопределение? Разве мы не выступаем за невмешательство

империалистических держав во внутренние дела других стран?

Я могла бы говорить лозунгами еще очень долго. У меня была возможность выучить наизусть многие из них. Вдруг я почувствовала удар локтем в бок. Это моя мама пыталась урезонить меня таким грубым способом. Увлекшись своей речью, я не заметила перемен, происшедших вокруг меня. После ощутимого маминого удара я обратила внимание на изменившийся цвет лица Йойи. Оно стало мертвенно-бледным. Затем я, почуяв какой-то подвох, перевела взгляд на близнецов. Они смотрели на меня так, как будто я только что упала с Марса. Нет, я была вовсе не марсианка. Просто иногда я любила покопаться в дерьме в целях исследования его состава.

После этого незабываемого похода в ресторан близнецы предпочитали не обсуждать при мне свои секретные дела.

Многие из друзей Йойи сопровождали Фиделя во время его поездки в Чили, где кубинский руководитель проводил широкомасштабную кампанию в поддержку чилийского президента Сальвадора Альенде. Эта кампания стоила Арбантесу нарушения сердечной деятельности. Это произошло после «пробежек», во время которых ему нельзя было отставать от «джипа» Команданте. «Пробежки» проходили в течение целого месяца и являлись частью операции «Сальвадор», которая едва не унесла жизни близнецов Патрисио и Тони.

После проведенной Фиделем кампании отношения с чилийским руководством стали развиваться очень интенсивно.

Тати, дочь Альенде, вышла замуж за офицера кубинской службы Госбезопасности. Это было предусмотрено специально разработанным планом. Правда, бедняга Луи упорно не хотел разводиться со своей кубинской женой, но, в конце концов, покорился, ведь государственные интересы для кубинского патриота превыше всего.

Кроме этого, была одержана еще одна немалая победа. Одного из близнецов, Тони, Сальвадор Альенде назначил главным координатором ГДП — Группы друзей президента, его личного эскорта. Это назначение произошло не без влияния некоего Эль Гуатона (Пузатого), чилийского агента, прошедшего подготовку на Кубе.

После месячного путешествия Фиделя в Чили, ежедневно освещаемого кубинской прессой, а также радио и телевидением, командировки в эту латиноамериканскую страну стали делом обычным для друзей Йойи.

Однажды к нам в гости пришли жены Тони и Патрисио. Оба близнеца находились в это время на территории дружественного Чили. Мы все сидели в саду за железным столом, дегустируя

очередной кулинарный шедевр Лалы Натики.

После пятнадцати лет гастрономического воздержания моя бабушка вновь имела возможность ощутить пальцами крепость чесночных головок и кружевную вязь петрушки, всласть поплакать от горя лукового, полюбоваться богатыми дарами моря. И, что немаловажно, она могла теперь не думать о продуктовых карточках. Лала Натика блаженствовала, наслаждаясь изысканностью блюда и нашими дифирамбами в адрес ее кулинарного искусства, как вдруг по радио и по телевизору зазвучал один и тот же голос, который сообщил нам, что танки чилийской армии окружили президентский дворец, где находился Сальвадор Альенде вместе со своими дочерями и Группой друзей президента. Далее было сказано, что Альенде готов отдать свою жизнь ради защиты демократии в стране. Эта новость до основания потрясла всех нас. Мы мысленно попрощались со всеми теми, кто был в это время в Чили в составе ГДП. Все мы — жены, подруги, друзья — пребывали в неутешном горе, когда вдруг живые и невредимые появились близнецы со своими спец-войсками, а также добрая половина ГДП под началом Марамбио Пузатого. Чилийцы прибыли на Кубу, чтобы укрыться от преследования нового режима.

Самым забавным было то, что у них нашлось время упаковать подарки и загрузить телевизоры и стиральные машины. А мы-то думали, что они отдали свои жизни, защищая президента Альенде.

Прошло не так уж много времени после этих событий, когда однажды утром в Гаване обнаружили труп Тати, дочери Сальвадора Альенде. Она застрелилась из пистолета своего мужа, офицера кубинской службы Госбезопасности. А через некоторое время покончила жизнь самоубийством сестра покойного чилийского президента. Она выбросилась с верхнего этажа отеля «Ривьера».

Фидель одержал философскую победу: «Революция не может победить без применения оружия».

Близнецы, Йойи и я отправились в Сороа, чтобы на свежем воздухе снять стресс. Мы остановились в одном из шале, принадлежавших войскам специального назначения. Домик был расположен среди холмов, поросших папоротником.

* * *

Моя идиллия неожиданно и как нельзя более некстати была нарушена планом по заготовке табака. Согласно этому плану,

учащимся подготовительных курсов предстояло провести в деревне два с половиной месяца, посвятив все это время сбору едкого растения.

А у меня, как на горе, ничего не болело. Мое лицо и шею не покрывали больше отвратительные волдыри, у меня не было свинки, не было аппендицита — ничего такого, что могло позволить мне остаться в городе. Несмотря на сильное желание проигнорировать это табачное мероприятие, я вынуждена была покориться и поехать в деревню вместе со всеми учащимися подготовительного отделения, имея при себе нехитрый скарб в виде ведра, шапки и чемодана. Вместе с нами поехала Ла Маркетти.

В одностороннем порядке я объявила личную забастовку под лозунгом: «Ни мытья в лагерном душе, ни лагерной еды.» Чтобы выжить в голодных условиях, я выменивала у крестьян рис и фасоль на кое-какие предметы из своего гардероба.

Вскоре мое тело покрылось толстым липким слоем отвратительной табачной пыли. Проснувшись однажды утром, я обнаружила, что мои веки и глаза настолько воспалены, что горят огнем.

— Отправляйся скорее на склад. Там сейчас состоится срочное собрание, — сказала Ла Маркетти, уставившись на меня своими лошадиными зубами.

И я отправилась на склад, в мышиную империю, благоухающую мышиными испражнениями. Особенно много внимания выпало на долю мешков с рисом и пакетов с гофио. Что касается сахара-сырца, хранившегося здесь, им мышки почему-то пренебрегали.

Я вошла в хранилище и обнаружила там пятерых своих подруг: Хильдиту, Эме Видаль, дочь одной из лучших кубинских телеведущих, и еще троих девушек, происхождение которых обрекало их на устойчивую ненависть со стороны нашей дорогой Ла Маркетти. Мы уже поняли, что нас собрали не для того, чтобы похвалить за безупречное поведение и поблагодарить за честный труд на благо Кубы. Нас вызвали, чтобы хорошенько пристыдить и призвать к порядку Проработка началась с вопросов санитарии и гигиены. Нас обвиняли в том, что мы отказываемся мыться Мы защищались, ссылаясь на то, что в лагере было всего лишь десять душевых кабин на пятьсот человек. Мыться в подобных условиях не имело смысла толкаясь в обществе пятидесяти человек, можно было только размазать грязь, но ни в коем случае не смыть ее.

— Это еще не все! Вы играете в бейсбол, а по ночам распеваете песни и вылавливаете друг у друга блох и вшей, которых мы, к сожалению, не смогли вывести в нашем лагере. Вы

устроили здесь настоящий кавардак!

Кончита Ариоса одобряла слова Ла Маркетти понимающей беззубой улыбкой. А ее подруга Луиса в знак согласия кивала головой. Одна из них была первым, а другая — вторым секретарем Союза Коммунистической Молодежи. С вопросов гигиены разговор плавно перешел в другое русло. Речь пошла о гомосексуализме.

У Ла Маркетти было очень твердое намерение сделать из нас «неприкасаемых». Нужно признать, что в какой-то мере ей это удалось: благодаря слухам, пущенным не без участия зубатой итальянки, некоторые из девушек расстались со своими парнями. Ла Маркетти смогла отравить им юность.

* * *

Когда я вернулась из деревни, Йойи уже жил в нашем доме. Было странно и непривычно видеть на своем умывальнике его крем для бритья и ощущать в своей спальне и постели запах мужчины.

Но еще более странным было то, что в наш дом его впустила бабушка. И это несмотря на ядовитые замечания Лалы Натики:

— Алина, как ты можешь спать с человеком, который проделывал это с негритянкой? Ведь это может дурно сказаться на твоем умственном развитии, малышка!

Правда, меня переселили в другую комнату. Но это нисколько не мешало мне подчиняться разбушевавшейся крови. Я с упоением занималась мастурбацией, но вскоре решила, что буду получать от этого еще больше удовольствия после того, как перестану быть девственницей. Наличие девственной плевы стало меня тяготить. Да и не только меня, а и моего возлюбленного. В последнее время Йойи сильно побледнел, у него появились круги под глазами. Нужно было спасать положение. И я взяла инициативу в свои руки. Однажды ночью я проникла в комнату к Йойи и пригласила его принять участие в преодолении препятствия, которое здорово портило жизнь нам обоим.

— Ну, давай… Прямо сейчас… Все уже заснули, — подбадривала я своего дружка. Правда, долго его уговаривать не пришлось.

Я была на седьмом небе от счастья. Теперь каждая ночь превращалась в буйство любви, отнюдь не платонической. Я откровенно наслаждалась мужской силой и нежностью, не думая ни о чем, живя только своими ощущениями. Но такая активная любовь вскоре дала свои первые плоды — я забеременела.

— Если родится ребенок, тебе придется все бросить. Неужели ты этого хочешь? Ведь твоя жизнь только начинается. Подумай хорошо, Апина, — сказала мне мама.

Я подумала. Меня отвезли в лучшую в Латинской Америке гинекологическую больницу. Но, наверное, во время аборта произошло что-то неприятное, потому что я вдруг стала просыпаться по ночам от собственного крика. А каждый день ровно в полдень я буквально скручивалась от боли. Было полное ощущение того, что чья-то рука проникла в мои внутренности и сжимает их изо всей силы. Я покрывалась холодным потом от жуткой боли и от ужаса. Это проходило в классе во время занятий. Казалось, что это изгнанная душа не могла и не хотела простить мне мою жестокость.

Но, несмотря ни на что, свадебные приготовления шли полным ходом. Мама эксгумировала из французских запасов полтора метра вышитой ткани. Затем она подыскала более или менее приличное платье из гардероба Натали. Из всего этого Хуана, как всегда проявив чудеса изобретательности, сшила мне свадебный наряд.

Мы назначили свадьбу на двадцать восьмое марта. Местом проведения этого радостного мероприятия мы выбрали пляж.

* * *

Но после обеда зазвонил телефон. Я подняла трубку и услышала:

— Я хочу поговорить с Алиной!

— Это она и есть…

— Да? Хорошо… Я Леивита, начальник охраны твоего отца. У меня просто голос пропадает от возмущения! Отвратительная девчонка! Да, именно! Бесстыжая, отвратительная девчонка, не уважающая своего отца, Команданте!

Я решила, что кто-то разыгрывает меня, и повесила трубку. Но Леива снова позвонил:

— Я хочу поговорить с твоей матерью! Немедленно позови ее!

Я позвала маму к телефону. После длинной тирады начальника охраны последовал мамин ответ:

— Может быть, я не очень хорошая революционерка. Может быть… Но это не дает вам права вести себя таким образом. Следите за собой и уважайте других, товарищ.

Потом он стал угрожать Йойи. И, наконец, приказал мне не уходить из дома до тех пор, пока Команданте не освободится и не пошлет за мной кого-нибудь из своих людей. Это императивное

предложение не очень воодушевило меня, и я ответила:

— Если ты думаешь, что я собираюсь сидеть здесь и ждать Команданте, как у моря погоды, то ты глубоко ошибаешься. Я выхожу замуж через четыре дня, ни днем позже. Надеюсь, ты хорошо расслышал? Или повторить еще раз? Единственное, что я могу пообещать, — не уезжать слишком далеко от дома.

Каждый раз, когда я выходила из дома, за мной по пятам следовал шпик из службы Госбезопасности. Его присутствие действовало на нервы мне и всем, кто был со мной. Мой жених и мои друзья уже подумывали о том, чтобы разбить физиономию этому надоедливому типу.

Мы ужинали в «Ла Бодегвита дель Медио», когда Леивита собственной персоной представил нам свой метр пятьдесят. Он довольно бесцеремонно затолкал меня в обвешанную антеннами «альфа ромео».

— «Желтый» вызывает «синего»! «Желтый» вызывает «синего»! — и он повез меня прямо к цели, которая, как я полагала, к этому времени позеленела от бешенства.

При виде пресыщенного выражения лиц охранников, которые открывали и закрывали двери в подземных переходах дворца Революции, я вдруг подумала, что своим поведением на трое суток нарушила пульс истории Кубы.

Меня отвели в прямоугольный кабинет, изобилующий тропическими растениями, и усадили за письменный стол, придвинутый к этажерке, на которой стояло несколько книг и пузырьки с семенами.

Было два часа ночи. Под воздействием обильного ужина и смертоносного углекислого газа, выделяемого всеми этими растениями, я засыпала. Вдруг в кабинет вошел Команданте. По всему было видно, что ему не по себе. Я осмотрела его с головы до ног и на секунду задержала свой взгляд на обуви. На нем были ботинки из мягкой блестящей кожи с тупыми носами. Раньше он не носил таких.

Я посмотрела ему в глаза, улыбнулась и первой пошла в атаку, поцеловав его. Он не сразу нарушил молчание. Я тоже решила подождать. Наконец он заговорил:

— Я позвал тебя сюда, чтобы поговорить о твоей свадьбе.

— Да… Я слушаю…

— Вы назначили ее на какое время?

— На двадцать восьмое марта. Кстати, мы не собираемся ее переносить на другой срок. Само собой разумеется, что ты тоже приглашен.

— Я не понимаю… Я никак не могу понять, почему ты не спросила моего разрешения. Это мне в голову никак не

укладывается. Может, ты объяснишь, в чем дело?

У меня возникло сильное желание потрепать ему нервы.

— Разрешение? Ты говоришь, разрешение? А каким образом я могла его у тебя спросить? Разве ты не знаешь, что у меня нет номера твоего телефона? Так как же мне следовало просить у тебя разрешения?

— Да, ты права, я признаю, что уделял тебе недостаточно внимания все это время. Но выходить замуж в шестнадцать лет!

— В семнадцать. Вот уже два месяца, как мне исполнилось семнадцать лет.

— Невелика разница. Семнадцать лет — это тоже слишком рано для свадьбы. И потом, ты мало знакома с этим человеком.

— Он живет в нашем доме уже много месяцев. И, между прочим, именно он решает все наши проблемы. Ты ведь знаешь, что в доме живут одни женщины, котором часто нужна помощь. В последнее время в саду, под окнами дома, мы то и дело обнаруживаем чьи-то следы. Вполне вероятно, что за нами с какой-то целью следят… Очень может быть, что собираются ограбить…

— Но эта особа не имеет с тобой ничего общего. Он был женат на певице!

— Только не говори, как моя бабушка, что эта женщина негритянка и что если я буду с ним…

— Перестань, пожалуйста, перебивать меня! Я предполагаю, что этот тип — оппортунист!

— Оппортунист! Надо же! Я должна думать о том, оппортунист он или нет, когда дом трещит по швам от проблем. Мы живем в нищете. Между прочим, он отыскал служанку, которая украла наш серебряный самовар, а еще он… А, да о чем тут разговаривать… Послушай, уже слишком поздно, и у меня нет ни малейшего желания рыться во всяком дерьме.

— Только без грубости, пожалуйста. Я ведь с тобой так не разговариваю.

— Извини.

— Я не знаю, известно ли тебе, что он сидел в тюрьме…

— За растрату. Он был заведующим магазином и дал несколько телевизоров своим друзьям… Это не слишком страшное преступление, мне кажется… К тому же со временем люди меняются.

— Нет. Люди не меняются. Могу привести тебе пример. Один человек хотел совершить покушение на меня. Это было десять лет назад. Я спас его от расстрела. Он получил самое мягкое наказание. Я много раз с ним беседовал. Сам лично занимался его семьей. Его отпустили. А через несколько месяцев он вновь

оказался в тюрьме.

— Почему? Неужели он опять покушался на тебя?

— Нет. Он пытался нелегально выехать из страны вместе со всей семьей.

То ли из-за того, что на меня очень сильно подействовал разреженный воздух, то ли по какой-то другой причине, но я была уже не в силах следить за его рассуждениями и приводимыми доводами. До меня долетали лишь отдельные куски его речи. Казалось, он говорит тезисами:

— Не могу понять, почему ты не попросила у меня разрешения…

— Ты мало с ним знакома…

— Он не подходит тебе…

Наконец, я услышала то, что слегка оживило меня:

— Я не осмеливаюсь спросить, было ли у тебя… Мне не хочется говорить об этом с тобой.

Он делал намек на состояние моей девственной плевы. После этого последовало серьезное обвинение в адрес Йойи:

— Он не только вор.

— А кто еще?

— Он насильник!

— Что?

— Да, ты не ослышалась. Он в самом деле насильник. Когда он проводил допросы в Вилла Маристра, он насиловал женщин-заключенных.

— Я очень опечалена тем, что Революция сделала офицером контрразведки вора, подозреваемого в изнасиловании женщин.

Похоже было на то, что все аргументы кончились.

— Если послезавтра ты выйдешь замуж за этого человека, можешь больше не рассчитывать на меня как на отца.

— Не вижу большой разницы.

— Если ты не выйдешь за него, я обещаю тебе, что ситуация изменится. Все, что я прошу, это немного подождать.

Мой предок победил на переговорах, пообещав позаботиться о свадебном столе, если, конечно, свадьба когда-нибудь состоится.

Потом он повел меня прогуляться по Малекону. Во время прогулки он заверял меня в том, что будет, как и положено отцу, принимать больше участия в моей жизни.

Наконец мы подошли к нашему дому. Когда я открыла дверь и они увидели рядом со мной Фиделя, мама, Йойи и бабушка в полном молчании поднялись со своих мест. Бедный Йойи, как положено офицеру, отдал честь высокому гостю. Правда, это как-то не очень вязалось с пижамой и шлепанцами моего жениха.

Бабушка Лала Натика демонстративно покинула гостиную. А мама проворковала: «Ты прекрасно выглядишь. У тебя все в порядке?»

Фидель позвонил от нас Лупе Велис, жене Нунеса Хименеса, того самого, который переписывал школьный учебник географии.

Уже зарождался новый день, когда я провела Фиделя до дверей.

— А вообще-то, он с виду не такой и плохой.

— Вот видишь! Да, кстати, я все собираюсь спросить. Откуда эти замечательные туфли?

— А, это итальянские. Сделаны на заказ. Это Селия заставила меня их купить.

* * *

Мы перенесли свадьбу на другой срок. Фидель постарался сдержать свое обещание стать образцово-показательным отцом.

* * *

В день приезда Брежнева в Гавану Команданте нанес нам визит. Он был в праздничной одежде. Мы рассыпались в любезностях и расхваливали его отличную выправку.

Потом он отправился в Восточную Европу, и так же, как после возвращения из Чили, ему устроили семейную встречу, во время которой он предпринял безуспешную попытку помирить меня и Фиделито.

Для сестер, невесток и племянниц он привез флаконы с шампунями и коробки шоколадных конфет. Мужчинам в подарок достались часы. На этот раз Фидель не забыл и про маму.

Соса, тот самый Соса, который приходил к нам в дом только с хорошими новостями, появился на этот раз с ослепительной улыбкой и русской шкатулкой, в которой лежали серьги, браслет, колье и брошь. Все эти украшения представляли собой не что иное, как набор русских стекляшек. Они были еще хуже, чем тошнотворные духи того же происхождения.

Прошло не больше месяца с нашей последней встречи, и Фидель отправил за мной машину, чтобы я могла вместе с ним посмотреть кино в одном из его домов в Лагито.

Он усадил меня перед экраном, накинув на плечи теплое пальто, потому что холод в зале был просто собачий. Мы смотрели документальный фильм, посвященный поездке Фиделя

в страны Восточной Европы. Если учесть, что я перестала ходить в кино, чтобы не видеть подобных зрелищ, то это приглашение было не слишком удачным.

После просмотра фильма Фидель стал говорить о своих впечатлениях от поездки. Он был очарован тем, как хорошо одевались люди в Европе.

— На Кубе так не одеваются, — сожалел он.

Разумеется, на Кубе одевались не так, как в Европе. Совсем не так. Ведь кубинцы носили одежду из джутовой ткани, раскрашенной вручную. Когда я намекнула Фиделю на два метра ткани и две катушки ниток, которые каждый житель острова получал раз в год, он предпочел сменить тему разговора.

* * *

Мы с Йойи поженились в августе, через пять месяцев после первоначально назначенной даты.

Фидель прислал к свадебному столу продукты и спиртные напитки: пирожные, салат из спагетти с ананасом под майонезом, десять бутылок рома «Havana Club» и бутылку виски для него. Все это на маленьких серебряных подносах подавали служащие Госбезопасности. В их обязанности входило также следить за составом гостей. Присутствие всех тех, кого я пригласила, включая Хильдиту и ее мужа, считалось нежелательным. Моя свадьба представляла собой политический акт, сопровождаемый тостами.

Фидель приехал вовремя и дал распоряжение начинать свадьбу. Он приятно провел время, в отличие от меня и моего несчастного мужа. Чтобы вынести всю эту неприятную ситуацию, он напился до такого состояния, в котором я его ни разу не видела. Медовый месяц, состоящий из трех дней и двух ночей, проведенных в «Habana Libre» с письменного разрешения, полученного во Дворце бракосочетаний, превратился в цепь сплошных разочарований. Перед тем как уйти, мой отец отвел меня в сторону и предупредил:

— Когда ты будешь разводиться, не ищи меня.

— Не беспокойся. У меня ведь все равно нет номера твоего телефона.

Мы с Йойи постарались выбросить из памяти испорченный медовый месяц. Для этого мы отправились в Варадеро, где провели целую неделю, нежась на солнце. Мы лежали на песке, разморенные и тоскующие, словно пара крокодилов, загнанная в тесную клетку.

Бабушка Натика вновь принялась за исполнение своей святой обязанности — защищать честь женщин ее дома. Эту обязанность она добровольно взяла на себя еще в те далекие времена, когда ее дочь вступила в скандальную связь с бородатым мятежником.

— Йойи, — обращалась Лала к моему мужу, — моя внучка слишком юная и слишком красивая для того, чтобы ты спал с этой толстой грязнулей. Ты слышишь, Йойи?

«Толстая грязнуля» отвечала за «замороженную зону» в Нуэво Ведадо. Она распределяла конфискованную мебель между руководящими работниками.

Я стала жить с Йойи в квартире, которую обставила эта толстая грязнуля. По ночам я не могла заснуть. Мне не хватало моей комнаты, моей ванной. Я тосковала по своей кровати и своей подушке. В два часа ночи я поднималась с постели, одевалась и отправлялась на ночную прогулку. Я бродила по двадцать шестой авеню, доходя до самого своего дома.

«Толстая грязнуля» не имела ни малейшего отношения к тем бесятам, которые незаметно проскользнули в мою душу в ту самую ночь, когда Фидель обвинил моего будущего мужа в воровстве и насилии. Эти дьяволята не переставали жить во мне, а, напротив, все больше укоренялись и даже стали расти, все больше и больше приводя в смущение мои мысли о супружестве с Йойи.

Я все еще находилась под сильным влиянием обожания и подобострастного страха, исходящего от всех тех, кто аплодировал Фиделю и кричал: «Вива! Вива!». Я все еще доверяла Фиделю.

В августе следующего года я уже развелась с Йойи. Мне было тогда восемнадцать лет. Вскоре после развода наш дом заполонили офицеры контрразведки и элитных войск. Было похоже на то, что они разработали план совместной военной операции, конечной целью которой была я. Если сказать об этом проще, все они хотели переспать со мной. Идя по дому, я то и дело натыкалась на кого-нибудь из «лучших друзей» моего мужа.

Бабушка Натика, несмотря на свои высокие моральные требования, почему-то открывала дверь всем этим типам. Наверное, ей не хотелось расставаться с той обстановкой, которая царила в нашем доме в последнее время. Натике нравилось принимать гостей, угощая их изысканными блюдами. К тому же она и сама любила вкусную еду. Моя бабушка была гурме. Разумеется, если бы все эти люди перестали бывать у нас, из дома исчезли бы и лангусты, и омары, и все остальное, что приводило в гастрономический трепет мою Лалу. По этой же причине она всегда передавала мне трубку, когда звонил кто-нибудь из жен

друзей Йойи. По-моему, бабушка Лала Натика готова была, наконец, принять новую жизнь и людей нового кубинского общества. На некоторых условиях, разумеется. Меня же все это никоим образом не устраивало, поэтому я старалась отдалиться от всех друзей и подруг Йойи.

* * *

На Кубе возобновилась работа по объединению школы с деревней. Если до этого учащаяся молодежь проводила по два с половиной месяца в сельской местности, на полях Родины, трудясь на благо нового общества, то теперь речь шла о другой форме трудового воспитания. Предполагалось, что студенты и школьники будут жить и работать в деревне. По всему острову были построены здания серого цвета, в которых в течение шести дней в неделю должны были жить учащиеся. Первая половина дня отводилась учебным занятиям, а после обеда школьники обязаны были работать в поле.

Esta es la Nueva Casa
Esta es
la Nueva Escuela
como cuna
de Nueva Raza.

Сильвио Родригес воспевал новый дом, в котором расположилась новая школа, колыбель новой расы. Впрочем, это не мешало ему быть великим поэтом острова Куба. Он просто выполнял задачу, поставленную перед ним правительством: убедить массы в правильности нового педагогического изобретения.

* * *

При выборе новой школьной формы учитывались в первую очередь ее удобство и современность. Так говорил Фидель. Было решено шить одежду для школьников из синтетических тканей. Конечно, в синтетике было жарко, но зато она почти не мялась, а значит, отпадала необходимость пользоваться утюгом. Таким образом, намного сокращалась вероятность ожогов, пожаров и других несчастных случаев, связанных с использованием электричества. А что касается обуви, то у кубинских школьников

ничего в этом плане не изменилось. Это были все те же пластмассовые туфли, произведенные на свет японскими машинами, которые Фидель закупил в 1967 году. Жители острова продолжали топтать родную землю в обуви образца 1967 года.

«Леонсио Прадо» представляла собой блочное здание и находилась в полутора часах езды от Гаваны. Первое время я даже радовалась, что смогу побыть вдали от своих домашних и гостей, которые меня порядком утомили. Но эта радость продлилась недолго, потому что условия существования не вызывали приятных эмоций. Общественные туалеты, теснота, доносы, воинствующий коммунизм, двойная мораль, воровство — все это присутствовало в «Леонсио Прадо». И все это было мне в высшей степени отвратительно.

На этот раз мы работали на ананасах. Саженцы этих растений покрыты шипами, и мы постоянно получали невероятно болезненные уколы. В конце концов тело покрывалось ранами. Наша синтетическая одежда быстро грязнилась и тело переставало дышать. Нам постоянно хотелось есть. Мы с нетерпением ждали урожая, чтобы набить себе пустые животы.

* * *

Все школы Кубы принимали участие в социалистическом соревновании. Для того чтобы добиться хороших показателей в учебе и оказаться среди победителей, учителя и директора шли на обман: накануне экзамена они просто-напросто писали на доске тему. Выпускникам это, конечно же, облегчало жизнь. Но ведь чтобы поступить в ВУЗ, нужны были знания. Впрочем, учащиеся подготовительных курсов пользовались привилегией при поступлении. Я все так же была увлечена медициной.

Однажды ко мне на занятия пришел Гондурас, самый настойчивый из всей этой армии лицемеров, которые после развода с Йойи хотели переспать со мной. Этот парень был индийцем. Его внешность не вызывала в этом никаких сомнений. Но родом он был из Гондураса. Мой страстный поклонник с детства был сиротой.

Мать отправила его на каникулы в Гавану к тете. Вернувшись домой, двенадцатилетний мальчик не нашел никого из своих родных. Дом был пуст. Ему ничего не оставалось, как поехать назад к тете. Но его гаванская родственница, заслышав первые шаги Революции, первым же самолетом улетела с острова, не поставив в известность никого из своих родных.

Можно себе представить, каково было ему,

двенадцатилетнему подростку, одному в Гаване, окруженному возбужденной толпой, кричащей: «Вива! Вива Фидель!» и «К расстрелу! К расстрелу!» Все эти события подействовали на него, как ледяной душ.

Его взяла под свое крыло армия и решила за него все его проблемы. Но на пороге юности он оказался в полнейшем одиночестве. У него не было близких людей, не было и своего жилья.

— И тогда я открыл для себя новый способ существования. Я стал приходить в дома, где кто-то умер, выдавая себя за друга или просто хорошего знакомого покойного. Таким образом я находил себе ночлег… Да и хоть какое-то человеческое общение. Ведь в доме, куда пришла смерть, всегда найдется хоть одна страждущая душа, нуждающаяся в сочувствии и готовая посочувствовать…

У него была буйная фантазия и звание младшего лейтенанта. Он служил в войсках специального назначения. Мы оба были молоды и жизнерадостны. Нам было хорошо и весело вдвоем. Мы стали встречаться втайне от всех. Это длилось до тех пор, пока бравый Абрантес не узнал о наших тайных свиданиях и не отправил Гондураса в Японию зарабатывать четвертый квалификационный разряд по каратэ. Он писал мне великолепные письма, наполняя мою жизнь орфографическими, синтаксическими, пунктуационными и другими ошибками, которые его совершенно не смущали и не огорчали. Он писал о своей любви, о своем желании так весело, так просто и так откровенно, что я до сих пор немного упрекаю себя в том, что не пожила с ним больше.

Когда Фидель прислал за мной, чтобы сообщить о том, что простил мне мой развод, я готова была предоставить ему возможность предсказать вероятность моего второго развода. Мне и в самом деле хотелось рассказать ему о Гондурасе. Но отец не оставил мне времени на сердечные разговоры.

Я сидела и слушала его рассказ о гидрофитах, которые должны были сыграть очень важную роль в новом пятилетием плане. Фидель считал, что в сельском хозяйстве нужно больше использовать селитру. Особенно в этом удобрении, по его мнению, нуждались виноград, клубника и рис. Фидель с энтузиазмом рассказывал мне о переменах, которые скоро начнутся в сельском хозяйстве Кубы, как вдруг с моим зрением стало происходить что-то странное. Я вдруг увидела, как кожа моего отца стала растворяться в воздухе… Вот она совсем исчезла, и показались сухожилия и обнаженные нервы. От них исходила зловещая аура. А на лбу раскрылся огромный

окровавленный третий глаз.

Я отогнала это ужасное видение, но ночью обнаружила внутри своего организма большие перемены. Во-первых, я поняла, что задержка менструации не случайна, а во-вторых, весь мой кишечник будто парализовало.

Несмотря на пламенную любовь Гондураса, долетающую до меня в его прекрасных письмах, я чувствовала себя все хуже и хуже и, в конце концов, стала испытывать ненависть к своему телу, которое мне больше не подчинялось и при этом строило предательские гримасы. Я решила наказать его за такое ренегатское поведение и с этой целью лишила его питания. Это было нешуточное наказание: когда я отмечала окончание курсов, поступление на медицинский факультет и долгожданное возвращение моего эпистолярного жениха, я весила всего лишь сорок килограммов.

Самолет, на котором прилетел Гондурас, должен был совершить посадку в аэропорту Хосе Марти. Я поехала туда встретить своего жениха, предварительно искусственно по мере возможности увеличив свой объем. Я натянула четыре пары чулок, надела брюки; бюстгальтер я наполнила тряпками. На мой взгляд, я стала выглядеть гораздо полнее. Но Гондурас прошел мимо меня. Он искал глазами свою любимую Алину и не узнавал ее в этой цапле, которая улыбалась ему болезненной гримасой ходячего мертвеца.

Он стал выхаживать меня. Он клал мне в рот крохотные порции наполовину пережеванной пищи. Он обращался со мной, как с больной птицей.

Анорексия, т. е. потеря аппетита — это болезнь, с которой на Кубе незнакомы. Но мне «посчастливилось» с ней познакомиться, и очень близко.

Гондурас открыл то, чего не могли понять многие психиатры: болезнь, возникшую от недостатка любви, можно излечить только любовью, вниманием и заботой.

Мама искала медицинские советы в старых «New York Times», которые оседали в ее стенном шкафу, переделанном в кабинет Минвнешторга. Она читала «Открытые письма врачу» и ответы на них. Однажды после обеда она пришла ко мне на террасу, держа в руках газету. Я в это время лежала в гамаке. Когда мама стала читать вслух газету, я приподняла голову, чтобы лучше слышать ее:

«Мадам, если у вашей дочери наблюдается тенденция потери аппетита и, как следствие, сильное похудение, значит, она страдает нервной анорексией. Чаще всего причиной этого заболевания является особый тип отношений с матерью,

сложившийся в детстве».

— Мама, ты не виновата. С этим можно жить. От этого не умирают. Не переживай.

— Может быть, ты и права. А почему все время, когда ты слушала меня, у тебя голова была поднята, как у курицы? Ты всегда так держишь голову? Никогда не опираешься на что-нибудь?

— Не знаю… Я от этого не устаю.

Но это почему-то очень насторожило маму, и она с озабоченным видом ушла в дом. Через некоторое время она вернулась с книгой по психиатрии:

«Если человек долго держит голову прямо, не испытывая при этом усталости, перед нами больной, страдающий так называемой „психологической свинкой“, характерной Для некоторых видов паранойи».

Я молча слушала маму и ждала ее выводов. Вывод был такой:

— Во всяком случае, Алина, если ты хочешь, чтобы Гондурас продолжал жить в нашем доме, ты должна выйти за него замуж. Я не потерплю в своем доме сожительства.

И она ушла. После ее заявления моя голова надолго поникла. Но за этой историей с сожительством крылось совсем другое. Незадолго до этого члены Комитета Защиты Революции (КЗР) пришли к нам и попросили показать им документ, в который были вписаны все жильцы дома. Затем они потребовали трудовую книжку и карточку «того товарища, который живет в этом доме, товарищ». Речь шла о карточках, выдаваемых кубинцам Лабораторией контроля за снабжением и отделом Министерства внутренней торговли, который регулирует и контролирует распределение нормированных продуктов. Визит членов КЗР закончился небольшим напоминанием о правилах поведения на острове Куба: «Вы же знаете, что нельзя, чтобы в доме жил новый человек, если об этом не поставлен в известность КЗР».

Гондурас покорил Натику с гораздо большей легкостью, чем Йойи. Разумеется, важную роль в этом сыграло отсутствие негритянки в его ближайшем окружении. Но не меньшее значение имели продукты, поставляемые Гондурасом в наш дом в огромном количестве, а также глыбы миндального льда. Все это мой любимый приносил из офицерских столовых войск специального назначения.

Самым забавным было то, что он привел вслед за собой тех же самых людей, которые приходили к нам в дом вместе с Йойи. Это были близнецы, которые покровительствовали его карьере. Он стал третьим сыном для родителей Тони и Патрисио, милых стариков, которых звали Мими и Попин.

Фиделю так понравился мой новый необъявленный муж, что он пригласил нас встретить Новый год у Абрантеса.

После этого удачного вечера Абрантес сделал Гондураса своим помощником и личным водителем.

Я поступила на медицинский факультет. Все шло прекрасно, как вдруг началась война в Анголе, которая погрузила остров в истерическую воинственную горячку.

Первыми опустевшими кварталами в Гаване были черные кварталы. Они не изменились за годы Революции: Ла Дионисиа, Эль Пало Кагао (Палка, измазанная дерьмом), Йега э Пон (Приди и поставь). Первые батальоны, которые Куба отправила в Анголу, состояли из черных. От этого сильно и нехорошо попахивало презрением.

То, что происходило в стране, не просто озадачило меня, но ввергло в пучину сомнений. Я упорно хотела услышать связное и доходчивое объяснение относительно резкой перемены политики острова. Почему миролюбивая Куба, всегда ратующая за самоопределение народов и принцип невмешательства, вдруг превратилась в империалистическое государство? Почему она отправляет свои войска в чужую страну? О каком невмешательстве можно было вести речь после этого святотатства?

Но к кому я могла обратиться с этим вопросом? Я слишком хорошо запомнила реакцию Йойи и близнецов на мой вопрос о войсках специального назначения. Мне не хотелось, чтобы на меня опять смотрели, как на инопланетянку. В конце концов я решила, что есть единственное место на Кубе, где я могу услышать ответ на свой вопрос.

И я отправилась во дворец Фиделя. Я обосновалась в приемной, твердо решив для себя, что именно сегодня и именно здесь я получу ответ на свой нелегкий вопрос. Мне не пришлось долго ждать. Войдя в кабинет Фиделя, я увидела, что он стоит перед картой, утыканной иголками.

Он разворачивал свои войска. Наконец-то для него нашлась настоящая война! Ему наскучили эти второстепенные стычки в Сирии, Алжире, Намибии, Афганистане и Латинской Америке. Он как раз освобождался от сильного покровительства русских, приобретая все большую самостоятельность.

Фидель стоял перед картой, весь в пылу предстоящих сражений. Он даже не услышал моего вопроса. Я спросила у него, почему он лишил Кубу армии и оружия, зная, что наша страна находится под постоянной угрозой вторжения янки.

Я вышла из дворца с горьким убеждением, что меня Долгое время дурачили. И еще я подумала, что ввязав Кубу в войну в

Анголе, Фидель тем самым оказал неоценимую услугу янки, находящимся всего лишь в девяноста милях от нашего острова. Имея под боком воинственного Фиделя, американская армия жующих жвачку блондинов, пребывающая в безделии со времен войны Вьетнама и Кореи, не осталась бы теперь без куска хлеба.

* * *

Мои друзья, оставшиеся в живых после чилийских событий, отправились в Анголу вслед за батальонами черных. Для того и были предназначены десантные войска. Целая армия кубинских солдат оказалась на черном континенте.

А я продолжала утверждать, что нельзя защищать коммунизм, вступая в противоречие с коммунистическими принципами. Это было просто нелогично.

Я ополчилась на Гондураса:

— Ты ведь не поедешь туда? Ведь не поедешь, Гондурас? Ты же не захочешь убивать людей? Ты должен отказаться от этой войны! Ты же знаешь, что такое быть сиротой! Разве тебе хочется осиротить других детей?

— Да ты с ума сошла, моя старушка! Ты хочешь, чтобы меня считали трусом и пальцем на меня показывали? Как я могу отказаться? Ты просто сама не знаешь, что говоришь… И потом, дело нашей Революции…

— Только уж хотя бы ты не говорил мне, что отправляешься в Анголу защищать Революцию! Насколько мне известно, Революция — не в Анголе, а здесь, на Кубе! Вот и защищай ее в своей стране!

Мои последние иллюзии рассеялись, и я, наконец-то, раскрыла глаза.

В последнее время моя жизнь превратилась в цепь меняющихся, как в калейдоскопе, развлечений — рыбалка, отдых на берегу моря или в горах в швейцарском домике, ужин в ресторане, праздничный обед с друзьями, развлекательные поездки… А кроме того, тряпки, побрякушки… Все это было, конечно же, весьма приятно, но я не желала идти на сделку с совестью и торговать своими принципами.

— Почему вы называете себя солдатами? Какие же вы солдаты? Вы — наемники! Самые обыкновенные наемники!

Мой любимый в задумчивости поскреб себе затылок и через некоторое время ответил на мое обвинение:

— Мне, конечно, не стоило бы тебе этого говорить… Но я очень хорошо тебя понимаю. Алина, вся проблема состоит в том,

что для такой мелкой сошки, как я, очень опасно думать. Думают те, кому это можно. А я уже давно просто никто.

Он меня многому научил, мой многострадальный индиец. Когда под неодолимым напором ежедневной серости вдруг отступало романтическое настроение и чувства теряли свою свежесть, он говорил мне: «Никогда не бросай меня. Любовь понемногу образует свои собственные потребности».

Я ответила своему мудрому индийцу:

— Не волнуйся. Может быть, я когда-нибудь научусь жить с двумя правдами.

Несмотря на то что многие из воевавших в Анголе внешне совсем не похожи на наемников, они тем не менее ими были. Этих кубинских солдат нанял Агостиньо Нето. Он оплатил все, вплоть до стоянки в портах кубинских кораблей.

После этой страницы в истории Кубы к нам стали относиться презрительнее. Было впечатление, что остров несколько излишне обнажился перед миром. Ангольские события принесли во многие семьи Кубы печальные известия. Остров был в скорби.

* * *

Абрантес, находящийся в то время на посту министра внутренних дел, был направлен в Анголу с проверкой боевого состояния войск. У меня было предчувствие, что если Гондурас поедет вместе с Абрантесом, то он вряд ли вернется назад вместе с ним. Было логично предположить, что на Гондураса обрушится мощный шквал вопросов со стороны друзей и товарищей по оружию. Ведь в плане сплетен и злобы казармы ни в чем не уступают борделям.

Поскольку мои яичники отказались нормально работать, желудок и кишечник тоже бастовали, а другие внутренности под руководством мятежной нервной системы тоже вели себя неподобающим образом, мой муж опасался оставлять меня одну. К тому же он боялся, что его больная птица умрет от истощения, оставшись без его забот и без полупережеванной пищи, которую он заботливо вкладывал ей в клюв. Поэтому Гондурас убедил Абрантеса в том, чтобы тот устроил меня в одну из лучших клиник Гаваны для того, чтобы я смогла подлечиться. Предполагалось, что я пробуду там до их возвращения из Анголы.

Так я оказалась в клинике, которая называлась Хирургическое отделение министерства внутренних дел. Здесь лечились члены политбюро и их семьи.

Через три недели Абрантес вернулся из своего турне. Он

приехал ко мне в госпиталь прямо из аэропорта, чтобы сообщить неприятную новость. Гондурас вынужден был остаться в Анголе, потому что поползли нехорошие слухи о нем. Его товарищи говорили между собой, что Гондурас бросает их, что здесь все рискуют своими жизнями, а он отсиживается дома, потому что женат на дочери Команданте.

— Выходит, он расплачивается за мои грехи.

— Тебе будут регулярно передавать его жалованье и письма от него. Он дал письменное согласие в том, что ты имеешь право получать его деньги. И еще. Он попросил, чтобы я заботился о тебе…

В тот же вечер я вернулась из клиники домой.

* * *

Письма из Анголы очень тревожили меня:

«Теперь я в разведывательном взводе представь вчера я пробыл более шести часов под обстрелом, но стреляли наши, а не противник так бывает когда идешь в разведку, но со мной ничего страшного не случилось, а потом мы пошли осмотреть хижину недалеко от нас там какой-то зверек упал в котел здесь едят такие штуки с гнилой малангой я не знаю как это у них называется, а этот зверек похож на большую ящерицу разноцветный с вывернутыми ногами и он высовывает свой дьявольский язык и это самое уродливое животное которое мне пришлось увидеть в своей жизни Когда заняли хижину или правильней землянку дом вырытый в земле без окон с соломенной крышей люди были уже отравлены.

Произошла неприятность с Педрито из третьей роты он набросился на еще живую анголезку не знаю почему есть люди которые звереют от стрельбы наверное это война виновата во всем Я всегда думаю о тебе и в углу который мне отвели я повесил твою фотографию там мы с тобой вдвоем это на свадьбе дочери Нуньеса Хименеса с Эль Гуатона ты знаешь что я остался здесь не по своей воле, а потому что как ты говорила наши войска не лучше борделя все стали говорить что я превратился в труса из-за тебя или что-то типа этого короче всякую гадость мне Пепе все передал, а ты как всегда оказалась права война это сплошное дерьмо и было бы хорошо если бы она вообще никогда не начиналась, но я надеюсь что скоро вернусь к своему цыпленочку все это не должно нас разъединить напротив…»

Я жила в постоянном страхе ожидания. В любой момент я могла получить извещение о его гибели. Я устала от этого страха.

Эта маленькая война унесла более двадцати тысяч жизней из ста пятидесятитысячной армии Кубы. Эта война разъединила и разбила почти все семейные пары острова. Партия объявила охоту на неверных жен. На собраниях партийных ячеек наиболее сознательные товарищи мучили мужей-рогоносцев, заявляя:

— Товарищ, ты должен выбрать между Коммунистической партией Кубы и женой, изменившей тебе!

Те, кто делал выбор в пользу изменивших жен, с пониманием отнесясь к их легкомысленному поведению, лишались партийного билета.

* * *

Жозефина занимается мастурбацией. Ее мать относится к этому с пониманием и говорит, что это вполне нормальное явление. Но поскольку отец относится к этому по-другому и бьет свою дочь, решено пойти на прием к врачу-психиатру. Психиатр говорит, что поведение Жозефины соответствует ее возрасту.

П/Н: Поведение Жозефины нормальное.

П/Н: Отношение матери к поведению дочери правильное.

П/Н: Отношение отца к поведению дочери правильное.

П/Н: Ответ психиатра верный.

Нужно было выбирать один из двух вариантов ответа — П/Н — правильно или неправильно. Всего было семьдесят вопросов такого типа во время первого экзамена, который успешно сдали пятьсот студентов медицинского факультета. Это был экзамен по психологии. Курс, который мы прошли, назывался «Человек и его окружение». Кроме психологии, мы изучали марксизм, анатомию и биохимию. Генетику мы проскочили, потому что все преподаватели в это время исполняли «интернациональный долг».

Техника, который охранял трупы для занятий по курсу анатомии, звали Боливар. Во время работы он никогда не надевал перчаток, от этого у него под ногтями появились грибы.

Эти мирные мертвецы, о которых никто не заявил, покоились в чанах, наполненных раствором формалина. Они напоминали мне заспиртованных инкубусов из моего детства и так же, как инкубусы, были безмолвны — никому и ни на что не жаловались, ничего не просили. Я никогда не видела, чтобы к живым относились с таким уважением и почтением, с каким Боливар относился к мертвым.

Для поступления на медицинский факультет кроме отличной характеристики необходимо было сдать зачет по

политподготовке, который принимала комиссия, состоящая из членов Коммунистического Союза Молодежи факультета.

— Что ты думаешь о ФКП?

— А о странах СЭВ?

— А о так называемом бразильском чуде?

— Объясни, кем был Бен Белла и какую роль он сыграл в политике.

Экзамены были очень сложными. Они проходили в форме тестов. Нужно было ответить на семьдесят заданных вопросов, выбирая один из четырех предложенных ответов.

В конце экзаменов на стене вывешивался большой лист бумаги с правильными ответами. Таким образом мы могли сверить свои ответы с правильными.

На факультете не нашлось ни одного гения, который ответил бы верно более чем на десять вопросов. А значит, всех студентов ждала пересдача экзамена. Но где была гарантия, что новая попытка окажется более удачной? И тогда кто-то из нашей группы предложил подкупить за пятьсот песо человека, который печатал материалы экзаменов. Вскоре мы имели копию тестов. Теперь не нужно было убиваться, изучая науку с помощью кофе.

Мы считали себя самыми гениальными студентами медицинского факультета.

Каково же было наше удивление, когда в начале третьего курса мы обнаружили, что вместе с нами в новом учебном году будут учиться и все остальные студенты. Все пятьсот человек успешно сдали экзамены, дав возможность неплохо заработать мерзавцу, который печатал материалы экзаменов и выгодно продавал их.

К счастью, медицина постигается не посредством тестов, а посредством любви к больным и готовностью сострадать.

* * *

Причиной моего знакомства с танцором явилась, как ни странно, война в Анголе. Я до сих пор не знаю, что тогда делал Панчи в службе охраны детской больницы Гаваны. Что касается меня, я пришла обследовать дочь моего мужа-наемника, одинокое и грустное дитя. Были ли мы знакомы с одним и тем же врачом? Не знаю. Вернее, не помню. Да и какое это имеет значение? В конце концов, любовь — это единственный ориентир во времени.

Его голову покрывал светлый детский пушок. Нос у Панчи был картошкой, а на коже виднелись следы от юношеских угрей… А его ноги… Они напоминали дорические колонны. Когда он

шел, то казалось, что движется храм, а не человек.

Это была взаимная любовь с первого взгляда. Мы разобрались с болезнью малышки и доставили девочку домой, снабдив полученными у врача рецептами. А потом мы с Панчи сели на краю тротуара и стали разговаривать.

В 1962 году мать Панчи совершила набег на Национальную школу искусства, желая видеть свою старшую дочь балериной, а двух сыновей — музыкантами. Мать и двое мальчиков сидели в ожидании вынесения приговора, как вдруг перед ними материализовалась Лаура Алонсо, дочь легендарной балерины Национального балета Кубы Алисии Алонсо.

— Мальчики! Поднимитесь оба и покажите мне ваши подъемы! Боже правый, они прекрасны!

Последние слова, сказанные Лаурой Алонсо, были далеки от истины. Но сегрегационная и махистская Куба шестидесятых годов отправляла в трудовые лагеря исправительного типа всех тех, кто танцевал или играл. Танцоры и музыканты трудились во благо Родины и Революции на полях страны вместе с последними священниками, а также с моими волосатыми ровесниками, учениками средних школ. И пока танцоры совершенствовали свой моральный облик и способствовали укреплению экономики страны, в области искусства, выражаясь фигурально, мужчины блистали своим отсутствием.

Лаура убедила опечаленную мать, что танец сможет дать ее сыновьям в жизни гораздо больше, чем музыка.

— Мадам, на Кубе вы на каждом углу можете встретить танцора румбы. Их здесь тысячи. Но чтобы танцевать в балете, нужно быть почти совершенством.

Мать не согласилась со словами Лауры, но мальчиков все же оставила.

* * *

Я рассказала Панчи, что меня заставили бросить балет, потому что приговорили к химии. И это несмотря на то, что я никогда не понимала, что такое электрон. Мои не очень теплые взаимоотношения с химией не убавили у моей мамы решимости сделать из меня специалиста в этой области, напротив, они заставили ее проявить активность и даже пустить в ход свои связи. Таким образом я стала ученицей знаменитого Ледона, ультрахими-ческого гения Национального научно-исследовательского центра, а также всей страны. Предполагалось, что это величайшее светило будет освещать мне дорогу в

потемках химии три раза в неделю. Затеяв все это, мама пошла на огромную жертву. Ведь теперь ей нужно было три раза в неделю отрывать себя от неотложных дел и везти меня к великому ученому. Как только я переступила порог дома Ле-дона, он дал мне бумагу и карандаш и попросил нарисовать для него несколько пейзажей. Он собирался украсить ими стены своего дома. Затем величайший авторитет в области химии предложил мне объяснить действие законов физики в pirouette fouettee. Я сделала это столь своеобразно и неповторимо, что мы с Ледоном условились унести в могилу мое оригинальное видение законов физики…

Меньше чем через месяц после нашего знакомства мы с Панчи танцевали pas de deux в одном из номеров гостиницы «Капри», который нам удалось снять благодаря жене Абрантеса. Это был ее подарок к дню моего рождения. Я очень хорошо помню тот день и восхитительную, но немного печальную атмосферу, в которой мы с огромной любовью и безграничной нежностью зачали будущего тролля.

Мой муж-легионер вернулся на Кубу ровно через неделю после выздоровления дочери и ровно за три недели до нашего «балета» с Панчи.

Гондурас опечалился моим уходом, но вскоре он смог утешиться, руководствуясь своим излюбленным принципом: всегда найдется кто-нибудь, готовый посочувствовать и пожалеть. Мои лучшие подруги взяли на себя задачу утешить моего бывшего мужа.

Все бы на этом и закончилось, если бы Гондурасу не захотелось воспользоваться симпатией, которую он внушал Фиделю, чтобы поплакаться ему в жилетку, представ эдаким несчастным свергнутым со своего законного трона супругом.

Леивита, этот крикливый гном, подобно многим своим предшественникам на должности начальника охраны, проходил в это время интенсивный курс лечения в психиатрической клинике. Его обязанности теперь исполнял какой-то другой человек. С ним я еще не успела познакомиться, но вскоре после встречи моего бывшего мужа *с* Фиделем я услышала по телефону обиженный голос нового начальника охраны. Он просил меня не уходить из дома до тех пор, пока Команданте не пришлет за мной машину.

Я приехала во дворец в новенькой машине.

— Я не могу поверить, что ты бросила героя Анголы! И ради кого? Ради какого-то танцора!

— Я его йе бросала, Фидель! Это он уехал от меня на войну еще два года назад.

— Танцор! Если он танцор, то уж, конечно, педераст! Не

сомневайся в этом! А как же теперь твоя учеба? Ты об этом подумала? Я превратил Кубу в медицинскую державу!

Мне легче было повеситься, чем признаться ему, что я беременна. Разве можно было говорить о любви с Фиделем, этим вечным холостяком? Как, впрочем, и с мамой, вечной возлюбленной. Когда она узнала счастливую новость, она тут же выставила меня за дверь.

— Если ты хочешь родить ребенка от этого голодранца, делай это там, где его нашла.

От места, где жил этот голодранец, до медицинского факультета нужно было добираться добрых три часа в автобусе.

В ветхой однокомнатной квартире с кухней кроме Панчи жила его сестра с мужем и дочерью. В первый же день приезда в жилище своего возлюбленного я принялась с помощью лезвий отскребать в туалете дореволюционную грязь. Наведя относительный порядок в туалете, где вместо унитаза была дырка, я попыталась узнать, что нужно сделать, чтобы установить сантехническое оборудование. Оказывается, для этого нужно было стать в очередь и, набравшись терпения, ждать несколько лет. В случае везения через пять лет вам заменяли отслуживший свой срок унитаз. Установки же сливного бачка приходилось ждать еще дольше, поскольку бачки разбивались намного быстрее, чем остальное саноборудо-вание. Все эти подробности привели меня в полное уныние. Я поняла, что прежде чем в квартире Панчи появится унитаз, много воды утечет. И тогда я впервые поссорилась с мамой.

— Я буду рожать здесь, в этом доме, потому что, если бы не я, ты бы в этом доме не жила. Ты вообще бы жила под крышкой пианино. Ты все свое добро отдала Фиделю, а он тебя за это отблагодарил? Наоборот… А если бы танцор-голодранец жил в какой-нибудь другой стране, никто бы так его не грабил, как это делает наше государство. Мы единственная страна, где государство забирает у человека все заработанные деньги, даже не показав их, и заставляет вместо унитаза пользоваться дыркой в полу!

— Но государство все дает тебе бесплатно!

Спорить с мамой на политические темы было бесполезным занятием.

Мы с Панчи поженились, чтобы не терять привилегии, предоставляемой государством молодоженам. Такой привилегией являлась возможность приобрести кое-какие вещи во Дворце бракосочетаний. Мы купили два столовых прибора, простыню, спортивный костюм, кальсоны, покрывало. Некоторым везло больше, и они приобретали, кроме всего перечисленного, еще и

туфли.

* * *

Когда пришло время проходить медицинскую практику, мой живот приобрел солидные размеры. Так что в стационарный университетский центр имени Мануэля Файярдо я пришла не одна, а в компании с будущим троллем.

Профессор Вагнер встретил практикантов следующей речью:

— Выполнение интернационального долга на территории Анголы является в настоящее время первостепенной задачей, поставленной нашим правительством перед кубинским народом. Поэтому в наших больницах сейчас недостает медицинских материалов и инструментов. Ведь они еще более необходимы нашей армии там, в Анголе. Но мы не должны опускать руки в этих непростых условиях. Необходимо искать и находить выход в самых сложных ситуациях.

Врачи и медсестры нашей клиники с пониманием относятся к трудностям, вызванным объективными причинами, они вносят свой посильный вклад в изменение ситуации в лучшую сторону. Например, медсестры нашего центра изобрели заменитель мочесборника.

И он показал нам невероятно сложную и малоэффективную конструкцию, состоящую из лейкопластыря, резиновых перчаток и банки из-под майонеза. Одного взгляда на больного, которому «посчастливилось» пользоваться мочесборником кустарного производства, было достаточно, чтобы понять, какие дополнительные страдания причиняет этот аппарат и без того страдающим людям.

— Каждому из вас будет доверен один пациент.

Он говорил, будто вслух читал подготовленный текст.

В больнице иерархия была поставлена с ног на голову. Самой главной личностью здесь была кладовщица. Она распоряжалась всеми больничными запасами. После нее по важности шли медсестры, которые были в курсе всех событий. За медсестрами следовали врачи, за врачами — мы, студенты, и, наконец, в самом низу иерархической лестницы находились больные.

На этой неделе у нас начинались дидактические занятия. Профессор Вагнер рассказывал нам о паховых мышцах и семенных каналах со слабыми стенками, когда в зал вошел тщедушный старичок. Он шел, широко расставляя ноги, осторожно проталкивая вперед мошонку гигантского размера. Этому пациенту сказали, что его лечение и выздоровление

напрямую зависят от этого эксгибиционистского акта.

Старик сглотнул слюну, спустил штаны и осторожно, словно спящего младенца, взял в руки и положил на стол свою огромную мошонку, поросшую серой шерстью. Он смотрел на нее каким-то отстраненным взглядом, словно она не являлась частью его тела, а принадлежала кому-то другому.

— Это случай паховой грыжи. Вы можете подойти поближе и пощупать, — бросил нам Вагнер.

* * *

Не прошло и трех недель с начала практических занятий, как Кончита и Луиса, наша знаменитая парочка активных деятельниц Коммунистического Союза Молодежи, получили телеграммы одинакового содержания: они должны были остаться на второй год из-за пропусков занятий по физкультуре.

Через три дня такую же телеграмму получила и я.

Как больной старик выкладывал на стол свою огромную мошонку, так и я выложила на стол декана факультета свой раздутый живот, предварительно освободив его от одежды.

— Как вы думаете, это свинка?

— Нет, конечно, — ответила декан.

— Почему вы хотите, чтобы я стала первой беременной на факультете, занимающейся гимнастикой?

— Дело в том, что две студентки обвиняют тебя в том, что ты запугала преподавателей физвоспитания.

— Как? Я одна затерроризировала всех преподавателей? Каким образом?

— Ты показала им фотографии, на которых ты вместе с Фиделем.

Кончита и ее подпевала стали моим вечным кошмаром. Как только я поступила на подготовительные курсы, эти общественные деятельницы сразу же стали портить мне жизнь. Я очень хорошо помнила, как они с Ла Маркетти, пристроившись, словно куры на насесте, на мешках с сахаром, обвиняли меня и моих подруг в лесбиянстве. И нужно же было им поступить именно на тот факультет, который выбрала я. А впрочем, хватало «доброжелателей» помимо Кончиты с Луисой. Я помню, как отец Алкимии, желая защитить свою дочь, подозреваемую в воровстве, заявил полиции, что я была ее соучастницей. Каждый раз, когда я оказывалась поблизости от самой незначительной проблемы, никакого отношения лично ко мне не имеющей, обязательно находился кто-нибудь из детей или их родителей, кто впутывал в

это дело меня. Люди почему-то думали, что если среди виновных окажусь я, то всех простят заодно со мной. Ведь я была дочерью Фиделя, а значит, мне было позволено больше, чем другим. Так считали многие люди.

Я сказала декану:

— Единственные фотографии, где я вместе с Фиделем, — это мои свадебные фотографии. Их я никому не показываю, потому что вышла там отвратительно, примерно как кровяная колбаса в кружевах. Мне кажется, вам следовало бы наказать не меня, а преподавателей. Подумайте сами! Десятерых преподавателей физкультуры можно напугать до смерти какой-то несчастной фотографией.

Я вернулась в клинику только через неделю. Чтобы добиться снятия санкции, мне пришлось обивать пороги министерства просвещения, демонстрируя свой огромный живот обитателям многочисленных кабинетов. К счастью, Януса к этому времени уже не был министром. После отстранения от этой должности он стал заниматься разведением свиней на одной из государственных ферм. Надеюсь, здесь он оказался больше к месту.

* * *

Пациент, которого мне поручил Вагнер, умер из-за неправильно проведенного обследования. Его легкое было разъедено метастазами рака. Для более детального обследования необходимо было срочно провести бронхоскопию. Но больному пришлось ждать несколько недель, пока отремонтируют бронхоскоп. Техник, который его ремонтировал, ко всему прочему, что-то перепутал. Поэтому бронхоскопия, проведенная в первый раз, результата, конечно же, не дала. Мэтр Вагнер, не признав своей вины в случившемся, повторил испытание, которого несчастный больной во второй раз не смог вынести. Пролежав после этой пытки несколько дней на кровати, свесив голову вниз и отхаркивая все, что ему залили в бронхи, он скончался.

Я собиралась отправлять моего пациента в морг, как вдруг увидела, что привезли мою добрейшую соседку Эстерситу, которая находилась в диабетической коме. Она несколько дней пролежала с выпученными глазами, словно пытаясь расстаться с жизнью. Когда Эстерсита воскресла, ей в качестве первого угощения преподнесли блюдо с карбо-гидратом, который мог легко вернуть ее в потусторонний мир. Клиническая таблица,

висевшая на спинке кровати Эстерситы, была девственно чиста. Я принялась разыскивать врача, так халатно относящегося к своим прямым обязанностям. Затем я написала возмущенное письмо заведующему отделением.

Моей новой пациенткой оказалась старушка с болезнью Паркинсона. Ее отправили в операционную. Я слышала мнение, что деятельность мозга улучшается при имплантации в пораженные участки тканей человеческого эмбриона. Но в то время я не знала, что болезнь Паркинсона излечивается при помощи хирургического вмешательства. Впрочем, я и теперь не понимаю, как можно было прийти к такому заключению, если во всем мире нет ни одной морской свинки, ни одной крысы, ни одного кролика или обезьяны, которые страдали бы этой болезнью. На ком же тогда проводили опыты? Или эта проблема изучалась только теоретически?

Я начала понимать, что медицинская этика имеет обтекаемую форму.

Трупы в формалине не приводили меня в смущение. Я прикасалась к ним, не надевая перчаток. От этого у меня под ногтями развелось не меньше грибов, чем у Боливара. Гораздо труднее было с живыми больными, страдающими и умирающими. К этому я еще не была морально готова.

Мы учились также работать на участках. В нашу задачу входил учет беременных, выявление случаев венерических заболеваний, а также туберкулеза. Меня направили в китайский квартал старого города.

Мне было известно, что китайцы попали сюда в прошлом веке. Их использовали в качестве дешевой рабочей силы. И хоть многие из них открыли здесь свои красильни и трактиры, вскоре они всего этого лишились. Отправляясь на улицу Санха, я была уверена, что от поселений китайцев осталась небольшая община.

Каково же было мое удивление, когда я открыла, что китайцы живут в ветхих, полуразвалившихся лачугах и, что самое поразительное, их было много, очень много. И их число росло. Они почти не смешивались с кубинцами. В этих инфра-человеческих условиях, где пища соседствовала с экскрементами, палочка Коха свирепствовала. Революция не коснулась китайского квартала Гаваны, как, впрочем, и Дионисии, и Эль Пало Кагао, и Йега и Пон. Эти кварталы оставались все теми же зияющими ранами нищеты.

Я долго никому не говорила о своем страхе, пережитом при посещении китайского квартала. Наверное, я так и не стала бы об этом говорить, если бы однажды вечером в отделение скорой помощи не привезли мужчину из китайского квартала. Возраст

больного невозможно было определить, — ведь в таких условиях люди стареют намного быстрее. Мужчина, которого доставили в отделение, из-за неудачного падения был парализован ниже поясницы. Он лежал, вытянувшись, широко раскрыв свои синие глаза, утонувшие в океане тоски.

Вагнер отвел нас в сторону.

— Ведите себя сдержанно и очень осторожно с этим больным, хоть вы и не можете причинить ему боли по известной вам причине. Сегодня вы попрактикуетесь в ректальном обследовании. Кроме того, вы сможете взять пункцию в поясничной области. Но не все, конечно, а только те из вас, кто собирается стать хирургами.

Нас в группе было двадцать. Восемнадцать из двадцати по очереди засовывали свой палец в анальное отверстие больного. Когда перешли к пункции, Вагнер проявил деликатность и разрешил провести это исследование только восьми студентам. Все это было очень тягостно, но еще более отвратительное состояние я пережила на следующий день, когда этот несчастный больной стал дрожать, словно одержимый. Это произошло в два часа дня. В зале, где он находился, не было никого, кроме меня. Все студенты и медсестры уже ушли. Я не знала, что мне делать. Нужен был кто-то более опытный. Я стала искать поблизости кого-нибудь из медперсонала, но рядом никого не оказалось. Тогда я пошла их искать по закуткам, где они обычно занимались любовью.

Весь медперсонал находился на партийном собрании. И это было в рабочее время, когда врачи и медсестры должны были выполнять свои непосредственные обязанности. Но, видно, после работы никому не хотелось изучать новые политические документы. Всех устраивало собрание во время работы. Удобно устроившись, служители Ее Величества Медицины обсуждали речь Команданте, который говорил о медицине с таким же яростным энтузиазмом, как о скрещивании пород рогатого скота.

Полчаса я бегала по всей клинике со своим огромным животом, призывая дьявола, чтобы он поскорее забрал душу этого несчастного, и пытаясь найти хоть одного человека в белом халате. А все люди в белых халатах в это время разглагольствовали о задачах, поставленных Фиделем перед медициной Кубы. Я ворвалась в зал с бешеными глазами и пеной у рта и обрушила на всех собравшихся поток ругательств:

— Оппортунисты, негодяи, мерзавцы! Да вы же все убийцы!

С огромным животом, растрепанными волосами и сумасшедшим взглядом, я воплощала собой эдакую mater dolorosa — скорбящую мать — безумную и смехотворную.

* * *

В эту субботу мы с Панчи ужинали вместе с Антонио Гадесом, испанским танцором, который приехал в Гавану для постановки балета на основе элементов афро-кубинской румбы и испанского фламенко.

Это был необычайно увлеченный и общительный человек, ярко выраженный лидер. Вечер прошел великолепно. Мы слушали прекрасную музыку, танцевали и пили хорошее вино.

В воскресенье я проснулась на рассвете от резких, продолжительных толчков в живот. Я поняла, что у меня начались схватки. Плод стал открывать свои собственные каналы, чтобы вырваться из моего тела. Нужно сказать, что при этом он не считался с моими ощущениями.

Я разбудила мужа и своих женщин. Они поднялись, но, видно, еще не проснулись и поэтому действовали довольно бестолково. Мама и Панчи стали раздавать распоряжения и бегать из одной комнаты в другую. Они никак не могли согнать с себя туман сна и плохо соображали. Я смотрела на их суету, сидя на стуле возле входа в кухню. Я вела себя очень терпеливо, без криков и паники. У меня на коленях стоял маленький чемоданчик, в который я заранее сложила все необходимое для этого события.

Когда меня привезли в больницу, я, едва выложив свои вещи и переодевшись, принялась ходить по палате, нарушая все предписания, адресованные роженицам. Откровенно говоря, я их не читала, будучи уверенной, что для рождения моей дочери достаточно будет знания законов всемирного тяготения. В том, что у меня родится дочь, я не сомневалась. Я давно уже знала, что там, в моем лоне, растет будущая женщина. И вот пришло время, когда эта женщина торопливо собиралась в мир людей.

Я попала в «самую лучшую в Латинской Америке акушерско-гинекологическую больницу». Здесь было все, недоставало только самого малого — хороших специалистов. Здесь, согласно пресловутому плану интернационального обмена, работали студенты, приехавшие из разных стран. Они были моложе меня и напуганы еще больше, чем я.

Две другие роженицы кричали во все горло, извергая из себя все известные им испанские ругательства.

В таких условиях началась моя долгожданная пытка: в мой живот вцепились безжалостные железные когти; все закружилось и смешалось — радость и боль, любовь и ненависть. В мощном толчке, родившемся где-то там, в недрах моего тела, на порог жизни была выброшена Мюмин. А в это время ее мать,

озабоченная мыслями об астральном времени, смотрела на часы и угрожала смертью медсестре, если та посмеет в центре живота ее дочери оставить торчащий палец вместо аккуратного пупка. Такие странные выпирающие пупки почему-то стали очень распространенными на животах нового поколения кубинцев.

* * *

Мюмин родилась в воскресное декабрьское утро. Я не стану сейчас называть точное время ее появления на свет, чтобы никто не мог причинить моей дочери горя. Ведь есть люди, которые могут прервать мирное течение жизни.

Это был настоящий тролль. С большим носом, торчащими дыбом черными волосами, закрывающими лоб. Ею можно было бы с успехом пугать ночью людей.

Натике она не понравилась, и моя дорогая бабушка не стала этого скрывать:

— Когда меня привели в зал, где стояли кроватки, я сразу обратила внимание на двух прелестных младенцев. Они были розовые, со светлыми кудряшками, прямо как ангелочки. Я сказала Панчи: «Один из этих двух младенцев — наш». Я просто была в этом уверена! Но мне показали совсем другого, с темными волосами и носом, как у мулата. Они не могли перепутать новорожденных?

Бабушка Натика всегда умеет подбодрить.

С того зимнего утра, когда Мюмин появилась на свет, у нее изменилась только внешность. Суть ее осталась прежней. Она никогда не плакала ни от гнева, ни от голода. Мои груди переполнялись молоком, а ей до этого не было никакого дела. Когда она протягивала мне свои ласковые ручонки, казалось, что мне в глаза светят две дневные звездочки.

С Мюмин на руках я готовилась к экзамену по дыхательной системе. Вместе со мной занимался один мой однокурсник. В этом году нам повезло значительно меньше, чем в прошлом, когда нашим соучастником в деле фальсификации экзамена был незнакомец из типографии В этом году приходилось честно учиться.

Еще не совсем придя в себя после родов, я отправилась на экзамен. Я сидела в зале, не подозревая, что профессор Вагнер уже приготовил мне жестокую месть.

Он раздал билеты всем студентам, кроме меня, делая вид, что не замечает меня. Можно было подумать, что я прозрачная. Так и не дождавшись задания, я напомнила профессору о своем

присутствии на экзамене. Его ответ шокировал меня:

— Я сожалею, но ты не имеешь права сдавать экзамены. Ты отсутствовала на занятиях.

— Но я пропустила неделю, потому что рожала! Разве это не уважительная причина?

— Мне все равно, по какой именно причине ты пропускала занятия. Будь добра, покинь аудиторию.

И я вышла. С моралью, упавшей к моим ногам, словно трусы, в которых лопнула резинка.

Моя тетя Вильма в великодушном фамильном порыве пообещала прислать мне в помощницы служащую Федерации кубинских женщин. Но почему-то забыла это сделать.

Единственная живая душа, которая откликнулась на мой призыв о помощи, была чиста, как непорочное зачатие, но под ногтями у нее было больше грибов, чем у самого Боливара. В результате живот Мюмин покрылся красными пятнами.

Бабушка Натика сказалась очень уставшей, а мама не могла уйти с работы.

Я попросила академический отпуск в связи с рождением ребенка, но получила сообщение об исключении в связи с пропусками занятий. Каждый раз, когда я обращалась на факультет с просьбой выдать мне копию моего личного дела, я слышала глухое молчание.

* * *

С рождением Мюмин у меня возникла масса новых проблем, связанных в основном с карточной системой. У тролля не было даже матраса, потому что я не взяла в больнице справку, свидетельствующую о том, что мой ребенок родился живым.

Мыла, выдаваемого на месяц, катастрофически не хватало для стирки пеленок. И тех пятнадцати метров антисептической ткани, которые выдали на пеленки, было тоже недостаточно. Но еще хуже было с водой, а вернее без нее. Вода исчезла из дома с тех пор, как министр транспорта, живущий в нашем квартале, сделал у себя в саду бассейн. Теперь тыквы, бананы и маланга перекочевали в область воспоминаний о них.

Чтобы троллю было чем питаться, я должна была каждые две недели ходить на восемьдесят пятую улицу к своей свекрови. Такие вылазки очень изматывали меня. Я возвращалась домой с восемьдесят пятой улицы, еле переставляя ноги. Правда, было еще одно место, где я могла раздобыть продукты. Недалеко от нас жил старик, который давал мне кое-что из провизии в обмен на

возможность потрогать мои груди.

Панчи проводил все свое время в бесконечных и неоплачиваемых турне. Мама перелетала из кабинета на курсы, с курсов на собрание на своей синей птице — «фольксвагене», подаренном Раулем. Бабушка Натика путешествовала в возвышенных телефонных сферах. А я… Я бегала из одной комнаты в другую, следя за тем, как кипятятся пеленки и бутылочки для молока и как ведет себя моя дочь. В один из таких дней ко мне пришел мой дорогой Соса. На его лице, как всегда, сияла добрая улыбка. Он поздравил меня с рождением дочери и передал в подарок большой пакет, обернутый двойным слоем фиолетовой бумаги. В пакете лежала аптечка, шерстяное пальто для ребенка и пеньюар того же синюшного цвета, что и бумага.

Я уверена, что Фидель не сам выбирал подарок, а поручил это кому-нибудь из своих подчиненных. Я выразила признательность за внимание, за подарок и продолжила полоскать пеленки в жавелевой воде, заодно изобретая рецепты для моих дебютирующих грудей, предназначенных выкормить Мюмин. Мой тролль превращался в гнома, а поэтому не по дням, а по часам становился все более прожорливым. Теперь ему было мало моего молока, от которого в первые дни своего существования он отказывался.

Тролль дисциплинировал мою жизнь, навязывая мне свое собственное расписание, изменить которое меня не заставило бы ничто в мире. Я хотела быть его матерью. Все остальное было второстепенно. Но мать тролля должна была учиться, потому что его бабушка повесила на стене свой диплом, то и дело напоминая дочери, что она получила его в пятидесятилетием возрасте. После этого всегда следовал вывод, что дочери получить диплом сам Бог велел.

Но мягкое давление, оказываемое на меня моей матерью, не шло ни в какое сравнение с тем мощным прессингом, который оказывали на кубинских женщин многочисленные массовые организации, в том числе Федерация кубинских женщин и Комитет защиты революции. Они одели кубинок в брюки и заставили их проводить время в работе, учебе, в транспортных и продуктовых очередях. У кубинских женщин не осталось времени на себя.

* * *

Прошло двадцать два года с тех пор, как дядя Бебо, брат бабушки Натики, «самый элегантный мужчина Ямайки», был по

решению нового революционного режима отстранен от занимаемой должности и выслан с Кубы. И вот он вновь приехал на остров, все такой же элегантный и такой же холостой. На нем был модный жакет, дорогие ботинки, шляпа и перчатки. Он был неотразим.

Дядя Бебо представлял на Кубе Общину высланных из страны кубинцев. Так теперь Фидель называл многочисленную армию людей, ампутированную без наркоза от их семей, от их Родины. Слово «gusanos» — «червяки» — уже не употребляли на Кубе по отношению к этим людям.

Фидель дал разрешение на встречи с высланными родственниками, получив таким образом возможность заработать немного конвертируемой валюты. Поэтому Кубу стали посещать бывшие «червяки», превратившиеся со временем в пухлых куколок, раздувшихся от долларов и подарков.

Община получила разрешение открыть в отелях свои небольшие магазины. Появление этих необычных для жителей новой Кубы магазинов создало большую неразбериху и беспорядок. Партийным активистам было запрещено принимать у себя высланных родственников и заниматься их делами. Это стало необременительной обязанностью их детей, превратившихся очень скоро в орду попрошаек.

Приезд бывших «gusanos» породил немало доносов и семейных конфликтов, поскольку представители нового поколения, воспитанные в духе антиимпериализма, стали проявлять явную симпатию ко всем этим дядям и кузенам, которые обновляли их гардеробы и давали возможность немного погурманствовать.

У Бебо сохранились повадки лорда и любовь к Индии: он привез с собой слугу-индуса и, кроме того, каждое утро занимался йогой, надеясь таким образом победить сахарный диабет.

Вместе с дядей Бебо в доме моей матери появились кое-какие достижения цивилизации; среди них были, например, бумажные салфетки. Кроме этого, он ввел некоторые дедовские обычаи. Одним из таких обычаев был вечерний виски в кругу семьи. Впрочем, что касается последнего, дядя Бебо вскоре был очень разочарован тем, как непочтительно относятся к этому обычаю его родные: его племянница Нати в семь часов вечера еще была на работе, а сестра Натика, как оказалось, давным-давно разучилась ценить благородные напитки.

Мы с дядей сходили в «дипломагазин» — специальный магазин, в котором обслуживали только дипломатов, — где он купил виски и содовой. Ради моих мамы и бабушки я решила

угождать во всем дяде Бебо. Каждый день в одно и то же время он требовал лед и сифон. Это происходило в тот момент, когда солнце начинало клониться к острову, а яркий свет растворялся в сумерках.

Бебо воспользовался своим личным термометром для определения теплоты семейных отношений в нашем доме. О том, что показывал этот прибор, дядя сообщил мне:

— Никогда в своей жизни я не видел ничего более странного. Я не могу понять, что произошло с моей сестрой и моей племянницей. Они все едят с таким удовольствием! Продукты, которыми в мое и их время кормили собак и свиней, теперь им кажутся необыкновенно вкусными… А ведь обе они, и моя сестра, и твоя мать, были утонченными женщинами. Это по меньшей мере странно!

— Они предлагали тебе гофио?

— А эта манера разговаривать! Они ведь не говорят, а лают. А как они обращаются с тобой? Они отдают тебе распоряжения, будто ты замужем за обеими. И эта отвратительная манера не слушать никого, кроме себя… Когда я ехал сюда, я не надеялся на что-то слишком хорошее, но то, что я увидел, моя бедная малышка… Это вызывает у меня серьезные опасения за твою судьбу.

— Я беспокоюсь за Мюмин, дядя. Я бы отдала все на свете, лишь бы увезти ее отсюда подальше.

— И потом, что делает целый день в доме Нати моя сестра, если ее квартира — через дорогу?

— Я не знаю, дядя Бебо. Натика не любит оставаться одна. Она приходит к нам в девять утра и уходит в десять вечера.

— А когда твоя мать приходит с работы, дом превращается в ад. Ты видела, как они заставляют меня мыться? Они требуют, чтобы я садился на скамейку и при свече мылся из ведра! У меня такое ощущение, будто я попал в средневековье. Они же себя ведут так, будто ничего необычного не происходит. Для них это нормально!

И в самом деле, электричество у нас отключили, воды не было, и это вызывало определенные трудности во время мытья. После непродолжительного размышления Натика пришла к выводу, что дяде Бебо и его большому скелету будет гораздо удобнее мыться, сидя возле ведра, а не наклоняясь над ним.

— А ты? — спросил он у меня. — Как ты выкручиваешься в этих условиях?

— Нельзя сказать, что блестяще, хотя я стараюсь многое не воспринимать всерьез. Я привела им нескольких мужей, но последнего мы почти не видим. Он появляется и исчезает, словно

привидение. Так что в воспитании Мюмин он не принимает никакого участия. А мама с бабушкой тоже не занимаются моей дочкой. Совсем мне не помогают. Я даже не могу выйти вечером куда-нибудь. По-моему, дядя, им просто нет никакого дела до моей девочки.

— Это скоро изменится, вот увидишь. Когда Мюмин подрастет, они обе полюбят ее. Маленькие дети не всем нравятся. Скажи мне, Алина, а почему Натика не отдаст тебе квартиру? Супругам все-таки лучше жить отдельно.

— Я не знаю, дядя… Это ведь ее квартира.

— Да, я понимаю. Но ведь она ею совсем не пользуется. Ты же сама говорила, что она приходит к вам рано утром и уходит поздно вечером. Я думаю, с ней нужно поговорить насчет квартиры. Впрочем… Предоставь это мне.

Время от времени дядя рассуждал о политике. Он считал, что Фидель попался в чьи-то цепкие руки, а кубинский народ оказался, в свою очередь, в его руках.

— Скажи, Алина, ты встречаешься с Манли, президентом Ямайки? Только ответь откровенно.

— Я? С Манли? Я видела этого типа только по телевизору. С чего бы это президенту Ямайки встречаться со мной? Что я, политический деятель?

— А на Ямайке ходят слухи, что он едет на Кубу, чтобы встретиться с дочерью Фиделя.

— О, дядя, чтобы услышать подобное, и на Ямайку ехать не надо.

— Что ты имеешь в виду?

— Многие люди, которых я в жизни не видела, заявляли, что они состоят в связи со мной. И это ради тога, чтобы вырваться из рук полиции.

— После того, что я увидел здесь, это меня не удивляет. Вся Куба живет в атмосфере страха. Кстати, Алина, где ты занимаешься?

— Я изучаю дипломатию, дядя.

— Дипломатию? Да ты с ума сошла! Как только изменится правительство, ты Останешься без работы.

Благодаря хитроумным маневрам дяди Бебо я унаследовала при жизни моей бабушки жилье, принадлежащее теперь только мне и троллю.

Моя Мюмин к этому времени превратилась в очаровательную проказницу. Она научилась пользоваться телефоном и звонила теперь из одного дома в другой — от мамы к бабушке и наоборот — в поисках кого-нибудь, кто смог бы исполнить три ее заветных желания. Впрочем, на самом деле желаний было значительно

больше.

* * *

К моей судьбе проявила участие могущественная вдова жертвы Революции. Эта женщина обладала сложной сетью дружеских связей в министерстве иностранных дел. Она-то и нашла решение проблемы вынужденной незанятости моих интеллектуальных способностей:

— Эта малышка рождена для дипломатической карьеры.

Вдова жертвы Революции говорила громким высоким голосом. Она решительно взяла шефство надо мной, не считаясь ни с какими возражениями. Таким образом я поступила на самый элитарный в стране факультет, предназначенный для самых передовых деятелей Коммунистического Союза Молодежи Кубы.

Там господствовал догматизм. Каждый раз, когда из меня хотели сделать активистку, я уклонялась, ссылаясь на свое слабое здоровье. И вот теперь я оказалась в плотном окружении непримиримых защитников марксистской идеологии.

«Школа лакировки», как называли наше учебное заведение, предназначена была пообтесать немного своих студентов, чтобы, представляя Кубу в других странах мира, они не ели курицу руками и умели говорить «спасибо» на многих языках.

Здесь изучали языки, литературу, искусство, марксизм и протокол.

Протокол нам преподавала женщина, которая раньше была послом в Ватикане. Она учила нас накрывать стол Для обеда, на котором присутствовали одни мужчины. Она учила есть улиток, правильно подбирать к костюму рубашку и галстук, элегантным движением разламывать панцири лангустам и крабам, полоскать пальцы женщинам — в воде с розовыми лепестками, мужчинам — с колечками лимона. Она учила нас всему тому, чему меня в детстве научила бабушка Натика, подавая чечевицу на серебряном подносе и изображая слуг, накрывающих стол «а ля рюс» и «а ля франсэз». Прозябать в кругу этих двадцатилетних идеологических жандармов было чрезвычайно тоскливо. Но это было не единственной моей проблемой на тот момент. У меня была Мюмин с ее требованиями и капризами, и мне необходимо было с ними считаться, несмотря на учебу на элитарном факультете. Мне стало немного легче, когда я устроила дочку в детский кружок маленьких друзей Польши. Но, несмотря на это, я очень уставала. Как только я приходила в аудиторию и садилась, моя голова свешивалась, глаза закрывались, я ничего не могла поделать с собой и засыпала. Усталость была так велика, что не

помогали ни крепкий кофе, ни другие бодрящие средства. Меня будил звонок, сообщавший об окончании лекции. В течение всех восьми часов занятий я пребывала в состоянии полусна. Я напоминала сама себе зомби.

Марксизм, в конце концов, перевернул мою жизнь. Я с интересом и всерьез изучала основные законы диалектики: закон перехода количественных изменений в качественные, закон отрицания отрицаний и закон единства и борьбы противоположностей.

В «Капитале» Маркс очень забавно объяснил, как одни люди эксплуатируют других, выплачивая им меньше денег, чем те заработали. Единственная разница между США, с одной стороны, и Кубой и Россией, с другой, состоит в том, что в первом случае известно, в какой карман идут деньги, а в двух других неизвестно. Мне так и не удалось узнать, куда на Кубе уходили деньги, заработанные нашим добровольным трудом, если люди с каждым годом жили беднее, а с домов облезала краска и штукатурка.

Если бы у Фиделя не было мании величия и он не ввязался в войну в Анголе и все эти партизанские войны, мы были бы, может быть, не менее несчастными, но менее презираемыми.

Главной причиной отсутствия книг на нашем острове является философия. Когда человек посредством чтения начинает прикасаться к общечеловеческим проблемам и, вследствие этого, размышлять, его мозг наполняется жизненным кислородом, что позволяет ему оторваться от реальной жизни, сведенной к нескольким избитым лозунгам. Фидель очень хорошо и очень давно об этом знал. Не зря, находясь в тюрьме, он так много читал. Когда человек читает, он более свободен, чем когда вместе со всеми отбивает такт коллективного труда, никогда не меняющего своего ритма.

Но я не стану обвинять философию, если после возвращения из своего очередного турне Панчи найдет меня вконец обессиленной.

На тот небольшой отрезок времени, что мой муж проводил на Кубе, он принимал от меня эстафету вечного поиска питания для тролля. Он полностью выбивал меня из колеи, заставляя приноравливаться к его привычкам. А когда я, наконец, привыкала к его присутствию и к его образу жизни, он отправлялся в следующее турне. Постепенно я отвыкла от него, не сумев примирить его открытый космос со своим. К тому времени, как закончилась моя учеба, мы уже были разведены. Мама отреагировала на это самым неожиданным образом:

— Я не позволю, чтобы моя внучка росла без отца!

И она поселила Панчи у себя в доме напротив нашего.

— Ты хоть понимаешь, что таким образом отравишь наше существование?

Об этом она отказывалась думать.

Единственный преподаватель «школы лакировки», который навсегда запечатлелся в моей памяти, это Хосе Луи Гальбе, испанский республиканец, живший в то время на Кубе. Он преподавал нам литературу. Когда он отдавал себя во власть поэтическому порыву, он рождал в нашем воображении волшебные зеленые лучи заходящего солнца в Эгейском море, оттеняя свои головокружительные взлеты цитатами из собственных произведений, вдохновленных сюрреалистическими идеями. Он потрясал нас своими неординарными рассуждениями, заставляя при этом вибрировать звук «з»:

— Интеллигенты должны принимать участие в социальных процессах, но при этом они ни в коем случае не должны терять своей индивидуальности. Чего нельзя сказать о современной кубинской интеллигенции. У вас все происходит наоборот. Не так давно я имел несчастье убедиться в этом. Несколько дней назад я был приглашен Союзом писателей и художников Кубы для участия в поэтическом вечере. Свои стихи читали все революционные поэты острова: Чезар Леанте, Фернандес Ретамар, Пабло Армандо Фернандес и другие. В конце вечера попросили и меня прочитать что-нибудь из своих последних стихов. Когда все закончили аплодировать, я сказал уважаемым собратьям по перу: «Поэма, которую я сейчас предоставил вашему вниманию, составлена из фраз, взятых по одной из всех тех поэм, которые вы прочитали на сегодняшнем вечере. Господа, разрешите доложить, что вы попали в сети посредственности. Заявляю со всей ответственностью, что искусство не терпит излишней дисциплины. Чтобы сделать что-то оригинальное в поэзии или живописи, художник должен быть непокорным. Творчество предполагает смелость и свежесть мысли. Нужно признать, что в настоящий период времени вас трудно заподозрить в творческой дерзости».

Я обожала этого пожилого человека, у которого не было ни семьи, ни детей, с которыми он мог бы поделиться своим богатым жизненным опытом.

Рассказывая о творчестве Бальзака, он спросил нас:

— Кто из вас прочитал «Человеческую комедию»?

Я, побледнев, робко подняла палец. Фидель когда-то подарил мне полное собрание сочинений Бальзака на французском языке. Я добросовестно прочитала все десять томов.

— Что ж, поздравляю вас! Вы совершенно напрасно

потратили уйму времени.

Он был прав, мой мудрый преподаватель литературы. Я и в самом деле истратила массу времени, читая о жизни других людей. Я глотала книги, впитывая в себя чужие радости и чужие печали. И вся моя жизнь теперь казалась мне чем-то противоестественным. Мне не нравилось состоять в огромной армии женщин кубинской Революции, которые, как и я, стремились получить университетские дипломы и которые, как и я, чудом удерживались на плаву, изо всех сил стараясь воспитать ребенка, не имея для этого ни малейших средств.

Я чувствовала себя более одиноко, чем последний из могикан: в нашей семье было три взрослых женщины, но каждая из них жила своей собственной жизнью, не интересуясь всерьез проблемами двух других. И от этого в нашей матриархальной семье было очень неуютно.

Я уже второй год бороздила лакированные болота Дипломатической школы, когда в посольстве Перу разразился грандиозный скандал. Здание перуанского посольства, как и все крепости, пользующиеся правом давать убежище кубинцам, было расположено в «замороженной» зоне пятой авеню Мирамара. Оно было обнесено двухметровой металлической оградой. Прутья решетки заканчивались острием. Вдоль ограды, на расстоянии трех метров друг от друга, стояли солдаты, охраняющие посольство.

Однажды ночью несколько человек проникли за ограду, убив перед этим солдата. Куба потребовала выдачи этих людей, но перуанцы отказались выполнить требование кубинских властей.

Между правительством и посольством завязался диалог. Перуанцы продолжали стоять на своем и укрывали под своей крышей людей, обратившихся к ним за помощью. Кубинцы в отместку перестали охранять посольство. Этот шаг, предпринятый кубинским руководством, повлек за собой непредвиденные последствия. Огромная толпа кубинцев, желающих попросить убежища, бросилась к перуанскому посольству, пытаясь сломать или хотя бы отогнуть прутья решетки. Сотни людей стекались сюда, заполняя близлежащие дворы. Водители останавливали автобусы и объявляли:

— Автобус дальше не пойдет! Прошу всех пассажиров выйти!

Часть пассажиров оставалась сидеть, словно пораженная столбняком, другая же часть выпрыгивала из автобуса и сломя голову неслась к зданию перуанского посольства, чтобы проскользнуть сквозь щели в ограде.

На черном рынке резко снизились цены на автомобили. Это произошло из-за того, что многие кубинцы, надеющиеся в скором

будущем с помощью перуанского посольства покинуть страну, бросали свои автомобили, даже не пытаясь их продать, потому что очень торопились.

За три дня в посольстве Перу скопились тысячи кубинцев. Правительство не могло позволить и дальше смеяться над собой. Чтобы сдержать нашествие на перуанское посольство, были выставлены кордоны. Но они не смогли остановить этот человеческий поток.

У Фиделя был только один способ избежать возможности быть обвиненным в геноциде, и он этим способом воспользовался: он распорядился регулярно доставлять воду и продукты питания на территорию посольства для людей, которые не желали больше жить на Кубе. Эти люди заполняли собой все пространство двора, они сидели на крышах и деревьях, висели на оконных решетках. Вся эта толпа отчаявшихся кубинцев получила название «отбросы». Фидель предпринял попытку обратить поражение в победу, дав жизнь печально известным «актам отречения».

Правительство обязалось перед посольством отнестись с уважением к будущим высланным кубинцам при условии, что посольство отправит всех, попросивших убежища, по домам. Было обещано выдать всем этим людям официальное разрешение на отъезд из страны, написанное в корректной форме.

То, что происходило на улицах вскоре после событий возле перуанского посольства, ввергло меня в отчаяние и убило веру в представителей рода человеческого. «Отбросы! Отбросы!» — бешено кричали одни кубинцы другим. Орды людей изводили, избивали, унижали, линчевали себе подобных, а полиция и пальцем не шевелила, чтобы унять это безумие.

Однажды из окна автобуса я увидела, как раздраженные крикливые люди с отвратительными физиономиями мучили женщину: ей на спину и на грудь повесили два щита, на которых было написано слово «отброс».

Одна из «гражданских» демонстраций проходила возле дома на углу нашей улицы. Она длилась несколько недель. Семья, которая получила визу, оказалась без воды и электричества. К дому, где жили эти люди, подходили участники демонстрации протеста и кричали в громкоговорители: «Проститутка! Шлюха! Твой муж идет из посольства!»

Поскольку Перу не в силах был обеспечить работой и продовольствием всех попросивших убежища, на помощь пришли семьи из Майами. Их лодки, шлюпки и другие небольшие суденышки делали несколько рейсов, высаживая затем на свой берег покинутых родственниками сумасшедших, преступников, только что освобожденных из тюрем, и улыбающихся юнцов, то

ли настоящих, то ли мнимых гомосексуалистов.

Чтобы покинуть страну, необходимо было получить разрешение на выезд с места работы или учебы. Но все эти чинимые препятствия не могли убить огромную радость от появившейся возможности покинуть остров.

* * *

Однажды около полудня нас собрали возле Дипломатической школы для проведения акта отречения. Предметом отречения был пятнадцатилетний юноша, который хотел уехать из страны. Нас успокоили, что все пройдет спокойно, без насилия и жестокости.

Когда паренек вместе со своей матерью стал проходить мимо молчаливых, враждебных рядов студентов Дипломатической школы, вдруг один здоровенный первокурсник стал бить женщину в грудь. Этого было достаточно, чтобы потеха началась.

Более двухсот студентов, изображая из себя оскорбленных революционеров, набросились на двух несчастных людей. Их выгнали на улицу и продолжали преследовать. Это было ужасное зрелище. Акция отречения могла иметь трагическую развязку, если бы в ее ход не вмешался проезжавший мимо мужчина. Но его заступничество стоило ему разбитого ветрового стекла. Вся эта дикая сцена привела меня в бешенство. Я схватила зачинщика травли за липкий вонючий воротник и стала кричать прямо в его омерзительную рожу:

— Ты, негодяй! Сукин сын! Трус, подлец, мерзавец! Как ты смеешь бить женщину, да еще на глазах у ее сына! Если ты еще раз к ней прикоснешься своими вонючими лапами, я оторву у тебя все, что можно оторвать! Не сомневайся в этом, мерзкая скотина!

Выкрикивая во весь голос обвинения и угрозы, я принимала боевую стойку. Не зря ведь я была замужем за двумя чемпионами по каратэ. Наверное, в эту минуту я выглядела ужасно, потому что этот негодяй как-то обмяк и съежился. Может быть, ему даже стало стыдно.

— За всяким экстремистом прячется оппортунист! — продолжала я его уничтожать, цитируя Ленина. — Ты ведешь себя так потому, что сам хотел бы уехать из страны, но не осмеливаешься.

Нужно сказать, что после этой короткой, но яростной обвинительной речи аплодисментов не последовало.

Реакция преподавателя литературы Хосе Луиса Гальбе на случившееся не облегчила совести участников позорной акции.

Когда мы вернулись в аудиторию, наш поэт был печален. На его лице читались огорчение и растерянность. Он сдавленным голосом привел ту же ленинскую цитату, которую несколькими минутами раньше выкрикивала я. Хосе Луис Гальбе смотрел теперь на своих студентов как на подлецов.

* * *

К этому времени со мной стали происходить очень неприятные вещи, а именно: я стала распухать.

Утром я, как обычно, приходила на занятия, усаживалась, засыпала и просыпалась, чтобы вновь заснуть. По сути дела, я так и не просыпалась весь день. После занятий я шла в детский кружок за своим домовенком. Вернувшись домой, я вытаскивала из туфель свои распухшие ноги, ставшие похожими на окорока. Всю ночь напролет из громкоговорителя, установленного на углу улицы, в квартиру доносились обвинения в адрес семьи, которая собиралась покинуть Кубу. Говорить о полноценном сне в таких условиях не приходилось. Ночные проклятия надоели не только мне. Даже пьяницы, чуть свет бредущие по улице, останавливались возле громкоговорителя, чтобы высказать в нецензурных выражениях все, что они о нем думали.

Несмотря на шум, Мюмин спала спокойно, но мне в голову время от времени приходили мысли, что я произвела ее на свет, словно письмо, которое забыли положить в конверт. И от этой мысли мне становилось все более и более неуютно. Впрочем, дело было не только в том, что я не могла защитить Мюмин. Вся моя жизнь превратилась в цепь неудач.

В конце концов я. вторично оказалась в хирургическом отделении госпиталя МВД. На этот раз я легла на обследование, надеясь узнать причину своего странного заболевания, которое превратило меня в губку, впитавшую в себя огромное количество жидкости. Самым странным было то, что я этой жидкости не пила. За первую неделю своего пребывания в госпитале я, к огорчению врачей и медсестер, потеряла восемь килограммов веса, причем без видимых причин. Впрочем, я знала основную причину происходящих во мне процессов: я просто-напросто объелась окружающей меня мерзостью.

Меня передали в руки психиатра, страдающего артрозом. Он говорил, перекатывая слова так, словно его огромный язык угрожал вырваться изо рта и навек покинуть его. Мы с психиатром сразу же понравились друг другу. Я убедила его в необходимости подвергнуть меня наркогипнозу, надеясь таким

образом узнать причину зла, которое со дня на день могло превратить меня в неподвижную статую, страдающую водянкой. Увы! месмерические сеансы не дали ожидаемого результата: во время их проведения я либо молчала, либо изъяснялась на непереводимом языке. Наши гипнотические исследования закончились совместными выпивками и походами к подружке моего гипнотизера. В конце концов, психиатры тоже хотят и имеют право время от времени расслабиться.

Я пробыла в госпитале четыре месяца и с удовольствием осталась бы там еще: я чувствовала себя просто превосходно под защитой больничных стен. Я имела здесь возможность заниматься спортом. Два раза в день меня тренировал бывший боксер. Он собирался сделать из меня будущую славу МВД в беге на длинные дистанции.

Время от времени меня навещали члены семьи Кастро. В день моего рождения ко мне приехал дядя Рамон. Он, как всегда, был влюблен и, как и прежде, напевал все те же грустные песни, подыгрывая себе на гитаре. Дядя Рамон принес мне на подносе огромный пирог.

Мне было и в самом деле хорошо. Я была освобождена от ненавистной Дипломатической школы со всеми ее «дипломатическими» актами отречения. Вместо этого я с удовольствием испытывала на себе заботу медперсонала, а также родственников. Однажды мне неожиданно нанес визит Фидель. Он привез два ящика цветной капусты со своей «небольшой фермы». Капусту приготовил по своему особому рецепту повар Фиделя, Эспино.

Вероятно, этот визит произвел на моего отца сильное впечатление, поскольку вскоре после этого он предложил мне небольшую спокойную работу.

Как оказалось, Нуньес Хименес был не только географом и спелеологом, но еще и писателем. Ему нужно было укрепить свою команду редакторов и корректоров. Во время следующего визита Фидель привел Хименеса с собой. Тот предложил мне отредактировать книгу о Вифредо Ламе, известном кубинском художнике. Таким образом я получила возможность заработать немного денег, не вставая с постели.

Я получила статус «нервной больной» и решила для себя использовать его до конца своих дней. На Кубе нет ничего лучше, чем быть официально признанным нервным больным. Это дает человеку определенные привилегии. В частности, он освобождается от многих обязанностей.

В моей палате стоял телевизор и видеомагнитофон.

Вечером мне выдавали пропуск, и я отправлялась на съемки

кубинского фильма, который снимал испанский актер Иманол Ариас. Я участвовала в массовке и, кроме того, перенимала у визажистки Магали Помпы великое искусство макияжа, которое, используя игру теней, позволяло до неузнаваемости менять лицо. Бледная от усталости, но счастливая, утром я возвращалась в госпиталь и сразу же отправлялась на тренировку к моему черному боксеру.

Я была избалованным ребенком госпиталя, и мне это очень нравилось. Я хотела бы остаться там на всю свою жизнь, если бы не скучала так сильно по своему троллю.

* * *

Именно из-за тролля я снова оказалась во дворце Революции после того, как покинула земной рай в образе госпиталя. Фидель еще не исчерпал любопытства в вопросе о роли своих генов в моем происхождении, а он не любит незаконченности.

— Ты такая худая! Почему ты так похудела?

— Регуаферос превратил меня в бегунью на длинные дистанции.

— Это хорошо. Это просто замечательно. Ты хочешь бутерброд? Здесь очень вкусные бутерброды. А кофе с молоком выпьешь?

— Может, лучше выпьем немного виски?

И мы выпили виски.

— Как дела у малышки?

— Очень шаловливая. Настоящий домовой. Уже подросла.

— Хорошо ест?

— Это еще мягко сказано. Она просто обжора.

— У детей должны быть свои собственные холодильники. Питание для новорожденных следует хранить отдельно. Так, чтобы никто к нему не прикасался. Представь себе, я сейчас изучаю медицину.

Этого я не знала, но не удивилась. Я представила себе, как его будущие речи будут пестрить медицинскими рекомендациями.

— Я пришлю тебе холодильник для хранения детских продуктов. Ты должна знать, что я куплю его на свои собственные деньги, хоть сейчас их у меня и не слишком много. Мне пришлось недавно порядком поистратиться. Дело в том, что Фиделито возвращается из Советского Союза. Ему с женой нужно устроиться и немного развлечься.

— Конечно, конечно.

— Но к холодильнику это отношения не имеет. Раз я пообещал, то обязательно его пришлю. Мне хотелось бы еще помочь тебе. Ведь малышка во многом нуждается. Восемьдесят песо, это не слишком мало?

Аллилуйя! Если эту сумму увеличить в три раза, то я смогу заплатить за электричество.

— То, что нужно!

— Из-за чего у тебя появились все эти нервные недомогания?

— Не знаю. Я стала полнеть в то время, когда вокруг начали происходить разные неприятные события — перуанское посольство, акты отречения… А когда все утряслось, я потеряла много воды.

— Проклятие… Все это омерзительно… Но зато мы избавились от кучи сумасшедших и преступников. Пусть янки разбираются с ними!

— У меня постоянное ощущение, что я нахожусь в дурном месте. Я хотела бы уехать отсюда.

— Уехать? Куда? Покинуть Кубу? Даже не думай об этом! Это могло бы иметь непредсказуемые политические последствия.

— Ты мне говорил то же самое, когда мне было одиннадцать лет и семья Вифредо Лама пригласила меня во Францию. Это было за три года до их отъезда с Кубы.

— В чем ты действительно нуждаешься, так это в отдыхе.

— Мой отдых длится уже целых четыре месяца.

— Ты останешься во дворце до тех пор, пока не окончится учебный год. Потом посмотрим, куда тебе пойти учиться в новом году. Нужно признать, что вся эта затея с дипломатической карьерой — полнейшая глупость.

По крайней мере, мнения Фиделя и дяди Бебо по этому вопросу совпадали.

Отец снял трубку телефона и сообщил, что я оставляю учебу в Дипломатической школе.

Мое пребывание во дворце было подчинено плану, разработанному для оказания помощи новому протеже Фиделя. Им был некий Вилли, сын Гильермо Гарсии, того самого господина, который опустошил водопровод Нуэво Ведадо, чтобы наполнить свой собственный бассейн. Речь шла о том, чтобы обедать в компании с тщательно отобранными людьми и изучать под руководством преподавателя русский язык.

— Если ты хочешь помочь этому парню, найди ему хорошего психиатра. Это профессиональный лжец, — сказала я спустя непродолжительное время Фиделю о Вилли.

— Я не нуждаюсь в твоих советах. Мне необходима твоя помощь. Да, кстати, в какое время мне лучше прийти, чтобы

познакомиться с малышкой?

— Лучше я сама ее приведу. Мне хотелось бы обойтись без столкновений с бедняками квартала.

Когда я привела к нему тролля, одетого в синтетические кружева, он ждал нас в коридоре. Он нагнулся к малышке, разведя руки, как это делал папа Орландо. Мюмин бросилась бежать, потом остановилась, посмотрела на него внимательней и, вцепившись в подол моей юбки, обежала полукруг.

* * *

Среди завсегдатаев маленькой столовой дворца были Османи Сиенфуэгос, брат одного из героев Революции; Монтане, министр несуществующих путей сообщения, его сын Серхито, пользовавшийся большой популярностью у женского пола до злополучной операции на мозге, после которой он впал в детство и лишь теперь понемногу выкарабкивался из этого инфантильного состояния; Фаустино Перес, отец моего бывшего дружка, который носил потертые джинсы и сапоги с бахромой; Шоми, новый глава кабинета Фиделя; Селия Санчес в мужской одежде а ля Мао Цзэ-дун; Вилли собственной персоной, всем известный лгунишка; и я, единственная женщина среди присутствующих, кроме служащей, накрывающей наш стол.

Они были очень рады моему обществу. Так рады, что я стала причесываться и одеваться на манер хиппи, чтобы меня не воспринимали слишком всерьез.

Стол на восемь персон находился в маленьком зале. Справа от каждой тарелки лежали разные таблетки, одни из которых были предназначены для повышения внимания, другие — для повышения потенции. Старый Монтане, не так давно вновь став молодоженом, поглощал таблетки, превосходя все допустимые нормы.

За столом говорили о разном.

Монтане: Картера переизберут! У Рейгана нет ни малейшего шанса!

Его сын (блеющим языком): Мм… мм… но па… па… папа, что… что ты… что ты говоришь?

Другой из присутствующих: Евреи и черные настроены против него со времени скандала с Эндрю Янгом. Против него — деньги! Его ни за что не переизберут! Ни в этой жизни и ни в какой другой!

Монтане: Вот увидите! Вы сами увидите!

Мы все увидели, что Картера не переизбрали и что Монтане

был назначен советником Фиделя по странам Латинской Америки.

А я продолжала каждый раз менять прическу и одежду.

* * *

Преподаватель русского языка был альбинос с беспрестанно моргающими глазами. Наверное, на его органы зрения очень отрицательно влиял бесконечный путь в переполненном автобусе из одного конца Гаваны в другой. Это утомительное путешествие совершалось им ради того, чтобы обучать русскому языку папенькиных сынков. Занятия он воспринимал как очень серьезное задание, значимость которого еще больше возросла с тех пор, как на уроки стал приходить Фидель. Видно было, что учитель очень волновался, потому что его белая тонкая кожа сначала краснела, а потом становилась прозрачной.

Присутствие на занятиях Фиделя принесло и мне радость, хоть и сильно запоздавшую во времени. Наконец-то мой папа пришел посмотреть, как я учусь! Вероятно, присутствуя на уроках русского языка, мой отец думал о моем загубленном детстве, потому что через некоторое время он стал регулярно отправлять за мной своих помощников. Я приходила в его кабинет. Полумрак больших комнатных растений и выпитый виски располагали к доверительным беседам. Несмотря на облик хиппи, я была по сути Нати номер два. Прическа и одежда в данном случае играли роль маскировки, не более того. Что касается общественного сознания, оно так же беспощадно терзало меня, как и мою Нати.

— Ты же пошутил, когда говорил мне, что Монтане будет советником? Или ты назначил его на этот пост, чтобы убрать подальше от себя?

— Ну что ты, в самом деле? Чучо — очень трудолюбивый человек!

— Мама работает намного больше, чем он, и что с того?

Впрочем, Монтане недолго продержался на своем посту.

Издание плагиатов Нуньеса Хименеса продолжало оставаться для меня главным источником доходов.

— Эта книга, которую он сейчас пишет, — сплошной стыд. Я говорю о книге «Вперед с Фиделем». Можно подумать, что Революцию совершил он.

— Ну и что от этого? — ответил Фидель. — Из трехсот тысяч песо, которыми оценивается авторское право на эту книгу, половина будет принадлежать мне Чем тебе не нравится Хименес? Он очень умный, интеллигентный. Кстати, ты знала,

что угри водятся в Саргассовом море?

— Нет, не знала. Но если перед тем, как прийти к тебе, нужно прочитать две-три статьи из энциклопедии…

Что меня всерьез смущало, так это то, что наши утренние разговоры с Фиделем на следующий день превращались в слухи.

— Ты ведь не разрешишь издавать эту книжечку? Я имею в виду «Беседы Фиделя Кастро и Гарсиа Маркеса»?

— Почему? Что в ней так тебя настораживает?

— Читая эту книгу, можно подумать, что вы проводили все время в разговорах о еде… Ну вот, например: «Лангусты, карабкающиеся по мебели Габо…» Куда это годится? Чтобы увидеть лангуста, рядовой кубинец должен пойти в аквариум.

Я хотела найти смысл в событиях, происходящих в нашей стране:

— Почему ты отправил в тюрьму этих несчастных ремесленников? Разве продавать деревянные ходули и брезентовые куртки — это преступление?

— Государство не должно лишиться монополии на торговлю!

Все закончилось очень печально, когда я спросила Фиделя о том, как государство относится к существованию черного рынка в магазинах, где оплата совершалась в долларах. Через неделю после того, как я вслух поинтересовалась этой проблемой, весь персонал одного из магазинов оказался в тюрьме.

Быть выразителем общественного мнения и нужд нации оказалось для меня слишком тяжелой миссией. Самым печальным было то, что все мои замечания и возмущения не давали положительных результатов. В лучшем случае, они оставались незамеченными.

— Почему ты ни разу не взял меня с собой на воскресную рыбалку?

— Потому что я хожу на рыбалку, чтобы отдохнуть.

Мало-помалу я опять превратилась в простую слушательницу. С моей стороны было гораздо умнее не приставать к нему с требованиями и обвинениями, а слушать его рассказы о последних достижениях коровы по кличке Белое Вымя, которая давала так много молока, что попала в книгу рекордов; об успехах его младшего сына Анхелито, который должен был окончить школу на три года раньше. Или о его новых кулинарных достижениях. Фидель с удовольствием рассказывал мне обо всем этом. Я пыталась рассказать ему о своих личных делах, но это его, похоже, не интересовало:

— Я хотела тебе сказать, что скоро выхожу замуж…

— Бери орехи. Они совсем свежие. Их недавно прислал мне Агостиньо Него. Я предлагаю тебе не слишком много, потому что

он прислал только ящик. Я уверен, что ты никогда не пробовала жареных тыквенных семечек. Готовятся они очень просто: в чугунный котелок наливается растительное масло, как для поджаривания кофейных зерен, семечки обжариваются до золотистого цвета, и шелуха трескается…

И все-таки он услышал мое сообщение об очередном замужестве, потому что через некоторое время спросил:

— Кстати, кто твоя будущая жертва?

Утром я уходила с двумя банками из-под майонеза, наполненными орехами и тыквенными семечками. Я с наслаждением их жевала и говорила себе, что если верно утверждение моей мамы о том, что «благородные умы находят друг у друга понимание», то мой ум очень далек от благородства. Его можно назвать излишне плебейским, поскольку мне не дано было понять рассуждений и умозаключений, которые излагал Фидель.

То существование, которое я тогда вела, никоим образом нельзя было назвать нормальной жизнью. Мне приходилось быть кем угодно, только не собой. Я была приходящей няней для Вилли и самкой для этих старых похотливых обезьян. Я была мусорницей, в которую сбрасывали жалобы и недовольства. При этом я была предметом особого внимания для службы Госбезопасности. И не удивительно: ведь теперь я находилась в непосредственной близости от Команданте, а это означало, что в действие вступали нерушимые правила системы безопасности. За мной следили двадцать четыре часа в сутки. Мой телефон постоянно прослушивался. Однажды вечером Фидель послал за мной, чтобы сообщить свои планы по поводу моего будущего учебного года. Когда я услышала слова «компьютер» и «информатика» и поняла, что это имеет отношение ко мне, я почувствовала явный симптом возвращающейся болезни — мне захотелось спать. За этим следовало ожидать и другие проявления моего заболевания. Это меня очень насторожило. Позаимствовав богатый опыт мудрого Вилли, я уклонилась от ужина во дворце. Момент мятежа настал: я собиралась всю ночь тренировать моих ангелов-хранителей в исполнении гаванской румбы и рассчитывала, что не дам им сомкнуть глаза до рассвета. Наверное, не слишком мудро следовать своим внезапным порывам, но мне очень уж надоела моя жизнь во дворце Революции. Мне надоело играть роль куртизанки.

Моей «будущей жертвой» оказался один влюбленный никарагуанец, с молоком матери впитавший сандинизм. Ради возможности покинуть Кубу я готова была броситься навстречу второй революции в компании с этим скучным и суровым

молодым человеком. Фидель был прав. Это и в самом деле была еще одна жертва.

* * *

Наступил субботний вечер. Великая ночь моего мятежа неумолимо приближалась. Выбирая место проведения восстания, я остановилась на отеле «Ривьера». Я сказала своему приятелю, что собираюсь навестить подружек. Своего спящего маленького домового я перенесла к маме, переоделась в гараже.

Мне необходимо было провести ночь, любуясь красивыми танцорами и наслаждаясь музыкой. Мои ноги хотели танцевать до того благословенного часа, когда чиновники начинают храпеть, а простые люди — получать удовлетворение от жизни.

За соседним столиком сидел мужчина. Рядом с ним никого не было. Добрую половину ночи я смотрела то на танцплощадку, то на этого человека. Мы обменивались взглядами, до краев переполненными ненавистью. Эта ненависть была так велика, что из кабаре мы вышли вместе. Все произошло у входа в отель. Он пошел за мной, хмурясь и не произнеся ни слова. Мы приступили к осуществлению диалектических законов на практике… Мы превратили ненависть в любовь с помощью внезапного и бесконечного поцелуя, который нас удивил и от которого у нас обоих перехватило дыхание. Так мы в течение целой недели переходили от одного удивительного открытия к другому, обходясь лишь международным языком ласки и нежности. Казалось, что предмет моей любви изготовлен золотых дел мастером по моему индивидуальному заказу. Это было какое-то волшебство! Мы даже родились в одном и том же году, в один и тот же час. Нас разделяли только широты. Мы наслаждались всеми поэтическими сокровищами, которые рождает страсть, не боясь выглядеть при этом смешными. Мы творили любовь, как боги творят чудеса. И до конца своих дней я буду поднимать свой бокал за этот безумный порыв, бросивший в объятия друг друга двух незнакомцев в городе судьбы.

Гавана приняла нас в свои объятия, предоставив нам возможность жить полной жизнью. Мы уже приближались к неизбежным в такой ситуации клятвам в верности и любви до гробовой доски, когда нас разлучила полиция.

Служба Госбезопасности предоставила мне неделю отпуска. И эта неделя была самой напряженной, самой наполненной, самой безоглядной и самой счастливой во всей моей жизни. Я стояла, прижавшись всем телом к своей Пизанской башне и любуясь

морем из сада отеля «Националь». Я испытывала необыкновенное ощущение легкости, когда вдруг железная рука схватила меня и оторвала от моей Пизанской башни:

— Вы арестованы!

— Что?

— Вы арестованы за то, что посещали иностранца. Это расценивается как проституция! И ведите себя благоразумно, если хотите избежать большого скандала!

Вероятно, я была единственной проституткой, к которой кубинская полиция обращалась на «вы». Меня доставили в полицейский участок, не допуская по отношению ко мне никаких вольностей. Все было очень вежливо и пристойно. Меня не стали бросать в камеру, а вместо этого усадили на гранитную скамейку в коридоре, так что я имела счастье созерцать обычные для всех полицейских участков мира зрелища с привычным набором оскорблений, грубости, садизма. Сидя на скамейке, я стала ожидать наступления новогодней ночи и Нового года, в то время как четверо полицейских поочередно допрашивали меня. Через три дня меня выпустили, передав шоколадные конфеты «для малышки» и молча сопроводив до самого дома.

* * *

Я ходила по квартире, дожидаясь времени, когда нужно идти в детский кружок за моим троллем. Я переваривала нанесенное мне оскорбление и собственное бессилие, когда зазвонил телефон. Это был взбешенный Пепе Абрантес:

— Я запрещаю тебе выходить из дому! Ты вызвана в резиденцию!

— Тебе осталось бросить в тюрьму только собственную мать, сукин ты сын! — разъяренно крикнула я и бросила трубку.

В это время раздался звонок в дверь. Я пошла открывать и с удивлением увидела на пороге Шоми. Вероятно, политбюро сверяло по мне свои часы.

— Ты прекрасно знала о том, что он итальянец! Ты вела себя, как проститутка… Ты нанесла своему отцу глубокую рану.

Я стала вести себя крайне непристойно:

— Как проститутка? Как проститутка, говоришь? Из нас двоих не я проститутка, а ты, ты, педик несчастный! Я-то прекрасно понимаю, в чем дело! Ты просто ревнуешь! Ты сам бы хотел оказать интимные услуги этой итальянской штучке! Что? Может быть, я ошибаюсь? А? Вали отсюда поскорей и передай Фиделю, чтобы он засунул себе в задницу таких вонючих

посредников, как ты и тебе подобные! Ты все понял или на пальцах объяснить?

Поскольку Шоми был оглушен моей реакцией и стоял в оцепенении, мне пришлось помочь ему найти дорогу к выходу и вытолкнуть за дверь.

Мама нервничала:

— Я думала, что тебя арестовали во время попытки покинуть страну.

До сих пор я помню то ощущение космического по своему размаху поражения: я, наконец, встретила свою половинку, но темные силы отняли ее у меня, схватив железными когтями.

Я не хотела больше ничего знать и слышать об этом персонаже олимпийского масштаба, который неспособен был защитить собственную дочь от своих же наемников.

* * *

В то время, когда Гавана еще не превратилась в радостную сексуальную гавань, а Варадеро — в цветущий рай венерических заболеваний, женщина, арестованная в компании с иностранцем, приговаривалась к четырем годам тюремного заключения за поведение, представляющее угрозу государству. И хоть мне не пришлось испытать на себе подобное благодеяние, имеющее целью перевоспитание личности, я все же была наказана за свое неразумное поведение: я лишилась своей издательской работы, а кроме того, никто не хотел брать меня на другую работу, не обсудив эту проблему в вышестоящей инстанции.

Мама ратовала за мое возвращение к дипломатической карьере, предлагая пойти на вечерние курсы для рабочих. Она даже взяла на себя все заботы о Мюмин, которая в это время пополняла свой словарный запас новыми словами, такими, например, как «монструация», отсутствие которой почему-то заставляло женщин немедленно обращаться к гинекологу.

Моя дочь росла в закрытой и изолированной стране, где не было книг, свободной прессы, одежды, фантазии, денег, но где было необыкновенно много шпионов и доносчиков, успешно заменявших отсутствие компьютеров в полицейских участках.

Что сделать, чтобы моя дочь, моя маленькая Мюмин, избежала всего того, что пришлось испытать мне — трудного детства с туфлями на два размера меньше, болезни, которая возникает от недостатка любви и друзей, и многого другого, что мешало мне нормально жить?

Мне не хватало основного ингредиента, позволявшего

миллионам кубинцев держаться в этих тяжелых условиях. Мне не хватало последней надежды, которая не давала пойти ко дну многим моим соотечественникам, — надежды на то, что Фидель сделает, наконец, их жизнь лучше. Но у меня не было и фатализма, который мы, кубинцы, унаследовали от испанцев и от рабов. Ни надежды, ни покорности судьбе… Без этого жить на Кубе было невыносимо.

Жизнь на Кубе — это течение, которое вас захватывает и которому вы вынуждены подчиняться. Вырваться из него очень трудно. Мне понадобилось несколько месяцев для того, чтобы найти в себе силы воспротивиться мощному прессу, стремящемуся всех кубинок превратить в Новых Женщин.

Это произошло однажды вечером, когда я из-за болезни преподавателя смогла прийти домой, чтобы присмотреть за своим троллем во время ужина. Когда я стала ходить на курсы, моя девочка большую часть времени проводила у своей бабушки, предоставив мне, таким образом, больше возможностей для успешной учебы. Но, войдя в дом, я не обнаружила своего тролля.

— Где Мюмин?

— У Мерседес.

— Что она там делает?

— Ест.

— Она ест в этом храме чревоугодия? Ты хочешь, чтобы ей испортили кожу лица так же, как это в свое время сделали с ее отцом?

— У меня нет времени ей готовить.

— Что ж, в таком случае у меня нет времени ходить на эти бесполезные курсы.

В этот вечер я забрала своего домовенка к себе и стала размышлять о том, что делать дальше. Как я могла бы зарабатывать на жизнь незаконным путем, но так, чтобы это не слишком бросалось в глаза?

Сначала я, особенно не афишируя, занялась торговлей. Я собрала в нашем квартале старую обувь, отремонтировала ее, украсив кусочками ткани или кружев, и затем продала все это. После обуви наступил черед бижутерии: из осколков стекла, проволоки, бусинок и зерен я мастерила серьги и другие украшения. Но долларов катастрофически не хватало. Не имея мужа и родственников за границей, невозможно накормить, одеть и обуть четырех женщин, рассчитывая только на карточки: две банки сгущенного молока в месяц, пакет сахара, два куска мыла и пачка стирального порошка…

Чтобы получать доллары, нужно было стать проституткой, внедрившись в сложную сеть ночной жизни гаванских отелей, в

которых иностранцы оценивали кубинок, словно коров и свиней на ярмарке.

Но за мной неустанно следил шпик. Он не отпускал меня ни на шаг, делая мою и без того нелегкую жизнь еще более сложной. Получать доллары менее рискованным способом можно было через аккредитованный дипломатический корпус. В этом случае валюта поступала бы регулярно и с меньшим риском для меня. Так у меня появился любовник из дипломатического корпуса. Соблазненный моим танцем живота, мой алжирец, как истинный джентльмен, предложил мне стать его третьей женой, что заставило меня подумать об отставке.

Я стала искать другие способы получения денег. Мне пришла в голову мысль уговорить маму продать картину Вифредо Лама. Мне необходимо было найти щедрого и богатого иностранца, кого-нибудь из тех, кто с такой же легкостью проходит кубинскую таможню, с какой другие переступают порог собственного дома.

Я переживала нелегкое время. От Команданте мне поступило только два предложения с работой: в одном речь шла о министерстве культуры и его планах относительно отеля «Habana Libre»; второе было связано с подпольным изданием научной литературы. Скользкая сторона этого дела состояла в том, что книги переводили с английского языка и издавали, самым грубым образом нарушая авторские права. Ни одно из этих предложений я не хотела принимать, потому что они исходили от Фиделя.

Абрантес, имеющий в недавнем прошлом отвратительную привычку звонить мне с утра пораньше, чтобы поговорить о творчестве Кальдерона де ла Барки или Эмиля Золя, в зависимости от того, какой период — французский или испанский — он проходил, приобрел еще более отвратительную привычку останавливать машину перед моим домом, дико визжа тормозами. После одного из таких его шумных визитов мне пришлось отправить из своей квартиры одного своего друга, модельера, потому что его пребывание у меня было расценено как аморальное.

— Об этом говорили товарищи на собрании партячейки Национального банка. Они спрашивали, как это могло произойти, что дочь Команданте держит у себя в доме этого рисовальщика мод.

— Только этого не хватало! Неужели теперь дошли до того, что критикуют Фиделя. Это, конечно же, большой, шаг на пути к демократии.

— Это не твое дело. Но если ты не изменишь направление, этим займемся мы.

Итак, теперь мне не нужно было заботиться о свей морали,

поскольку этим занимались министр внутренних дел и личная охрана Фиделя. В другой раз Абрантес приехал ко мне, чтобы сказать, что я общаюсь с «нежелательными элементами». Более точно он не смог определить ту категорию людей, с которыми я встречаюсь. Моя жизнь находилась под пристальным взглядом Абрантеса и многих других.

* * *

После двух лет молчания внутри Команданте щелкнула какая-то кнопка или, может быть, вновь засветилась какая-то лампочка, отвечающая за заботу о дочери, и он вновь отправил к нам солдата, который всегда приходил к нам только с хорошими новостями. На этот раз Соса принес нам конверт с восемьюдесятью песо и три пакета по случаю Нового года.

Фидель передал гигантского индюка, пару килограммов черной фасоли, четыре бутылки красного алжирского вина и несколько биографий Стефана Цвейга. На дне пакета в индюшачьей крови плавала открытка с короткой надписью.

— Скажи Фиделю, чтобы он засунул все это…

— Я даже слушать этого не желаю! Я ничего не собираюсь относить назад, и себе оставить это я тоже не могу. Не веди себя по-глупому! И не создавай мне лишних проблем.

Мюмин росла под постоянным обстрелом со всех сторон. Матриархи, живущие в доме напротив, стали в оскорбительной форме выражать свой протест против моего образа жизни. Ту жизнь, которую я вела, они расценивали как бесполезную и бестолковую. При этом они не учитывали, что именно мне и моему образу жизни они обязаны всем своим имеющимся комфортом и всеми материальными благами.

Я продолжала накапливать в себе горечь и злобу. Я переживала тот период жизни, когда человек прекращает разбираться в том, кто есть он и кто есть окружающие его люди. На данный момент эти тонкости меня не интересовали.

Индюк, которого принес Соса, оказался в доме у Пабло Армандо Фернандеса, одного из тех завербованных поэтов, которых мой ныне покойный учитель Гальбе цитировал в своих «очаровательных трупах» кубинской поэзии. Для чего я поехала на новогодний вечер к Фернандесу, я не могла бы сказать и теперь. Уж во всяком случае не из-за чревоугодия: я была вегетарианкой больше, чем пальма. Может быть, мне просто хотелось побывать везде, куда можно сунуть свой нос на Новый год. Больше двух часов я прождала такси, неутомимо меряя

двадцать шестую авеню журавлиными шагами. На Кубе такси являются приоритетом иностранцев. Наконец, возле меня остановилась «лада» серебристо-голубого цвета. Мы уже поднялись на мост, когда водитель бросил руль и принялся управлять моей грудью.

— Madre mia! До чего же они хороши! Они у тебя такие мягкие, такие нежные, такие приятные!

— Ах ты, сукин сын! Немедленно прекрати, или мы врежемся куда-нибудь! Ты слышишь меня? Идиот! Это не сиськи, а вата!

Моя застарелая анорексия только что спасла меня от изнасилования, и я не восприняла этот инцидент как зловещее предзнаменование.

Я вошла на кухню Пабло воинственным шагом победительницы и, обнимая хозяйку дома, услышала голос, модуляции которого мне показались несколько фамильярными. Было ощущение, что этот голос исходит из какой-то другой жизни:

— Кто эта женщина с грустными глазами?

Голос принадлежал человеку, двухдневная щетина которого и смешной костюм не лишали его элегантности. У него была розоватая кожа, свидетельствующая о хорошем средиземноморском питании, и великолепная выправка. В нем было что-то от тех статуй, для грации которых не имеет значения возраст. Все в нем было сильным. О, эта истерия страстей!

Мы провели у Пабло превосходный вечер, насыщенный алкоголем и расспросами. В конце вечера мы уже знали друг о друге все. Или почти все. На следующий день мы были на балконе одного из домов улицы Пасео в Ведадо. Он созерцал море и затуманенный горизонт, за которым находились две непримиримые Америки. А я смотрела на террасы, словно изъеденные проказой, с торчащими антеннами и резервуарами из этернита, поставленными для того, чтобы хоть немного сгладить трудное положение с водой. Закончив краткий рассказ о моем существовании, я сказала ему:

— Вот, это и есть я.

— А я — это вот что, — ответил он мне, протягивая брошюры Общества анонимных алкоголиков. — Я даже не знаю, почему начал пить.

Эти причины не имели для меня ровно никакого значения. Ему хотелось сбросить груз со своей души, поэтому он мне стал рассказывать об этом. Он стал пить в восемнадцатилетнем возрасте.

— Я никогда тебя не оставлю одну, — сказал он мне.

И я ему поверила.

Я провела его в аэропорт. Этой ночью в полудреме моя душа странствовала. Я присутствовала на празднике, где у всех маленьких девочек головы были украшены звездами из металлической проволоки, покрытой белой оболочкой, а мужчины были одеты в черные костюмы с белоснежными воротничками. Мне так нравилось быть участницей этого праздника. Все герои моего сна стали в большой хоровод, как вдруг зазвонил этот проклятый телефон. Обычно его пронзительный звонок смешивался с фамильярным воркованием министра внутренних дел, каждый раз доводя меня до предынфарктного состояния. Но на этот раз я услышала другой, совсем другой голос. Это был он. Он хотел мне еще раз сказать, что никогда не покинет меня. А еще он пообещал представить меня в Баскском центре всем, от мэтра до кассира:

— С удовольствием! Да. Да-ааа! С удовольствием! Конечно. Конечно-оо! С удовольствием!

Мы горланили, как очумелые кошки, наши громкие голоса разрывали тонкую ткань тишины кубинской ночи.

Когда спустя две недели моя любовь вернулась ко мне, я стала большим авторитетом в области изучения алкоголизма и превратилась в существо, источающее в огромных количествах любовь, милосердие и полное доверие. С помощью волшебных микстур, а также ласки и нежности я помогла своему любимому пробыть все эти дни в сухом доке.

Мой любимый был слишком умным человеком, который когда-то сбежал от жизни. Учась в London School of Economics, он занимался общественно-политической деятельностью, примыкая к левым партиям. Это происходило в то время, когда мама с покорностью к судьбе воспринимала измену последнего кубинского посла в Лондоне, а я играла со своими Барби.

Он организовывал студенческие демонстрации против происков империализма и, благодаря близости с марксистской элитой, получил возможность заниматься на Кубе тем, чем он хотел. Так, например, он организовал центр университетских обменов.

— Чему могут научить кубинские экономисты своих английских коллег, если на острове полностью отсутствует экономика?

— Ба! Об экономике ничего толком не знают ни кубинцы, ни англичане. Дело совсем не в этом!

— А в чем же тогда?

— Благодаря нашему центру кубинские экономисты смогут хотя бы иногда приезжать в Мексику.

Он был человеком редкостной культуры и к тому же

прирожденным учителем. Я постоянно чувствовала себя с ним, как на экзамене. Я помогала ему не поддаться mojitos и другим алкогольным соблазнам, а он смотрел на меня словно на павлина, распускающего хвост, когда я проявляла беспокойство по поводу постоянной слежки за мной. Эта боязнь уже давно превратилась у меня в манию преследования. Я наотрез отказывалась показываться с ним вместе на людях или приходить к нему в отель, потому что до ужаса боялась ареста, наручников и тюрьмы.

— А если я приглашу тебя в свою страну, Алина? В менее напряженной атмосфере, чем здесь, мы могли бы лучше узнать друг друга.

— У меня есть предчувствие, что если ты еще раз заговоришь о своем приглашении, то больше никогда не вернешься на Кубу. Я уж не говорю об экстравагантной идее моего отъезда.

— Что ты имеешь в виду, говоря об экстравагантности?

— Мне не разрешат уехать.

— Почему ты так считаешь? У меня в гостях побывало так много людей!

— Да, но со мной все не так просто. Меня не выпустят даже в Эфиопию. Дай мне немного времени. Страх не может длиться вечно.

Он торопился переделать свою жизнь. Он никогда не был женат. Да и я, если можно так выразиться, почти не была замужем. Все эти предыдущие браки рассыпались, как карточный домик. Казалось, что на самом деле их никогда и не было. Мне, как и ему, хотелось стабильной семейной жизни, но я не хотела раздавить его всеми этими бесконечными бюрократическими процедурами. А без них нельзя было обойтись, если бы мы решили пожениться.

Я забыла сказать, что его звали Фиделем.

* * *

Министр внутренних дел открыл новый департамент по вымогательству денег: Интерконсульт.

Эта контора брала на себя обязательства ускорить процесс получения визы тем семьям, чьи родственники за рубежом могли заплатить более пятидесяти тысяч долларов за каждого человека. Агенты устанавливали на местах платежеспособность родственников, и после этого выдавалась виза на выезд в США или одну из стран Латинской Америки.

Брак иностранцев с кубинскими гражданами обоего пола

стоил две тысячи долларов и мог быть заключен только после получения письменного разрешения министра юстиции. Когда процедура затягивалась, два министерства сталкивали вину друг на друга. Люди ходили из одного министерства в другое, из одного кабинета в другой и, несмотря на то что деньги уже были уплачены, не могли добиться справедливости. По вине этих инстанций очень многие супружеские пары не имели возможности соединиться. То же самое происходило и с многочисленными семьями. Людям приходилось обращаться в суд.

Чтобы успешно пройти через это чиновничье сито, необходимо было обладать незаурядными дипломатическими способностями и хорошо развитым чувством юмора.

Я присела на свой серо-голубой диван в декадентском стиле и стала размышлять, разрабатывая план операции.

Во-первых, мне нужно было каким-то образом вмешать в это дело мою семью. Далее, использовать телефон. И, наконец, найти посредника.

Тетя Вильма и дядя Рауль должны были в скором времени уехать в Германию для участия в похоронах какого-то крупного партийного и государственного деятеля. Я дождалась того момента, когда до отъезда оставалось совсем мало времени.

Вильма собирала чемоданы, предвкушая впечатления от предстоящего путешествия и с удовлетворением думая о том, что за морем о ней знают как о великой представительнице женского движения Кубы.

— Тетя, я пришла, чтобы сообщить тебе о своем решении.

— Да, я слушаю — сказала Вильма, без особого удовольствия отрываясь от мыслей о скором путешествии в Европу.

— Тетя, я собираюсь выйти замуж.

— Еще раз? — вяло поинтересовалась она.

— Все, что было до этого, — не в счет. Принуждение, беременность. Ты ведь сама обо всем прекрасно знаешь.

И я рассказала ей более подробно о своем кандидате в мужья.

— Надеюсь, ты собираешься выйти замуж не для того, чтобы покинуть Родину?

Политическая бдительность — в первую очередь. Этого у тети Вильмы не отнимешь. Как, впрочем, и у дяди Рауля.

— Мой жених всегда симпатизировал кубинской революции. Это факт общепризнанный. И потом, Куба и Мексика — дружественные страны, не так ли? Что плохого в том, что я смогу туда уезжать и приезжать обратно?

— А как же Мюмин?

— А что Мюмин? С ней не будет никаких проблем. Она будет

учиться в английской школе. Он ведь учился в Лондоне. Он любит два острова в мире — Великобританию и Кубу. Можешь сказать все это Фиделю. Уверяю тебя, у меня до сих пор нет номера его телефона. А мне бы не хотелось, чтобы он неверно все истолковал.

— Но мы завтра уезжаем. Я не смогу ничего сделать до нашего возвращения.

Аллилуйя. Главное было сделано. Теперь остались мелочи. Я позвонила в несколько мест, выдавая себя за руководителя какого-нибудь ведомства, а мой друг-соучастник, тоже по телефону, представлялся заместителем директора какого-нибудь другого ведомства. В конце концов мы создали неразбериху во всех этих службах.

Когда вернулся мой жених, одетый с иголочки, все уже было готово к свадьбе. Интерконсульт и министр юстиции оказались под мощным прессом телефонных звонков от Верховного Команданте.

Мы поженились двенадцатого апреля. Об этом я никому не сказала. Если хочешь чего-то достичь, иногда приходится плутовать. Когда Рауль и Вильма вернулись с правительственных похорон, мы уже были расписаны.

Мы *с* мужем сидели на кухне, когда мама, открыв дверь своим ключом, вошла в квартиру.

— Я пришла посмотреть, все ли в порядке.

Она опасалась последствий алкогольной зависимости моего супруга.

— Мама, мы хотим тебе кое-что сказать. Дело в том, что мы с Фиделем поженились.

— Вы поженились? Невероятно! Ты вышла замуж за иностранца в Гаване! Нет, этого просто не может быть!

И она посмотрела на небо через окно в кухне, словно отыскивая какое-то забытое божество в ее атеистическом пантеоне. Она воздела руки, вознося к Небу единственную в своей жизни молитву. Во всяком случае, ни до ни после этого я ничего подобного от нее не слышала.

— Благодарю тебя, о Боже! Наконец! Наконец! Спасибо, Фидель! Посмотрим, удастся ли ей теперь покинуть Кубу!

И она ушла.

Бабушка Натика выразила свое отношение к происшедшему событию довольно сентенциозно:

— Я поздравляю вас, дети. Но у тебя, Фидель, насколько я знаю, проблема с алкоголем? Мой покойный Маноло, к счастью, не был буйным, но испортить мне жизнь он все-таки смог.

Мюмин наградила нас звонкими поцелуями и спросила:

— Так значит теперь я увижу Новый Мир?

Боевой настрой моих женщин несколько поубавил энтузиазма и удали у моего нового мужа. Но это были лишь цветочки. Ягодки ждали нас впереди.

* * *

Мы встретились с Вильмой в Федерации кубинских женщин. Она очень нервничала.

— Твой отец оскорблен.

— Ну что же.

— Что, «ну что же»?

— Ну что ж, в этом нет ничего нового.

— Ты создала кучу проблем двум министрам, Интерконсульту. Я уже не говорю о себе.

— Я не хотела этого.

— Теперь он хочет знать, кто твой муж и почему он на тебе женился.

— Скажи, что он женился на мне по расчету. Он думает, что у меня очень богатое приданое, как у Борджиа.

— Не будь циничной. Лучше помоги мне.

— Да, новости приятными не назовешь.

В кабинет пригласили моего мужа. Комната сразу наполнилась особыми, ни с чем не сравнимыми волнами, которые принято называть мужским обаянием.

— Очень хорошо, Фидель. Примите мои поздравления. Я очень счастлива, что вы поженились, но, по правде говоря, Фидель — я имею в виду не тебя, Фидель, а Фиделя Команданте — так вот, Команданте хотел бы знать твои намерения.

Мой Фидель проглотил пилюлю и назвал огромный список своих добрых намерений, многие из которых я слышала впервые.

— А как вы представляете себе возможность работать и жить здесь, на Кубе?

Мой муж никогда не прозябал в кабинетах. Когда империализм приобрел мультинациональный размах, он, будучи еще очень молодым, заработал уважение и почтение благодаря своим мудрым советам и предвидению. Он настоял на том, чтобы его семья продала свое предприятие раньше, чем разорится. Моего мужа трудно было обвинить в бездеятельности или в излишней перестраховке. Но жить постоянно здесь, на Кубе… Он представил себе свое существование здесь — с регулярным отсутствием газа и воды, с отключением электричества, с травмированными лунатиками, которые разбили мне окно за то,

что я не открывала дверь. Он представил свои нескончаемые походы в дипломатический магазин с длинными продуктовыми списками и бумажными стельками, на которых записаны размеры и цвета обуви для нуждающихся.

— Команданте хочет, чтобы вы представили ему свою биографию в письменном виде.

Команданте, вероятно, решил испортить ему жизнь.

* * *

Наступило время прибегнуть к услугам посредника. Лучшего, чем Габриэль Гарсиа Маркес, невозможно было найти. Лучшего просто не существовало в природе. Стоимость Нобелевской премии не идет ни в какое сравнение с щедростью кубинца номер один по отношению к знаменитому писателю. Объявив Маркеса своим лучшим другом, он на этом не остановился. Вскоре была отдана команда об основании Латиноамериканской школы киноискусства и специального фонда. Оба этих института освобождены от уплаты налогов, в результате чего государственная казна Мексики — страны, являющейся местожительством Маркеса, — несет постоянные денежные потери.

Во время пребывания Габо на Кубе Фидель предоставил в его полное распоряжение «мерседес» с водителем, возможность бесплатного проживания в любом отеле Кубы, а также дом, в котором он навещал его каждый вечер, заменив дружбу с двуглавой сущностью Нуньес Велис, название которой произошло от двух имен — Антонио Нуньес Хименес и Лупе Велис, — на более полезное общение с представителем международных интеллектуальных кругов.

Когда Габо предложил организовать праздничный рождественский ужин, коммунистическая олигархия пришла в невероятное движение. Она организовала умопомрачительные интриги в стиле Рокамболя ради того, чтобы получить приглашение на этот званый ужин. Тот, кто был приглашен в прошлом году, но не получил приглашения в новом, чувствовал себя обреченным, ожидая, что Домоклов меч вот-вот опустится на его голову в виде представителей службы Госбезопасности. Несчастный ждал, что его арестуют вместе со всей семьей за какое-нибудь преступление, о котором он сам не подозревал, но которое тем не менее могло быть раскрыто органами Госбезопасности.

Благодаря вмешательству Габо, этого доброго малого, Кубу

смогли покинуть по Международной Амнистии многие политические заключенные. Казалось, Маркес был единственным человеком, который мог заставить прислушаться к голосу разума гения Ка-рибского региона.

Он уже удостоил своей дружбой и поддержкой многих общих друзей и даже иногда находил для них работу. Так было в случае с Тони Байе Байехо, который был его личным секретарем до тех пор, пока не нашел себе где-то надежное прибежище.

Я верила в Габо и в его глубокое знание людей, о котором свидетельствовали его книги. Я пошла к нему.

— Габо, я влюбилась в одного мексиканца, и мы поженились.

Я рассказала ему всю историю.

— С Фиделем нельзя разговаривать о семье. Это запретная тема. Может быть, об этом попробовала бы с ним поговорить Мерш, моя жена. Скоро я с ней увижусь. Карамба! Я смог вытащить из дыры заключенных, приговоренных к одиночному заключению сроком на двадцать лет, но такую миссию я не мог себе представить. Я уже говорил, а теперь убедился еще больше, что Куба очень необыкновенная страна. Ты знаешь, чем кормят в Национальном зоопарке слона?

— Нет.

Я думала, что меня и слона из Национального зоопарка объединяют две вещи: мы оба живем на Кубе и оба вегетарианцы. Я ошибалась.

— Его кормят омлетом из девяноста девяти яиц. Почему не из ста? Какая-то мистика!

— Просто повар боится больше украсть. В конце концов каждый сходит с ума по-своему.

— Габо, ты любишь живопись?

— Конечно.

— А Вифредо Лама ты любишь?

Он обожал Вифредо Лама. Для него это была возвышенная кубизмом встреча китайца с карибской рабыней, предками которой были индейцы таино. Картина Вифредо «Джунгли», экспонирующаяся в Метрополитен-музее в Нью-Йорке, была оценена в миллион долларов. Вифредо Лам — это легенда волшебного реализма. Если Габо не добьется для меня отпущения грехов за мое замужество, то, может быть, он хотя бы купит «Женщину-лошадь», висящую в гостиной моей матери.

Если уж ему удавалось помочь пройти таможню заключенным, приговоренным к одиночному заключению, то картину он наверняка сможет перевезти.

* * *

Чтобы не остаться без защитников, я решила встретиться с Османи Сиенфуэгосом, наименее мумифицированным из всех тех, кто восседал в столовой дворца Революции. Мы с ним симпатизировали друг другу. Османи оказался смелым человеком: он был единственный, кто осмелился встретиться со мной в открытую, не назначая свидания за кладбищем.

Османи Сиенфуэгос был обязан своим высоким положением брату Камилио, бородатому герою Революции, одному из ее наиболее ярких лидеров. Его смерть была окутана тайной. Самолет, на котором летел Камилио, упал в море. Поговаривали, что это было дело рук Фиделя, который таким образом отделался от своего возможного соперника на последующих этапах Революции. Но, как бы там ни было, брат Камилио до сих пор был членом политбюро, а колоритные родители героя получали пожизненную пенсию за смерть своего сына. Им была предоставлена охрана, личный шофер, а также «альфа ромео». Старик, прозванный «крокодильчиком», гордо восседал на заднем сидении машины, надев на голову такую же шапку, какую когда-то носил его погибший сын.

Каждый год в день смерти Камилио дети шумной гурьбой выбегали из школы на берег моря и бросали в воду цветы в честь погибшего, которого они даже не знали.

Османи ответил мне почти так же, как Габо:

— Если случай предоставится, я попытаюсь что-нибудь сделать. Но особых надежд на успех не возлагай. Я очень хорошо помню, как он разъярился, когда ты собиралась выйти замуж за Йойи. Он готов был тогда всех растерзать.

— Ну и ну! А мне он тогда всего лишь рассказал о своем отношении к политическим заключенным.

— Не торопись. Дай ему время созреть. Кое-какие вещи до него со временем доходят.

— Я знаю. Это единственное, что их объединяет с моей матерью.

* * *

А вот что мне от имени Команданте ответила тетя Вильма:

— Фидель сказал, что он даст вам дом. Он говорит, что если твой муж любит тебя, он останется здесь, на Кубе. О твоем же отъезде в Мексику не может быть и речи. Он говорит, что это создаст политические проблемы. Еще он говорит, что если родители твоего мужа очень пожилые и не смогут жить одни, пусть он их перевезет сюда. Здесь они будут иметь бесплатное

медицинское обслуживание. И, наконец, он сказал, что даст вам машину, а также постарается найти работу для твоего мужа. Пока он ничего подходящего предложить не может, ведь твой муж экономист.

— Но, тетя, как я скажу ему обо всем этом? Про дом и про машину?

— Ладно, про машину скажу ему я. Но если говорить откровенно, то я не вижу здесь никаких трудностей, — и она повесила трубку.

Бедная я, бедная, я вышла замуж двенадцатого числа. Если верить гадалкам, число двенадцать является символом человека, повешенного вниз головой.

Мой муж путешествовал с Кубы в Мексику и наоборот. У него обнаружилась странная мания изучать мое прошлое. Каждый раз, когда Фидель оставался один дома, он рылся в моих вещах и читал все, что я когда-то написала. Он стал читать все, что находил в моих ящиках и коробках, он просматривал мои книги, обращая внимание на все отмеченные места. Он находил поэмы о любви и страстные письма, которые не были адресованы никому конкретному. Напрасно я пыталась убедить его, что все это было написано задолго до моего с ним знакомства и что это было самое лучшее и самое худшее из того, что я когда-то писала. Я даже предлагала подарить ему все эти стихи и письма. Но ничто не могло успокоить его пожирающего любопытства:

— Наверное, ты совершила что-то ужасное, такое, что нельзя простить. Иначе почему бы твой отец так обходился с тобой? Может быть, ты участвовала в каком-нибудь заговоре против него?

— Да нет же. Ему просто нужно дать время и ничего больше. Он играет. Он делает вид, что хочет нас запугать. Это у него просто такая мания. И это через какое-то время пройдет.

Мания и время, которое необходимо было дать моему отцу, входили в мой стратегический план.

Мой муж обожал, когда я рассказывала ему свои сны, видения странствующей души. Я видела его спускающимся по лестнице ресторана в компании с мужчиной и женщиной. Я описала ему, во что был одет каждый из них и даже описала цвет галстуков.

— Куда они вели меня в твоем сне?

— В аэропорт.

— Ну да, конечно! А кто тебе об этом рассказал?

— Никто! Я это видела во сне, как обычно.

В этот день он укрылся в мексиканском посольстве, убежденный, что я послала вслед за ним эскадрон смерти, отдав

приказ убить его.

Абсурд — слишком плохое противоядие против пьянства. Вскоре он стал приходить домой к вечеру в горизонтальном положении. Я была в панике: что было бы с моим маленьким домовым, если бы он вдруг увидел это отвратительное зрелище. Он приходил в растрепанной одежде, в брюках, испачканных содержимым выгребной ямы, долгие годы украшавшей округу. От него исходил смешанный запах виски, mojito и «тома коллинза».

— Ты непременно должна знать, что я — старший брат Папы Римского. А со старшим братом Папы Римского ни одна из женщин не имеет права так обходиться! — кричал он мне в шесть часов вечера.

— Если ты Папа Римский, то я в этом случае Святая Инквизиция! — отвечала я ему, потрясая тазобедренной костью, эксгумироманной из ящика *с* набором для студентов-медиков. Другой рукой я в это время размешивала коктейль из витамина B_{12} и мепробамата, который я всегда имела на тот случай, когда тело моего мужа требовало алкогольного сахара.

«Всему свое время», — успокаивала я себя, надеясь, что такая энергичная и здравомыслящая женщина, как Мерш, супруга Габо, сможет в конце концов свести к нулю неразумные эмоции моего отца. Я не сомневалась, что каудильо забавлялся, вставляя палки в колеса моей личной жизни. Но мой бедный муж был вконец измучен.

— В середине ноября мне позвонил какой-то неизвестный тип и назначил встречу в кафе. Он сказал, что будет сидеть у окна, а на его столе я увижу газету «Вашингтон пост», раскрытую на второй странице. Он собирался говорить со мной о том, как вывезти с острова мою супругу. Он сказал, что представляет секретные службы страны. Ты, конечно, догадываешься, что я не пошел на встречу с этим подозрительным типом.

Через неделю он получил через посла официальное приглашение кубинского правительства. Он не знал, кто конкретно приглашает его, и поэтому находился в полном недоумении.

— Но, Фидель, ты ведь знаешь, что если разные секретные службы не действуют согласованно, то обязательно происходят какие-то накладки. Так бывает во всем мире. Уверяю тебя, я не представляю никакой ценности ни для одной разведки. Неужели ты допускаешь обратное?

— Не знаю. Я уже ничего не знаю. Я уже не только о тебе, а и о себе ничего больше не знаю. У меня полное ощущение, что я живу в каком-то кошмаре.

Насчет кошмара я была с ним полностью согласна. В

последний раз он позвонил мне из Мексики:

— Возле моего дома стоит машина скорой помощи. У меня страшные боли во всем теле. Врач говорит, что это последствия перенесенной травмы. Но моя единственная травма, единственный несчастный случай — это ты!

Мы развелись, воспользовавшись услугами международной конторы, которая на Кубе заставляет платить доллары за официальный развод все разочаровавшиеся супружеские пары Латинской Америки. Эта контора нередко помогает кубинцам пересечь границу, чтобы оказаться в Майами.

Я подписала акт о разводе и прямиком помчалась в больницу: у меня был зверский приступ астмы. Как только я освободилась от внутривенных иголок и кислородной маски, я побежала домой. Я на улице развела огромный костер, чтобы предать огню инквизиции все написанное мною до тридцатилетнего возраста. Я сожгла страницы моей придуманной жизни. После этого я пошла в парикмахерскую и потребовала побрить мне голову.

* * *

Я выбрала парикмахерскую на улице Холи, находящуюся в подчинении службы Госбезопасности. Там священнодействовал тот самый боксер, который несколькими годами раньше спас меня от депрессии, приучив к бегу и отжиманиям. Парикмахера звали Хуанито. Это был кладезь мудрости. Чтобы избавиться от запаха пота, он рекомендовал во время полнолуния выставить на открытом воздухе две половинки горького апельсина, посыпанного содой, а затем полдня подержать их под мышками.

— А от пузырьков на коже нет ничего лучше отвара из конины.

Хуанито стриг меня и делился парамедицинскими рецептами. Я расслабилась от прикосновения его рук и от умиротворяющего бормотания и даже немножко задремала. Когда же я открыла глаза, то увидела, что мою бритую голову украшает маленький чубчик. Хуанито совсем забыл, что я не новобранец.

— Хуанито, убери мне этот чуб! Все сбрей!

Я прелестно выглядела в розовом платье на бретелях от щедрот Сандры Левинсон, директрисы Кубинского учебного центра в Нью-Йорке. Приезжая на остров, чтобы покормить своих кошек, напомнить себе об общественном положении, занимаемом на Кубе, и получить жалованье, она продавала друзьям свои поношенные вещи.

Когда я вышла из парикмахерской подстриженная под ноль,

ко мне с озадаченным видом стали подходить новобранцы, ожидавшие своей очереди. Они хотели убедиться, не больная ли я.

Вероятно, дело приняло серьезный оборот, потому что этим утром после демонстративного визжания тормозов возле моего дома остановился автомобиль Абрантеса. Вскоре сам он сидел напротив меня на декадентском диване. Какая-то странная, бесстыдная энергия пронизывала наши с Абрантесом задницы, разогревая их непристойным жаром. Было совершенно очевидно, что он пришел сюда не для того, чтобы узнать, не превратилась ли я в верующую еврейку.

— Тебе нет надобности выходить замуж за иностранца, чтобы хорошо жить. Если тебе что-то понадобится, обращайся ко мне.

Есть люди, которым неизвестно самолюбие. Услышав предложение Абрантеса, я не почувствовала себя оскорбленной. Я провела половину жизни с низко опущенной головой, безуспешно пытаясь своим покорным видом и силой внушения вызвать любовь у людей, которые причиняли мне зло. Это была своего рода йога, развивающая смирение и покорность.

Я не стала жить лучше, чем раньше. Разве что у меня появилась «лада», стоившая моему мужу почти четыре тысячи долларов. Эта машина выполняла функции кареты скорой помощи в нашем квартале и такси для моих друзей.

— Я кое о чем попрошу тебя, — я схватила его, вывела в спальню и толкнула на кровать.

— Возьми меня! Возьми меня сейчас! Может быть, это немного успокоит тебя, и ты оставишь, наконец, меня в покое! Как ты мне надоел! Если бы ты только знал! Ну? Что же ты?

Но он не захотел принять мое предложение.

— Я всего лишь подчиняюсь приказу!

— Ты подчиняешься приказу? Приказы можно выполнять по-разному. Я шагу не могу ступить без твоих ищеек. Они нигде от меня не отстают. Если я сходила с кем-то в кабаре три раза подряд, человека, пригласившего меня, начинают запугивать. Мне нельзя сходить больше одного раза ни в одно посольство. А кроме всего прочего, он запретил продавать мне авиабилеты…

— Кто тебе это сказал?

— Несмотря ни на что, у меня еще остались друзья. Если кто-нибудь ночует у меня, его или выгоняют, или пытаются сделать из него стукача. Я не могу найти работу без высочайшего разрешения. Если ты встречаешь меня с подругой, она вскоре становится твоей любовницей. Я словно островок посреди этого счастливого острова. Ты что, хочешь, чтобы я в конце концов повесилась или застрелилась?

В этот вечер Абрантес был больше расположен к самобичеванию, чем к половым извращениям. Тем не менее я помнила, как однажды застала его на улице, когда он приставал к девочкам, едва достигшим половой зрелости. Я не забыла также и скабрезные анекдоты, которые рассказывали его подружки, вернувшись с выходных, проведенных вместе с ним. Они рассказывали, что пистолет министра служил ему вторым фаллосом. Девицы брали в руки утешителя из вороненой стали и засовывали его себе во все отверстия до тех пор, пока это необычное зрелище не заставляло встать на боевой взвод основное оружие Абрантеса.

И вот это всемогущее отродье намеревалось исповедоваться одной из своих жертв.

— У меня ведь тоже есть проблемы. Мой сын…

И он рассказал, что его сын, зеница его ока, стал его главной болью. «Вот это новость!» — как сказала бы моя Натика. Еще в то время, когда Гондурас был его помощником, я уже знала, что один из детей Абрантеса имел повышенную чувствительность. Со временем он стал для меня словно братом. Так, как любила его я, редко любят друзей. Это было великодушное и легкоранимое существо.

— Я сделал его жизнь невыносимой, но он все равно не изменился.

Вы только посмотрите! Инквизитор на скамье подсудимых. Для чего он рассказывал мне все это? Может, он видел в этом заслуженную кару? Или сбрасывал с себя груз? А может, ему нужно было освободиться от своих тайн? Или, быть может, он искал посредника? Вероятно, ему нужен был человек, способный убедить его мальчика не дискредитировать больше собственного отца, наклеивая себе искусственные ресницы и рядясь в кружевные блузки. Он продолжал исповедоваться:

— Конечно, я причинил тебе много зла.

— Я предпочитаю не вдаваться в детали. Все, что я хочу, — это спокойно жить. Я хочу переоформить машину на свое имя. И еще мне нужна работа.

* * *

Когда высокопоставленные лица берут на себя заботу о том, чтобы сделать вашу жизнь приятной, каждая минута превращается в сплошное удовольствие.

Вскоре те, кто превращает незаконное в законное, переоформили все документы на машину и передали мне их в

новенькой папке для бумаг.

На следующей неделе я встретилась с Рохелио Асеведо, заместителем Рауля. Он предложил мне работу в ансамбле Вооруженных Сил. Туда попадали танцоры, отвергнутые из-за низкого роста Национальным балетом. Женщины были похожи на виртуозных гномиков, а нагромождения мускулатуры на теле мужчин заставляли сразу же расстаться с мыслью о легкости движений.

Рохелио был женат на Бертике, бывшей звезде гаванского карнавала, просуществовавшего до тех пор, пока в семидесятые годы это веселое мероприятие не обвинили в «идеологическом уклонизме». Рохелио был на десять лет моложе своих «товарищей по борьбе», но сумел успешно вскарабкаться по ступенькам власти, когда министра военно-морских сил отстранили от должности в связи с тем, что он был замешан в деле с торговлей наркотиками Торговля наркотиками стала развиваться на острове как раз в то время, когда погасли звезды карнавала.

Большую часть лица Рохелио занимал его довольно странный рот. Казалось, он постоянно сосал материнскую грудь. При виде этого рта хотелось куда-нибудь укрыться.

— Ты будешь работать в ансамбле Вооруженных Сил. Прежде всего займешься налаживанием связей. Перед нашим ансамблем стоит задача повышения, поддержания и укрепления культурных связей между армиями стран социалистического блока. Мы должны также поднимать моральный дух наших войск, находящихся в военных бастионах всего мира…

Официальная речь Рохелио Асеведо разбудила во мне мир фантазий. Я представила себе, как карликовые нимфы в костюмах, усыпанных блестками, и с тропическими фруктами на головах а ля Кармен Миранда танцуют какой-нибудь дьявольский танец где-нибудь в Аравийской пустыне, в Анголе или Мекке. В моем воображении возникли также музыканты, отбивающие ритм на своих барабанах в степях Сибири, в портовом городе Баку, во влажных тропических лесах Южной Америки, в Никарагуа, Гватемале, Чили, Сальвадоре — везде, куда Куба отправляла свою армию для основания военных бастионов.

Но меня вернули на грешную землю, сообщив, что мое жалованье будет составлять сто девяносто восемь песо. Кроме этого мне было сказано, что в случае нехватки денег я, возможно, смогу иногда брать переводы с французского в отделе технических переводов Вооруженных Сил. Но этого мне твердо не обещали.

— Завтра ты встретишься с подполковником Бомбустом. Он расскажет тебе обо всем подробнее.

* * *

Подполковник Бомбуст был продуктом смешения китайской и мавританской крови. Он ни на минуту не выпускал из рук хлыст. Из-под ремня с кобурой у него выглядывало намечающееся брюшко, для появления которого, по словам самого подполковника, потребовалось немало усилий.

— Я родом из провинции Ориенте. Когда я приехал в Гавану, мне негде было ночевать. Я работал как бешеный. Самым страшным кошмаром для меня был конец рабочего дня, когда нужно было покидать кабинет. Я не знал, куда мне деться.

— Я была знакома с одним типом, который ночевал в домах, где кто-то умирал…

— Из-за этого я так нагружал себя работой, что некогда было продохнуть. Я в самом деле работал как бешеный. Я один посвятил добровольному труду больше времени, чем все участники социалистического соревнования. И как, ты думаешь, на это отреагировали мои дорогие начальники? Как, по-твоему, поступили все эти образцово-показательные типы, которые свято ставили печати на своих пропусках в 17.30, и ни минутой позже?

Я не имела об этом ни малейшего понятия. Этот год стал для меня поистине годом исповедей. Представители высоких сфер изливали мне душу, пуская в самые глубокие уголки своих болезненных воспоминаний. Во время подобных доверительных бесед у меня возникало сильное желание убежать куда-нибудь подальше.

— Так вот, они стали портить мне жизнь. Я был обвинен в шпионаже. Меня стали таскать *с* одного дисциплинарного совета на другой. И все это из-за того, что я работал больше, чем они! В результате всех их происков я закалился и очерствел. Теперь я здесь, на этом месте. И я оторву голову любому, кто попытается вымазать меня дерьмом.

Он ходил по кабинету, щелкая хлыстом по голенищам сапог. Это была не угроза, а декларирование принципа. Таким своеобразным способом он мне говорил: «То, что мне подсунули папенькину дочку, — это не самое страшное из того, что я пережил. Бывали вещи и похуже».

— Можете верить, можете не верить, господин Бомбуст, но я здесь, как впрочем и в других местах до этого, не по своей воле.

И в то время, как он обдумывал свой ответ, у меня было такое же видение, как много лет назад во дворце у Фиделя: человек вдруг приобрел другую форму и другое состояние. Он превратился в кровавую, аморфную, испорченную массу. Я была ошеломлена этим ужасным видением. Я решила, что оба раза мне

приоткрыл свое обличие дьявол. Мало того, я была уверена, что этот же образ, потрясший мой разум, возник много лет назад и перед глазами Чучи, которая, нарушив субординацию, приказала своей хозяйке Натике не подходить к двери и не открывать ее.

Подполковник Бомбуст посмотрел на мою голову, шедевр парикмахерского искусства, рожденный чемпионом бритвы и ножниц Хуанито:

— Прежде всего, девочка моя, отрасти волосы. Ты очень странно выглядишь. Мне сказали, что когда тебя увидели дети из соседней школы, они испугались и стали реветь. Так дело не пойдет. Нужно будет изменить прическу.

Когда дьявол собирается заняться вами, то будьте уверены, что все произойдет наилучшим образом.

— Обещаю, господин Бомбуст.

* * *

Каждое утро начиналось с разминки, хоть зал, в котором занимались артисты ансамбля, не мог вместить более двадцати человек, если они выстраивались гуськом.

Моя работа по установлению связей состояла в том, чтобы заказать костюмы, проверить размеры полученной обуви, обеспечить артистов транспортом, позаботиться об их питании. После того как все было заказано, проверено и обеспечено, я усаживалась поудобнее и выслушивала многочисленные жалобы, секреты и просто словесные излияния членов коллектива.

Артистам не хватало маек, колготок, пуантов. Танцевать в Анголе после восемнадцати часов, проведенных в грузовом самолете, и целой недели путешествия на торговом судне… Разве это могло вызвать энтузиазм у артистов или благоприятствовать развитию таланта? Учиться восемь лет ради того, чтобы потом вертеть задницей в какой-нибудь пустыне, да еще рискуя собственной жизнью… И все это бесплатно. Такая жизнь не приносила служителям искусства удовлетворения.

— Я слышал, что такой-то провел два года там-то в надежде получить квартиру, но его обманули.

— А мне говорили, что такая-то стала примой, потому что она переспала с Тартемпионом. Как это несправедливо!

В общем-то здесь были те же проблемы, что и во всех коллективах земного шара, только со своими нюансами.

Я превратилась в настоящую книгу жалоб и предложений. И если на мое понимание и молчание можно было рассчитывать всегда, то с решением моих собственных проблем дело обстояло

не всегда так, как хотелось бы. Впрочем, к этому я уже давно привыкла.

Когда Рохелио Парису было поручено к юбилею министерства внутренних дел и Вооруженных Сил поставить на сцене какой-нибудь патриотический спектакль с задействованием всего ансамбля — театра, оркестра, певцов, танцоров, — творческая жизнь в коллективе забила ключом.

Рохелио до этого уже осуществил постановку шекспировской комедии «Сон в летнюю ночь» в Национальной школе искусства. Для участия в этом спектакле были приглашены танцоры классического, современного и народного танцев, а также хористы, актеры, студенты циркового училища. Сценой послужили великолепные сады школы. Но некстати выпал туман, сети упали в неподходящем месте, прожекторы навели не на тех героев, а избыток женских выделений обратил осла в неподвижную статую, наотрез отказавшуюся сделать хоть шаг. Шекспир, без всякого сомнения, по достоинству оценил бы этот необыкновенный беспорядок, который прибавил его произведению еще больше славы.

У Рохелито была отвратительная привычка тратить уйму денег на постановку спектаклей. По сравнению с садами школы искусства сцена театра Вооруженных Сил была просто микроскопической. Зная гигантский размах Рохелито во всем, что он делал — исключение для него составляло лишь мытье собственного тела, — я опасалась, что он откроет в Гаване Голливуд, а это таило в себе опасности. Если в шекспировскую комедию «Сон в летнюю ночь» никак не вписывалась ружейная пальба и тем более пулеметная, то я готова была дать руку на отсечение, что в произведении, пропитанном патриотическим духом, без стрельбы дело бы не обошлось.

Он, конечно же, хотел стрельбы из ружей и пушек, а также спецэффектов, дымовой завесы и игры света. Он во что бы то ни стало требовал адской машины, которая была только в одном театре — Национальном. Кроме этого он заявил, что спектакль не может быть поставлен, если ему не доставят лебедку. С помощью лебедки и сети высоко вверх должны были поднимать убитого Героя, символизируя вознесение в небо Че Гевары. Это, по замыслу художника, должно было стать стилистическим апогеем спектакля. Для того чтобы добиться точности и согласованности действий участников, Рохелито потребовал во временное пользование полицейские радиостанции — токи-уоки.

В эти горячие для ансамбля Вооруженных Сил дни на остров обрушилась угроза СПИДа. Эта новость была сообщена осторожно, потому что среди революционеров не могло быть

гомосексуалистов, а ученые еще верили, что эта божья кара настигает лишь людей определенной сексуальной ориентации.

В торжественных речах Команданте обвинял империализм в преступном деянии, коим являлось создание возбудителя этой страшной болезни в лабораторных условиях. При этом он отрицал существование СПИДа на Кубе. Но, несмотря на это, в казармах сдавали тест на ВИЧ-инфекцию все те, кто воевал, а может и не только воевал, в Эфиопии и Анголе.

В отличие от многих наших солдат и офицеров, я никуда не ездила, а об этом страшном биче человечества я знала из предсказаний Нострадамуса.

Я окунулась с головой в бурный поток, созданный неуемной деятельностью Рохелио Париса. Я рассыпалась в комплиментах перед начальником полиции и начальником интендантской службы Госбезопасности, чтобы получить от них радиостанции и холостые патроны. Я перемещалась по Гаване в кузове военного грузовика, примостившись среди учебных гранат, винтовок и ящиков с формой, обувью и революционными факелами. Единственная оставшаяся на Кубе фабрика по производству мороженого находилась за много километров от Гаваны, но мне во что бы то ни стало нужно было доставить в театр мороженое, а также гигантские вентиляторы, чтобы облегчить печаль Рохелио.

В субботу около полудня я наслаждалась заслуженным отдыхом, сидя на балконе и с удовольствием вытянув одеревеневшие ноги. Мы с моим домовым уже собирались приступить к еженедельной церемонии приведения в порядок волос и рук, как вдруг я увидела маму. Она торопливым шагом направлялась к двадцать шестой авеню.

— Куда ты идешь?

— Все члены партии вызваны для просмотра видеовыступления Фиделя. Руководящее ядро собирается в кинотеатре «Акапулько». Говорят, возникла военная угроза.

Я представила, как она будет дремать в темноте кинозала, убаюкиваемая любимым голосом, не боясь, что кто-то посмеет нарушить это очарованное состояние.

«Мобилизовать народ на общее дело» — это очень часто слышалось из уст Фиделя. Но все это становилось скучным — ракетный кризис; смерть Че; неудавшийся кофейный кордон вокруг Гаваны; сафра 1970 года, тоже неудавшаяся (вместо намеченных правительством десяти миллионов тон тростника было собрано восемь с половиной); «отбросы» возле перуанского посольства; ангольский геноцид и так называемые нарушения воздушного и морского пространства Кубы.

Я стерегла возвращения мамы, чтобы узнать, какой новый

катализатор изобрел Команданте на этот раз, чтобы мобилизовать массы.

— Американцы вот-вот нападут на Кубу!

— Не может быть! Когда?

— Шестнадцатого ноября! Объявлена национальная тревога!

Бедная моя доверчивая мамочка! Придя домой, она, возбужденная услышанным, будет думать о последствиях этой войны. Она обязательно вытрет пыль с китайского фонарика, который Фидель подарил ей двадцать пять лет тому назад, и проверит, исправен ли он до сих пор.

Но она была не единственной, кто верил в это. Из-за Гренады, из-за Горбачева и из-за СПИДа вся Куба находилась в состоянии всеобщей тревоги. До чего же все-таки наивны люди!

Все началось, когда янки захватили остров Гренаду, и один журналист охрип, подавая происшедшие события в самых мрачных тонах. Согласно его сообщениям, на острове наступил апокалипсис, а кубинская миссия пожертвовала собой, защищая Гренаду. Больше трех суток по радио и телевидению Мануэль Ортега надрывным, рвущим душу голосом подробно рассказывал, как под империалистическим огнем гибли кубинские патриоты: «И вот падает наш последний боец! Падает наше знамя! Оно накрывает труп последнего защитника. Отныне у Кубы одним героем больше! Новый герой защищает коммунизм, защищает мир во всем мире!»

Весь остров, настроенный по отношению к империализму еще более враждебно и воинственно, чем обычно, надел траур по погибшим и пребывал в таком скорбном состоянии до тех пор, пока вышеупомянутые погибшие не вышли из самолета в аэропорту кубинской столицы. Впереди шел глава миссии Тортоло. Он излучал эйфорическое сияние и приветствовал толпу. Среди вернувшихся кубинцев был один-единственный раненый. Лежа на носилках и приподняв голову, он адресовал встречающим соотечественникам приветственные жесты.

Один коварный янки, представитель деловых кругов Америки, пользуясь поддержкой лоббистски настроенной части конгрессменов и сенаторов, добился выделения бюджетных денег на развязывание видимости войны на Гренаде. Конечная цель, которую ставил перед собой этот хитрый американец, состояла в том, чтобы добиться строительства на острове отелей второй категории.

А кубинская интернациональная миссия, несмотря на эпический рассказ Мануэля Ортеги, не сочла нужным жертвовать людскими жизнями ради того, чтобы помешать возведению на Гренаде нескольких двухзвездочных отелей.

Но обо всем этом народу не было сказано ни слова! И вот сейчас по трапу самолета спускались члены кубинской миссии на Гренаде, где специально для них на деньги кубинцев был построен военный аэропорт. Руки «миссионеров», как обычно в таких случаях, были заняты магнитофонами, вентиляторами, утюгами, пылесосами и лампами.

Люди стали сравнивать качество кроссовок фирмы «Adidas» с кроссовками, в которые был обут Тортоло, когда выходил из самолета. Так родилась реклама: «В кроссовках Тортоло вы сможете бегать быстрее и дальше, чем в кроссовках фирмы „Adidas“. Через неделю его отправили на испытание качества обуви в Анголу.

Горбачев, почтенная „рыба“ с головой, украшенной красным пятном, изобрел перестройку — способ превращения государственного коммунизма в более продуктивную и приемлемую форму общества. На Кубе никто не обратил на это внимания. В том числе и Фидель. Он считал, что радикальные перемены в жизни общества не могут совершаться обыкновенными людьми. Но для этих простых людей миф о героизме во имя победы мировой Революции безвозвратно развеивался.

Самое время задать вопрос о гласности на Кубе во время перестройки в первом социалистическом государстве. Поскольку мы долгое время вынуждены были довольствоваться объедками с русского стола, то почему было бы не попробовать немного и их демократии?

Но вкусить демократии кубинцам не пришлось. Вместо этого их пристыженным половым органам стала угрожать неизвестная раньше болезнь под названием СПИД. Кроме этого, их ждало срочное промывание мозгов.

* * *

Безумная тревога продлилась на Кубе несколько месяцев. В ответ на нависшую угрозу Фидель создал народную милицию по территориальному принципу, стал одевать народ а ля Мао и раздал винтовки с холостыми патронами. Под предлогом проведения военных маневров на несколько часов отключали электричество. В связи с тем, что русские прекратили поставку продовольственных продуктов на Кубу, их нехватка стала катастрофически возрастать.

Когда СПИД на острове приобрел неконтролируемые масштабы и больных стали тысячами отправлять в бывшие

лепрозории, превращенные в отделения по лечению СПИДа, это никого не заставило насторожиться. Все были слишком заняты военной подготовкой. Мюмин во время уроков рыла траншеи и делала укрытия. А в конце недели она вместе со всей школой участвовала в занятиях по военной подготовке. А ведь ей было чуть больше семи лет. Приходя домой, Мюмин распевала гимн, которому ее обучили в школе одноклассники:

Bush tiene sida
nosotros pantalones.
Y tenemos un gobemante
que le ronca los cojones.
У Буша — СПИД,
у нас — штаны.
А еще у нас есть президент,
который раздавит ему яйца.

Я не обращала внимания на весь этот шум до тех пор, пока однажды воскресным утром, сидя в своей квартире, не услышала стрельбы под своими окнами. Я сразу же упала на пол. В голове пронеслась мысль: „Неужели, наконец, подняли восстание?“ Но тут же ее вытеснила тревога о моем домовенке. Надев на голову кастрюлю для обжаривания кофейных зерен, я уже собралась было бежать к Натике, чтобы помочь своей дочери, когда ситуация прояснилась. К счастью, все оказалось не так драматично, как мне сразу представилось. Взбудораженная и со взъерошенными волосами, я вышла на улицу. На тротуарах стояли люди в милицейской форме и стреляли друг в друга поверх голов, вызывая своими действиями аплодисменты у жильцов. Словно кашалот, выброшенный на берег, у края выгребной ямы лежал семидесятилетний старик с седыми волосами и изображал убитого. Я пришла в бешенство:

— Вы, там, возле ямы! Вам не кажется, что вы немного староваты, чтобы так выпендриваться? Какого черта вы засунули нос в дерьмо? Вы хоть понимаете, где вы находитесь? Здесь ходят старики, дети! Вы что, хотите их всех перестрелять?

— Товарищ, я не виноват. Мне приказали. Это милицейские занятия! Мы тренируемся!

— Ах, вы, значит, тренируетесь! Вам приказали! А вы в своем возрасте делаете все, что вам приказывают? В общем, так! Первого, кто посмеет еще раз выстрелить здесь, на этой улице, я лично вытолкаю пинками под зад! Все слышали?!

И я покинула поле боя под аплодисменты соседей.

* * *

Вскоре в стране началась хорошо спланированная кампания. Телевидение не скупилось на похвалы новым убежищам, которые Родина построила, чтобы уберечь своих детей от вражеского вторжения. Речь шла о туннелях, оборудованных в общие спальни, лазареты и классные комнаты. Кубинцам предлагалась прекрасно организованная жизнь под землей в чистейшем вьетнамском стиле. В эти туннели можно было загнать миллионы людей.

Меня стал преследовать один вопрос: „Чем думают кубинцы?“ И в самом деле, как должны быть устроены мозги, чтобы их владельцы не задумывались о самых очевидных вещах. Например, о том, можно ли за три недели застроить весь остров таким огромным количеством туннелей. Или о том, что достаточно было нескольких кораблей, замаскированных под флот США, чтобы в случае надобности загнать людей на дно этих многочисленных ям. Ни у кого не хватило воображения представить, как в эти туннели загоняют и держат там заключенных. Никого не насторожил тот факт, что биолаборатория в Сан Хосе де Лас Лахас выбрасывала в воздух подозрительный дым, образующийся от продукции, производимой под руководством одного преданного Революции полковника Вооруженных Сил. Никого не испугало и то, что из этой лаборатории вышли на свет божий свиная лихорадка и лихорадка денге — болезни, способные уничтожить десятую часть населения острова и развалить экономику страны. Почему же все это оставалось незамеченным? Может быть, Команданте околдовал кубинцев и они жили все это время под гипнозом? Иначе почему они продолжали по тревоге безропотно нырять в подземные убежища? Вероятно, в результате каких-то воздействий мозг моих соотечественников сильно размягчился, что отрицательно сказывалось на его деятельности.

В ансамбле Вооруженных Сил мне выдали камуфляжную форму. Я должна была принимать участие в тренировках по защите здания, в котором работала. В это воскресенье я прибыла на службу при плаще и при шпаге, водрузив на грлову зеленую кепи. В этой одежде я чувствовала себя примерно так же, как после бритья головы. Я сама себе казалась голой. Меня отправили за угол здания в маленькую картонную башню, вооружив предварительно деревянным ружьем и гранатами из папье-маше. Герр фон Буст отдавал приказы, ударяя при этом себя хлыстом по бедрам. Я незаметно подошла к нему:

— Извините меня, шеф, но я нахожу все это невыносимым.

Верните в арсенал мое оружие и примите мое нижайшее прошение об отставке.

И я подмигнула ему. Впервые я увидела своего начальника таким озадаченным и растерянным. Ему трудно было понять мой поступок, поскольку он по-прежнему оставался патриотом Кубы и думал о спасении страны от империалистических оккупантов. В этом он не отличался от большинства кубинцев.

Я вернулась домой и села на свой декадентский диван, на котором обычно обдумывала самые трудные проблемы. Отцовские хромосомы во мне были отравлены. Мне стали совершенно ясными намерения Фиделя. Команданте побил свой собственный рекорд, создав и отрегулировав механизм абсолютного господства над людьми. Этот механизм мог служить ему в самых разных ситуациях.

Что же делать? Производство плотов, предназначенных для преодоления девяноста миль, разделяющих Кубу от берегов Флориды, превратилось на острове в процветающую индустрию. Но у меня пропадало желание воспользоваться этим средством, как только я представляла свою Мюмин в окружении акул-убийц. Но нужно было выбирать между риском и прозябанием. Надо было на что-то решаться.

* * *

Я заняла появившееся у меня свободное время приятными занятиями. По утрам я брала уроки балета у своего друга Папучо. Папучо был сыном Качиты Абрантес и племянником министра внутренних дел. У него была трудная жизнь: в десятилетнем возрасте он одолжил машину у своей матери, которая в это время отдыхала в Варадеро, чтобы покатать своих приятелей. Машина Папучо попала в аварию, в результате которой один парнишка погиб, другой остался без ушей, а сам Папучо, ненамного более живой, чем Лазарь, пролежал несколько лет в гипсе, прежде чем вернуться к нормальной жизни. Поскольку он не мыслил ни о чем другом, кроме балета, на семейном совете было решено отправить его в лучшую московскую академию. Но этот эксперимент был грубо прерван из-за одного болвана из службы Госбезопасности. Этот туповатый тип обязан был следить за дисциплиной кубинских студентов. Он не мог понять, что восемнадцатилетнему калеке удалось занять место танцовщика только потому, что. тот приходился племянником министру внутренних дел. Он обвинил парня в пагубной обоеполости и в обладании валютой.

Неизвестно, почему именно дядя Абрантес внезапно отказался от плана сделать из своего племянника второго Нуриева, но можно с уверенностью сказать, что Папучо не смог стать солистом балета, оказавшись жертвой борьбы с привилегиями на Кубе. После неудачной попытки слиться с искусством Папучо по настоянию отца был представлен пожарной команде, дабы в скором времени войти в ее состав. В день знакомства с борцами огненной стихии несостоявшийся солист балета вошел в кабинет своего родителя не так, как подобало будущему пожарнику, а выполняя поочередно saut de chat, tombe pas de bourre и еще несколько балетных па, чем вполне убедил своего отца, что он, Папучо, и пожарная служба совершенно не совместимы. Он хотел одного: чтобы его оставили в покое. Папучо был жизнерадостным, раскованным и при этом разочарованным. В нем я нашла родственную душу.

Лаура Алонсо, та самая энергичная женщина, которая много лет тому назад определила судьбу отца моей дочери и его брата, сделав из них классических танцоров, продолжала оставаться такой же энергичной и очень предприимчивой. Ей удалось основать школу, продающую за доллары кубинскую классическую технику. Лаура взяла меня к себе на курсы. А я через некоторое время привела туда Папучо.

— Лаура, — сказала я ей, — его мать руководит корпорацией, деятельность которой оплачивается валютой. Вы могли бы объединиться для бизнеса. Парень провел три года в Москве. Он хотел бы танцевать… Он хорошо поднимает правую ногу и уж во всяком случае из него выйдет неплохой учитель. Он помнит все уроки, полученные в Советском Союзе.

Гений всегда великодушен. Лаура приняла моего протеже, Папучо, который очень скоро стал моим покровителем, хлопоча обо мне перед своей матерью.

* * *

На грешную землю меня вернула Альбита. Это произошло после того, как я ей сказала, что без работы жилось хоть и неплохо, но все же и не так, чтобы очень хорошо. Я пожаловалась, что после некоторых покупок денежный запас, который я имела, продав Габо „Женщину-лошадь“, уже не казался таким неистощимым.

— Послушай, малышка, в декабре открывается „Кубамодас“, и в связи с этим Дом Моды лихорадочно набирает манекенщиц… И хоть после этого события многих отправят назад, некоторое

время можно будет поработать. Что, если тебе попробовать?

— Я бы с радостью, но только вряд ли мне удастся попасть в королевство Качиты Абрантес… Тебе же известно, что я нянчусь с ее недостойным сыном. Разве можно надеяться, что мне после этого позволят стать манекенщицей?

— Во всяком случае, ты ничем не рискуешь. Я бы на твоем месте испытала судьбу. В конце концов, пусти в ход свои связи. Вот хотя бы твой Папучо. Ты носишься с ним, как курица с яйцом, а что от этого имеешь? Вот пусть твой драгоценный протеже и попросит за тебя у матери!

— Я его очень люблю. А он не в самых лучших отношениях со своей матерью. Не хотелось бы создавать ему лишние проблемы.

— Подумаешь, какие тонкости! Все семейные неурядицы в конце концов утрясаются.

Отбор манекенщиц был доверен Арелис Пардо. Будучи вдовой одного из соратников Че, она была обречена на вечное безбрачие, приговоренная к пожизненному поддержанию огня памяти о погибшем муже. Но этому приговору не дано было сбыться, потому что в голову Арелис пришла идея выйти замуж за героя залива Свиней. Вместо того чтобы оскорбиться, партия аплодировала поступку вдовы. В течение двух лет Арелис нежно ухаживала за своим безруким и безногим супругом, прогуливая его в своей машине. После такой жертвы Арелис могла уже выходить замуж и разводиться по своему желанию, не опасаясь осуждения партии.

— Так-так… Посмотрим… Покажи-ка мне свои локти… Хорошо. Сними туфли, я хочу увидеть твои ноги! Колени хороши… Голень тоже в порядке… Завтра в пять часов вечера я жду тебя. Посмотрим, на что ты способна И не забудь надеть купальник. Я должна убедиться, что у тебя нет целлюлита.

Подиум! Пустота, которую нужно наполнить движением и элегантностью в ритм музыке.

Корпорация „Contex“ подчинялась железной руке Качиты Абрантес Среди задач, решаемых Корпорацией, одной из основных была задача по вливанию долларов в народную экономику страны для усиления сопротивления блокаде. С этой целью совершались различные операции по обведению вокруг пальца таможни Так, например, было с ромом „Havana Club“, который разливался в Канаде, или хлопчато-бумажными платьями, сшитыми в Мексике. Корпорации удалось привлечь внимание „Paco Rabanne“, а „Vidal Sasoon“ не устоял перед прелестью одной топ-модели Корпорация составила список лиц, включая сюда голливудских звезд, которые согласились бы петь дифирамбы кубинской моде. По всему миру были разосланы

пригласительные письма, изобилующие орфографическими ошибками.

Корпорация была собственницей Дома Моделей, центра кубинской моды, весь год открытого для приема дипломатического корпуса, туристической элиты и гостей кубинского правительства, чувствительных к прелестям красивых стройных креолок.

Дому Моделей принадлежат магазины по торговле антиквариатом, одеждой, обувью, ювелирный магазин, парикмахерский салон, чайный салон, бассейн, спортивный зал, частный ресторан и сад с расположенными в нем столами, за которыми иностранцы могут проводить время в приятной лени с утра до вечера, наслаждаясь ароматом тропических цветов. Приблизительно в половине десятого начинается показ мод. После антракта следует вторая часть программы. Вниманию почтенной публики представляют свои номера лучшие музыкальные группы и певцы Кубы. Сестре министра внутренних дел никто не может отказать.

Подготовка „Кубамодас“ длится более трех месяцев. Небольшая группа модельеров разрабатывает модели, портнихи шьют одежду, подгоняя ее индивидуально для каждого, а ночью перед показом в атмосфере общей истерии после восемнадцати часов примерок вам приносят украшения, отглаженную одежду и туфли, прибывшие из-за океана в дипломатическом чемодане. Качита отдает команды в микрофон, употребляя при этом все бранные слова кубинского репертуара.

Моя первая „Кубамодас“ принесла мне не столько славы, сколько мучений. Это было начало той эры, когда любой человек, имеющий хоть какое-нибудь отношение к Кастро или другому иерарху, приравнивался к прокаженному. Я привыкла к прозвищам и весьма нелестным определениям, адресованным Команданте, но не была готова к тому, чтобы у меня выщипывали бороду и усы, словно я была его блуждающим alter ego. Мою жизнь превратили в нечто ужасное.

Одному из агентов службы безопасности было поручено следить за тем, что происходило на подиумах. Пользуясь этим, он просачивался в артистические уборные и глазел на переодевающихся манекенщиц, приводя их в бешенство.

Началась холодная война, которой предстояло продлиться три года.

Моя вторая „Кубамодас“ связана с печальными воспоминаниями. Я проснулась в прекрасном настроении, предвкушая предстоящее событие — день рождения Мюмин. Но как только я села за руль своего автомобиля, перед моими

глазами сразу возникло видение в образе мертвеца. Мертвец качал мне головой каждый раз, когда загорался красный цвет. Я решила, что это предупреждение об опасности на дороге, и, чтобы избежать возможной аварии, оставила свою машину в гараже. Вы не догадываетесь, что было потом? Да, я, конечно же, приняла любезное предложение моего друга Папучо. Да-да, того самого Папучо, который когда-то попал в автомобильную катастрофу. Мой друг взял машину своей матери и предложил мне себя в качестве шофера. Sic transit gloria mundi — так проходит слава мирская.

Через три минуты после того, как я приняла предложение Папучо, мы были на первой авеню. Горел красный свет, когда автобус, полный русских, врезался в нашу „ладу“. Автобус отправили на металлолом, а меня — в больницу, где я очнулась с переломанной рукой. Другая рука была подвешена.

Папучо был живым воплощением невезения. Качита не находила себе места от ужаса: мало того, что ее сын убил сына министра, так теперь он еще покалечил дочь Команданте.

Вместо того чтобы отправить мне в больницу цветы, Фидель прислал своего нового начальника охраны Батмана.

— Кто виноват в случившемся? — спросил визитер.

— Я, — был мой ответ.

Я согласилась бы сломать себе вторую руку, чтобы защитить своего друга. Тем более что я сама позволила вести машину этому камикадзе.

Срочная операция вернула все мои кости на прежнее место. Но день рождения Мюмин был безвозвратно испорчен.

Я расхаживала по комнате с полиэтиленовым мешком, который дренировал рану на руке, когда пришла Альбита. Она была бледна, словно мрамор. Ее черная блестящая шевелюра, орлиный нос и чеканный силуэт всегда наводили меня на мысль о том, что кинематограф многого лишился, не поймав в свои сети эту прекрасную музу. Лицо несостоявшейся кинозвезды каждой своей черточкой выражало негодование.

— Ты знаешь, что выкинул Тони Байе Байехо? Он предал Габо! Этот сукин сын представлял его на фестивале в Колумбии и, воспользовавшись случаем, остался там! Теперь он рассыпается в заявлениях. Я пришла предупредить тебя, что он говорил и о тебе.

— Ты не должна это так болезненно воспринимать. Тони — симпатичный парень. И потом, Альбита, положа руку на сердце, разве ты не ожидала подобного от него?

— Да нет же!

Этим она меня очень удивила, потому Что Тони всегда был

прозрачным, как стекло. Как все молодое поколение, он мечтал покинуть Кубу.

* * *

Думаю, что симпатия Качиты Абрантес и мое восхождение по служебной лестнице были обязаны вовсе не моим успехам в искусстве орфографии. Качита назначила меня ответственной за общественные связи, предполагая со временем превратить несуществующий отдел в предприятие, поддерживающее коммерческие отношения *с* половиной планеты. Я работала как проклятая. Продолжая каждый вечер выходить на подиум, я, кроме этого, занималась решением нелегкой задачи, поставленной передо мной Качитой Абрантес: я писала и отправляла письма всем представителям рода человеческого, имеющим хоть какое-нибудь отношение к моде, — фотографам, журналистам, производителям товаров, покупателям, поставщикам тканей.

Мой внезапный подъем не мог не вызвать зависти. И вскоре я ощутила на себе обратную сторону успеха. Секретарше было запрещено оказывать мне какую-либо помощь под угрозой всеобщего отречения, поэтому я вынуждена была самостоятельно находить общий язык с пишущими машинками. Так как все машинки были в расстроенном состоянии, а я не слишком хорошо в них разбиралась, то ответы на свои письма я получала весьма редко: большинство моих посланий заканчивало жизнь в мусорных корзинах, не удостаиваясь ответа.

Качита поручила мне также внедриться в фотопроизводство. Когда же я пришла в фотопавильон для выполнения столь ответственного задания, мне пришлось выслушать в свой адрес такие непристойности, которых никогда до этого слышать не приходилось. Ругалась Ласарита, непосредственная начальница манекенщиц, прозванная Кувшинчиком за свои выступающие формы. Она раскалилась докрасна от ярости. Казалось, что все закипевшее содержимое Кувшинчика выплеснется наружу.

Очень трудно представить начальника, который создавал среди подчиненных хаос. Привычнее, когда он стремится к возможной упорядоченности. Но Качита принадлежала именно к тому редкому типу руководителей, который способен все перевернуть с ног на голову. Ей ничего не стоило закрыть показ моделей, прыгнув на подиум и пустившись танцевать guaguanco с музыкантами из второй части шоу, что приводило в смущение иностранных гостей. Да, удивить Качита умела, но она не умела

другого — заставить своих подчиненных с уважением относиться к ее решениям.

Качита продолжала нагружать меня все новыми и новыми обязанностями. Теперь я должна была заранее планировать все ее деловые свидания. Кроме того, на мне лежал прием именитых гостей: испанских и бразильских поставщиков белья, производителей тканей, знаменитых фотографов и гостей не поддающейся определению категории, которых Качита называла „выдающимися деятелями“. Я должна была заниматься членами международного жюри, заботясь о том, чтобы они были удобно устроены и ни в чем не испытывали недостатка. На моей совести было также анкетирование. Я сама составляла анкеты, печатала их и распространяла.

Демонстрация моделей начиналась с выставки украшений, которые прикреплялись к купальникам манекенщиц. Зал погружался в темноту, и только пучки света передвигались по сцене, превращая манекенщиц в какие-то неземные магические существа, светящиеся и переливающиеся. Эти существа плавно и соблазнительно двигали руками и бедрами, будоража воображение зрителей.

В этом году мне предстояло открыть показ мод. Зная, что последняя „Кубамодас“ 1988 года длилась более двадцати четырех часов, я настраивала себя на суровые испытания. Через несколько минут нужно было выходить на подиум. Я готовила себя к выходу, пытаясь, насколько это было возможно, оставить за ширмой артистической уборной все выпитое и выкуренное мною за тридцать три года. На моем уже не слишком упругом теле был только купальник из лайкры телесного цвета. Вдруг где-то поблизости раздались крики, а затем в уборную ворвалась толпа, состоявшая из агентов службы безопасности, журналистов и фотографов. Охранники не устояли против мощного натиска представителей прессы, в результате чего дикая орда грубо вторглась в храм наготы, являвшейся личной собственностью манекенщиц.

Я еще не была знакома с манерами зарубежных журналистов и в результате оказалась совершенно неподготовленной к встрече с ними: с мочек моих ушей и до самых плеч ниспадали коралловые серьги, шедевр кубинских ремесленников, а на лбу покоился черный птичий клюв и крылья — изобретение в мире — кубинской моды, которое, по замыслу авторов, должно было играть роль украшения. От век до висков лежали красные тени. Наверное, меня можно было принять за какую-то фею.

— Где Алина? — кричали ворвавшиеся журналисты.

— Who is she?

— Laquelle est Alina?

Представители прессы горланили на разных языках; слышалась даже скандинавская речь.

— Эй! Выйдите отсюда! Охрана! Вы куда смотрите? Разве непонятно, что здесь голые женщины? Никакого уважения! Совсем стыд потеряли! — возмущались полураздетые манекенщицы.

Так что впервые на страницы газет и журналов я попала в довольно странном виде: задница отставлена, на ногах болтается купальник, а на лбу красуется забальзамированная птица.

„Боже, помоги мне!“ — с надеждой обратилась я к Всевышнему, смиренно прикрыв глаза своими пурпурными веками. Пора было выходить. Зазвучала музыка. В ней слышался плеск волн, шум прибоя, крик чаек. Но вот музыка стихла, и вместе с полной тишиной на зал опустилась темнота. Я стала танцевать, двигаясь по эстраде, словно факир, боясь зацепиться за гвозди, которыми был прибит ковер.

Через восемь часов после моего выхода на сцену Магали, наша секретарша, отвела меня на мое первое в жизни интервью.

— Какого черта я должна давать какое-то интервью? — устало сопротивлялась я.

— Нужно будет поговорить об основных направлениях кубинской моды…

Я взяла букет увядших гладиолусов и опустилась в плетеное индонезийское кресло, полная решимости откреститься от своей предполагаемой близости со всеми существующими направлениями тропической моды.

Интервью о направлениях кубинской моды брали два журналиста. Свой самый главный вопрос они оставили на закуску:

— А как чувствует себя дочь Фиделя Кастро, представляя кубинскую моду?

— Вы что-то перепутали. Кубинская мода имеет своего достойного представителя в лице Качиты Абрантес. А моего покойного отца звали Орландо Фернандес.

От моего ответа Магали стало дурно. Так началась неделя „Кубамодас“. Было уже одиннадцать часов вечера. Сидя перед отобранными журналистами, усталая, с припухшими веками, я отрицала свое родство с Команданте, а также всякое отношение к представительным кругам кубинской моды.

Я позвала Альбиту.

— Вот следствие заявлений Тони! — сокрушалась я. — Начиная с одиннадцатилетнего возраста, каждый раз, когда кто-то спрашивает, не прихожусь ли я дочерью Фиделю, слово „да“

застревает у меня в горле. Я просто не могу его произнести. Это как дурной сон, Альба.

— Все сны, в конце концов, кончаются — и хорошие и плохие.

— Между нами говоря, меня абсолютно не волнует, что журналисты могут написать обо мне как о мятежной незаконной дочери Кастро. Но что превосходит мое чувство юмора, так это то, что из меня хотят сделать поборницу кубинской моды! Честное слово, это уже не смешно! Чтобы я рекламировала „yayaberas“ Делиты! И все эти камуфлированные костюмы, окрещенные „неустрашимая линия“. И эти тряпичные сандалии оливкового цвета! И юбки из ткани, которая стоит на манекенщицах колом и имеет вид рыбьей чешуи! Кажется, что от этих юбок еще веет запахом водорослей! И всю эту вереницу купальников под названием „Русалки“, сшитую Мартой Вероникой в Мексике… Нет, это уж слишком! Можно, конечно, сказать, чего от меня хотят. Но то, что я отказываюсь от подобной миссии, это совершенно однозначно. Представлять весь этот маскарад под соусом Качиты… Нет, увольте.

Альбита смеялась, а Магали пришла в ярость.

— Ты можешь сказать это тому, кто „подготовил“ журналистов для интервью. Я здесь ни при чем.

После этого интервью журналисты больше не могли проникнуть в артистическую уборную. Теперь на их пути стояли шкафы в костюмах и галстуках.

Через несколько недель ликующая Магали протянула мне журнал со статьей обо мне и с фотографией, на которой я сидела в индонезийском кресле с букетом гладиолусов. В статье говорилось о „тайной дочери Фиделя Кастро, которая способствует развитию и распространению кубинской моды“. И далее шло в назидательном стиле:

„В соответствии с поисками новых источников экспорта и в виду необходимости укрепления экономики страны путем приобретения конвертируемой валюты для преодоления империалистической блокады, которая мешает развитию нашей экономики, мы решили более широко задействовать кубинскую моду, организовав это зрелищное мероприятие, собравшее наших лучших модельеров…“

* * *

Даже Качита после выпитой бутылки водки не сказала бы хуже. Впрочем, алкоголь как раз действовал на нее положительно: после выпитого спиртного она становилась оживленной и очень

забавной. Мне трудно было понять, кто был автором этого пустословия. Поскольку в статье был указан адрес, а сама статья перепечатана в другие журналы, сад Дома Моделей был буквально заполонен туристами. Они шли нескончаемым потоком, словно в зоопарк. Разумеется, главным зоологическим аттракционом была я. Повышенное внимание к Дому Моделей в моем лице отрицательно сказывалось на ежедневной работе всего персонала. Разумеется, манекенщицы не были признательны мне за происходящее, и артистические уборные переполнялись глухим ропотом недовольных.

Но я делала вид, что ничего не замечаю. Моя зарплата удвоилась, и я хотела и дальше жить в этом воровском раю. Это было почти то же, как если бы мне разрешали свободно распоряжаться деньгами в каком-нибудь банке: каждый день мы отправлялись с новыми туфлями для перепродажи и великолепными изделиями из серебра и черного коралла. Обмануть магазин не представляло для манекенщиц ни малейшей трудности. Мы жили, как набобы. Чтобы выманить меня отсюда, понадобилось бы поднести мне на блюде луну. Что вскоре и произошло. Из-за болтливости своего друга Папучо я узнала, что его мать, уже давно не появлявшаяся в Доме Моделей, оценивала сложившуюся ситуацию как неконтролируемую — журналисты не переставая осаждали все кабинеты.

Однажды вечером трем из них удалось проникнуть в артистическую уборную. Единственной одеждой, которая меня в тот момент прикрывала, была пара чулок. Я их держала в руках. В этом костюме Евы я дала им свой адрес, пока их не вышвырнули наемные убийцы из службы безопасности.

— Я жду вас там через полчаса. Будьте осторожны, перед моим домом — переполненная до краев выгребная яма.

До того как они приехали, я успела предупредить маму. Нати была моим последним убежищем. Она обладала талантом держать людей в напряжении. Этим-то даром она и воспользовалась. Через два часа пресс-конференции она объявила журналистам:

— А теперь я оставлю вас с Алиной.

— Что бы я могла добавить к сказанному?

Первым заговорил Бертран де ля Гранж:

— Ты не хотела бы стать знаменитой? Работать манекенщицей в Париже?

Знаменитой? Чем знаменитой? Работать манекенщицей в Париже! Он, вероятно, полагал, что я давно не смотрелась в зеркало. Демонстрировать модели для старушек?

В сущности, Бертран интересовался политическими

диссидентами. Что могла я сказать ему и всем этим европейцам? Что на Кубе больше подземных туннелей, чем ходов в муравейнике? Правда состояла в том, что, сидя здесь, в подержанных парчовых сапогах Сандры Левинсон, в вязаной мини-юбке, с прекрасным макияжем, с шиньоном, облитым лаком, и красной рыбой на голове, я не имела ни малейшего желания проявлять неуважение к Марио Чанес, который побил рекорд, оказавшись самым старым политическим заключенным; к Армандо Байадаресу, инвалиду, брошенному в тюрьму едва ли не в юности; Янесу, начальнику охраны, который был так добр ко мне; ко всем женщинам и мужчинам, неизвестным жертвам знаменитого сатрапа, которые гнили в застенках старых колониальных крепостей за то, что открыто заявили, что им надоела Революция и надоел Фидель, или только за попытку покинуть остров. Я не хотела также проявлять неуважение к женщинам, которые в поисках долларов были арестованы, а многие и избиты за то, что воспользовались похотливой щедростью иностранцев, чтобы принести домой какую-нибудь одежду и хоть немного продуктов.

Мне не хотелось также испортить удовольствие доброму доктору Али, который, возвращаясь из Анголы, гордился тем, что ему удалось провести многочисленные ампутации, обойдясь без специальных хирургических инструментов, а используя для этой цели набор инструментов военного конвоя…

Мой сложный и словоохотливый антиконформизм и твердая убежденность в том, что мой отец был плохим руководителем, не давали мне права свободно говорить, выражая собственный взгляд на происходящее вокруг.

В этот вечер я очень устала. Лежа в постели, я думала о том, чего мне можно ожидать от будущего после моих ответов на вопросы журналистов.

* * *

Но журналисты не были удовлетворены моими ответами, и будущее было где-то очень далеко.

— Высшее командование выбрало наш Дом Моделей местом проведения годовщины „Prensa Latina“, основателями которой были Гарсиа Маркес и Джордж Тимосси. Они будут присутствовать на торжественном событии вместе с Команданте. И в этот вечер показ моделей должен пройти на самом высоком уровне Я настаиваю на этом! Мы должны продемонстрировать украшения, одежду для детей, купальники — словом, все. Я

повторяю, все должно пройти безукоризненно! — внушала нам Качита.

Габо в представлении не нуждается. Что же касается Тимосси, то это аргентинский журналист, увековеченный художником-юмористом Кино.

„Написать столько поэм и эссе, чтобы войти в историю литературы в качестве друга Мафальды!“ — горевал он. Впрочем, Кино и Тимосси дружили с самого детства Все эти люди были очень симпатичными, но я не могла понять, как мужчина, в течение тридцати пяти лет не менявший фасон своей одежды, мог интересоваться вопросами моды. Это было по крайней мере нелогично.

На это событие были приглашены многие иностранные журналисты, которые по дошедшим до меня слухам разыскивали меня, надеясь захватить в плен.

Я должна была открывать показ моделей, двигаясь по подиуму в купальнике, в изобилии украшенная ракушками и кусочками черного коралла. И с забальзамированной птицей на лбу. Мне очень шли все эти купальники из-за полного отсутствия даже легкого намека на целлюлит. В шоу принимала участие и Мюмин Она была одной из звезд, демонстрирующих модели детской одежды.

Мне пришло в голову, что таким способом кто-то хотел вызвать у Команданте кровоизлияние в мозг. Я пришла достаточно поздно, чтобы команда телохранителей не пропустила меня в здание. Я приготовилась к неприятностям, будучи уверенной, что едва Фидель переступил порог Дома Моделей, как он сразу же послал кого-нибудь из своих людей сорвать показ. Едва ли он был расположен аплодировать мне и кричать: „Вива! Вива!“.

Качита извинилась от имени своих манекенщиц:

— Выбор Дома Моделей для проведения такого важного мероприятия был, вероятно, ошибочным.

Я так и не узнала, кто был автором блестящей идеи дать сообщение в прессе о присутствии в храме кубинской моды незаконного отпрыска Фиделя Кастро, Может быть, идея принадлежала Качите? Или ее брату? А может, заведующему протокольным отделом, сына которого я поставила на место во время акта отречения в Дипломатической школе? Впрочем, какая разница, кто из них был инициатором этого дела? Ведь все они питались из одной кормушки.

Вечером ко мне подошла Делита, виновная в создании пресловутой коллекции „неустрашимая линия“, состоявшей из костюмов, сшитых из камуфляжной ткани, негнущихся юбок из

рыбьей кожи и отвратительной обуви. Она устроила свой импозантный зад на стуле рядом со мной. По ее виду можно было определить, что она решительно настроена разговорить меня.

— Ты знаешь, Алина, мне кажется, что нас ждут приятные перемены. Команданте, то есть твой отец, направил к нам своих сотрудников, чтобы провести анкетирование. К сожалению, нас, работников творческого труда, никогда не поддерживали, но на этот раз… Я думаю, все изменится! Все будет просто замечательно!

Люди принимают меня за „фиделолога“, а между тем… А между тем все, что я знаю по предыдущему опыту, говорит о том, что если Фидель сует свой нос туда, где нахожусь я, то он обязательно все испортит.

— И в самом деле, очень хорошая новость! Теперь все пойдет гораздо лучше. Вот увидишь!

И я сразу же пошла в кабинет забрать все свои вещи. Я ни секунды не сомневалась в том, какой курс возьмет бумажный кораблик под названием „Дом Моделей“ — он пойдет прямо ко дну. Похоже было на то, что Команданте сохранил свою старую привычку исследовать воды, в которых плавала его рыбка.

Чтобы выплеснуть куда-нибудь свою энергию, я отправилась в новую клинику Эсекьеля ле Куранде-ро. Но она оказалась пустой и заброшенной.

* * *

Эсекьель ле Курандеро называл себя биологом. Он изучил свойства лекарственных растений в ходе своих бесконечных кругосветных путешествий во время службы в торговом флоте. Это было еще до того, как он, благодаря своим глубоким познаниям и принадлежности к службе безопасности, был приговорен к многочисленным интернациональным войнам и к наказанию по совокупности в виде подозрительных обязанностей.

Смесь интуиции с опытом позволила ему лечить больных во Вьетнаме, а также в странах Африки и Латинской Америки. Здесь он нашел своих лучших толкователей и пациентов. Он говорил о панамском генерале Норьеге как о своем добром приятеле, и уж само собой разумеется, огромный дом генерала, кишащий кубинскими служанками, был для Эсекьеля островком его родины. Как известно, Куба является мощной медицинской державой. Время от времени Эсекьель получал задание по выведению болезнетворных бактерий, предназначенных навсегда остановить словесную распущенность какого-нибудь

нежелательного элемента. Впрочем, это всего лишь слухи, не подтвержденные фактами.

Абрантес благословил его, построив для него маленький госпиталь, который являлся в каком-то роде продолжением того хирургического отделения, в котором палаты имели размер спортзала и где медсестры предлагали туристам, путешествующим по стране Здоровья, изысканное меню.

Перед зданием госпиталя Эсекьеля постоянно стояла длинная, никогда не убывающая очередь людей, приехавших сюда со всех сторон острова в надежде вылечиться или хотя бы облегчить страдания. В этой очереди были люди с самыми разными заболеваниями — от опухолей на последней стадии до пиореи, от которой человек гнил заживо. Здесь были люди всех возрастов.

Время от времени я приносила Эсекьелю ящики с пробками и пустыми бутылками. Он работал с утра до вечера, наполняя емкости чудодейственными микстурами, мазями и золой, в которых еле уловимо билась тонкая жилка выздоровления.

Во время этого своего визита в маленький госпиталь я не обнаружила ни малейшего следа человеческой деятельности, а травяные плантации вокруг здания были скошены.

— Его арестовали три месяца назад, а клинику закрыли. Говорят, все это было сделано по приказу Команданте.

Мой друг исчез. Получить более полную информацию о нем у соседей мне не удалось.

Наверное, Качита сейчас чувствовала себя так, будто сидела на раскаленных угольях, потому что министр, долгое время бывший моей тенью, тоже оказался замешанным в этом опустошительном деле.

Команданте мог насторожить, озадачить, но предвидеть его поступки было невозможно. Каждой своей клеточкой я чувствовала, что затевается что-то очень крупное. Но что именно? На этот вопрос я не могла ответить. Совершенно подавленная, в предчувствии поражения я вернулась в Нуэво Ведадо.

Часть третья

Материалы судебного процесса номер один за 1989 год по делу торговли наркотиками начали печатать в специальном выпуске "Granma", органе печати центрального комитета партии. В этом обличительном номере газеты вместо привычных четырех было целых шесть страниц.

Я играла в покер в посольстве Греции в компании приглашенных. Хозяйка посольства имела свою собственную "плантацию" мяты, поэтому весь вечер mojitos лился рекой. Я наслаждалась игрой и любимым напитком моего дедушки Маноло, как вдруг почувствовала странное желание перелистать "Granma". Мне не слишком нравились эти четыре страницы, напичканные небылицами и сомнительными сообщениями об очередном богатом урожае бананов. И тем не менее я прислушалась к своему непонятному желанию и взяла в руки газету. То, что я прочла, ошеломило меня: "За предательство дела Революции были арестованы следующие элементы…"

Арестовали генерала Очоа, героя родины, победителя войн в Эфиопии и Анголе; Диоклеса Торальбу, министра транспорта, не имевшего никакого отношения к военным. Были арестованы близнецы де ла Гардиа. Патрисио воевал в Анголе под командованием Очоа. Тони, сняв военный мундир, возглавлял отдел конвертируемой валюты. Эта служба была призвана обходить экономическую блокаду при помощи электробытовых приборов, автомобилей западного производства, одежды и обуви, коварно изготовленных в Панаме или Гонконге и предназначенных для реализации в дипломатических магазинах. Отдел конвертируемой валюты использовал еще одно средство прорыва блокады, которое по мере возможности держалось в секрете. Речь идет о торговле кокаином. Ни для кого не было секретом, что эта контора работала на правительство.

В тюрьму бросили — по совершенно уж непостижимым причинам — несколько солдат министерства внутренних дел, а также несколько гражданских лиц и несколько генералов.

На следующий день в своем коммюнике Фидель подверг резкой критике чуть ли не все правительство, обвиняя высокопоставленных чиновников в педерастии, коррупции, торговле наркотиками и подрывной деятельности.

Через неделю радио и телевидение передавали восьмичасовую непрерывную программу — судебный процесс номер один Военный прокурор обвинял всех этих военных с тридцатилетней выслугой в том, что они организовали целую

сеть торговли кокаином, которая охватила некоторые регионы Африки и Латинской Америки и простерлась до Нью-Йорка. "Секс, извращения, кокаин, предательство!" — обличал прокурор от имени Революции, Партии и Родины. Фидель и его брат Рауль присутствовали на процессе, укрывшись за стеклами одного из кабинетов театра Вооруженных Сил, где мне удалось поднять в небо Че.

Сидя в наручниках, униженные легендарные герои признавались или не признавались в совершенных злодеяниях в присутствии тщательно отобранных нескольких членов их семей.

Адвокаты не осмеливались защищать своих подзащитных. Впрочем, прокурор не давал им слова.

Процесс скользил по намыленному склону удовольствий: сексуальные приключения, оргии, заснятые на кинопленку, и другие церемонии культа расточительности. Казалось, что высокопоставленные руководители партии все свое время отдавали разгулу.

Когда этот фарс закончился, часть подсудимых получила смертный приговор, другая часть была приговорена к пожизненному заключению. Заключительное слово на суде произнес Фидель.

На пленуме политбюро он дал указание всем священным коровам оппортунизма высказаться в том же духе. Нужно было видеть этот букет лицемерных физиономий! "Арнальдо Очоа, предавший высокое звание национального героя, имел в своем распоряжении судно, нагруженное более чем ста тоннами кокаина… Судно, находилось в водах Анголы. Он намеревался обменять наркотики на оружие, чтобы затем совершить военный переворот, направленный против нашей Революции…"

Какое богатое воображение! Да с таким количеством наркотиков он вполне мог объявить войну целой галактике! И какой цинизм!

На Кубе кокаин был повсюду. За несколько месяцев до этого события мой друг Роже пришел домой с полной пробиркой наркотика, который он обнаружил в огромном количестве на островке, куда Гильермо Гарсиа, его начальник, похититель воды в квартале, отправил его за дичью, предназначенной туристам.

В Гаване было столько кокаина, что он в конце концов вытеснил ангольскую и колумбийскую марихуану. К его существованию на Кубе относились так снисходительно, что люди покупали и перевозили его в мешках из-под сахара из квартала в квартал, из провинции в провинцию. Кокаина было так много, что порой в голову приходила мысль о том, не является ли он основной причиной неисчислимых революционных демонстраций

и беспрерывных учений отрядов Народной милиции. Кокаин не был ни для кого секретом. Он являлся частью повседневного народного творчества уже давно, и перекладывать всю ответственность на солдат, которые жили и умирали на другом континенте, было бесчестно и подло.

Очоа кормил свою армию в Анголе благодаря мелким операциям по торговле драгоценными камнями, а также заставляя Агостиньо Нето вовремя выплачивать жалованье его людям. Что касается Тони, то он имел единственную возможность платить за своих "электрических слуг", за "ниссаны" и "мерседесы". И этой возможностью была торговля наркотиками. Уже давным-давно Тони начал совершать свои челночные поездки в Майами.

А на какие средства латино-американские партизаны покупали себе оружие? На деньги, вырученные от торговли кокаином! Именно благодаря кокаину американский департамент обеспечивал себе плату за оказание военной и технической помощи другим странам.

Очоа, Тони и Амадито Падрон были отправлены в камеру смертников. Но дата казни обнародована не была. В течение всей этой трагической недели я не отрывалась от телевизора, как будто надеясь услышать, что все это было дурным сном — и суд, и смертные приговоры. Я не могла поверить, что Фидель вот так просто, одним взмахом руки даст команду стрелять в людей, которые всю жизнь были его друзьями.

— Твой старик — настоящий мерзавец! — заявили мне мои соседи.

Я думала о родителях близнецов, очаровательных Мими и Попин, а также об их внуках, которые выросли на моих глазах. Я собрала в комок все свои нервы, призвала все свое мужество и пошла их навестить. Они жили в доме на берегу моря. Когда-то всю их улицу заполняли машины. В этот вечер она была пуста.

Внуки бродили по дому, словно привидения. Несчастные старики еле переставляли ноги. Внезапная трагедия подкосила их. Попин совсем упал духом. Он ничего не видел и не слышал. Мими спросила у меня:

— Алина, ты не знаешь, когда расстреляют моего сына?

Я этого не знала.

В этом году дочь Тони не получила награды, предназначенной ей как лучшей студентке. Сыновья других осужденных на смертную казнь были исключены из школ и университетов. Исключение из учебных заведений сопровождалось унижениями и оскорблениями. В качестве компенсации за все неприятности министр внутренних дел

обеспечил этих ребят психиатрической помощью: врачи в форме пытались убедить детей, что их отцы получили справедливое наказание. Но никого убедить не удалось.

Вскоре после этого был, в свою очередь, арестован Абрантес. Через месяц после ареста у него произошел сердечный приступ. Тюремная "лада" повезла его в противоположную от поликлиники сторону. Он скончался от обширного инфаркта.

В то же самое утро, когда Абрантес умер, за мной пришел один из его сыновей. У тела бывшего министра внутренних дел, не так давно почитаемого и уважаемого, сидели только его ближайшие родственники и я. Арест Абрантеса сделал его явно непопулярной личностью. Что же касается моего присутствия, то можно лишь предположить, что я страдала синдромом Стокгольма.

На следующее утро караван Фиделя случайно оказался перед похоронной процессией. Машины замедлили ход. Со стороны маленькой траурной группы раздались крики: "Убийца! Убийца!"

Впечатленная моими литературными дерзаниями во время работы в Доме Моделей, Качита захотела, чтобы я произнесла торжественную речь над могилой ее брата. Но нужно быть законченной мазохистской, чтобы публично восхвалять благодеяния человека, который принес мне столько зла.

После похорон я отвезла своего друга Папучо к нему домой.

— Из-за твоего отца убили моего дядю, — сказал он. — Моя семья этого не забудет и не простит.

И он разорвал нашу дружбу.

Как-то утром, вскоре после приведения в исполнение смертных приговоров, ко мне пришла соседка Эстерсита.

— В квартале очень неспокойно. Сын Амадито Падрона каждый вечер подстерегает Мюмин на углу школы. Она не виновата в том, что твой отец расстрелял его отца, но люди такие злые. Всякое может произойти. Нужно бы куда-нибудь заявить. Правда, я не знаю, куда…

Я тоже не знала, куда заявлять и кому жаловаться. Мы превратились в семью палача. Не зря, видно, палачи прячут лица под капюшонами, выполняя свою кровавую работу.

* * *

В кубинском обществе произошли радикальные перемены: половина кубинцев не могла оправиться после массового истребления героев Революции. На свет появились диссидентские группы. Правительство потеряло способность действовать на

своих подданных силой убеждения. И уж тем более на меня. Я была уверена в том, что, находясь в подозрительном сожительстве с Фиделем, министерство внутренних дел умалчивало о всех попытках втянуть Кубу в торговлю наркотиками. *Я* представляла себе, как проходил торг: "Я повлияю на ход партизанской войны в Латинской Америке или в другом месте. В вашу пользу, разумеется! А вы за это закроете глаза на торговлю наркотиками и, главное, продлите эмбарго".

А эмбарго, дамы и господа, это крупный антиимпериалистический козырь. Но американскую империю мало волнует мнение мирового сообщества. Единственное, что ее интересует, это возможность иметь на Кубе податливого правителя, с которым можно обо всем договориться. Куба — это будущая Гренада. Через некоторое время она покроется пятизвездочными отелями и забегаловками McDonald's. И будто подтверждая мои умозрительные заключения, после судебного процесса номер один пал Норьега, пал и светлый Ле Сантье в Перу, и Цезарь Гавириа.

Но Фидель сохранил свою интернациональную ауру. Однажды вечером по телевизору рухнула берлинская стена, а с нею и социалистический лагерь. На Кубе единственным отголоском всех этих событий явилась отмена изучения русского языка в университете. Фидель заменил его английским.

Затем он устроился на экранах телевизоров, чтобы объяснить кубинцам, что такое Особый период и Нулевой выбор, хотя с последним было все предельно ясно без объяснений: электричества — ноль, продуктов — ноль, транспорта — большой жирный ноль. Сплошные ноли! Ничего, кроме нолей!

Чтобы люди не слишком явно выражали свое недовольство, Фидель решил отвлечь их внимание от печальных событий, введя моду на коллективные обеды. Это было что-то наподобие славянского обычая под названием селянка, когда люди после совместного труда в общем котле готовили блюдо, состоявшее из всевозможных ингредиентов, то есть из всех тех продуктов, которые принесли работники. Так получалась селянка, которая позднее превратилась в солянку. Вклад каждого кубинца в латиноамериканскую солянку был невероятно скромным: картофелина, перышко лука, долька чеснока… За организацию таких "пиршеств" отвечал Комитет защиты революции. В качестве дополнительного питания кубинцы получали витамины, которые им приносили прямо на дом.

А чтобы люди не упивались отчаянием, им было предложено разводить у себя кур.

— Империализм разрушил нашу национальную традицию

разведения домашней птицы. Каждый житель Кубы получит трех цыплят под свою полную ответственность. Что касается продуктов питания, их государство не имеет возможности поставлять.

Люди принялись за разведение кур. Кормили домашнюю птицу измельченной и высушенной на солнце кожурой от грейпфрутов. А кубинские дети обедали водой и грязноватым сахаром, бродившим в банках и не привлекавшим внимание даже непривередливых тараканов.

Цыплята росли как домашние животные. Дети давали им имена и играли с ними. Когда цыплята превращались в кур, их порой было трудно убивать и есть. Уж слишком к ним привязывались.

После кур в Гавану прибыли свиньи и козы. Козы облюбовали газоны на пятой авеню, а свиньи оккупировали дворы. Чтобы избежать жалоб со стороны соседей, счастливые владельцы коз и свиней вводили своей живности снотворное. А наиболее практичные и наименее чувствительные хозяева перерезали животным голосовые связки.

Моя Гавана стала меняться на глазах. В воздухе витали новые запахи, не свойственные городу вообще; среди них преобладал запах навоза. Все это сильно напоминало мне далекие годы моего детства, когда, проходя мимо общежития будущих макаренко, Тата отводила меня подальше от окон, чтобы на голову не свалилась использованная гигиеническая салфетка. А какими звуками наполнилась Гавана! Козлиное блеяние, куриное кудахтанье, поросячий визг — все это можно было услышать, не уезжая в деревню. И в этот пронзительный хор довольно органично вплетались резкие голоса королев продовольственных карточек:

— Привезли мясной паштет! Сегодня отпущу первые сто номеров из первой группы!

— Привезли хлеб из бониато!

Стограммовые булочки из бониато были съедобны первые два дня. На третий день ими можно было отравиться.

Так называемый мясной паштет представлял собой отвратительную мешанину из сои, хрящей и кукурузной муки. Мне бы очень хотелось, чтобы кто-нибудь из славных защитников кубинского режима как-нибудь отведал блюда, обязанные своим появлением на свет нищете: вареную банановую кожуру, хлеб из бониато. А жареных слизняков никто не пробовал? А рагу из кошки?

Люди выгуливали своих кур на поводках, словно собак, чтобы защитить их от прожорливых кошек. А кошачье мясо высоко котировалось на черном рынке.

В довершение всех несчастий, началась эпидемия неврита, из-за которого тысячи кубинцев лишились зрения И хоть Фидель настойчиво внушал своим соотечественникам, что вирус был новым подарком империализма, истинная причина этого несчастья скрывалась в недрах бактериологической лаборатории министерства Вооруженных Сил, где холили и лелеяли болезни, необходимые для крепкого политического здоровья кубинцев, которых сейчас просто отравили таллием, содержащимся в самодельных гербицидах и пестицидах.

Но, несмотря на все это, крестьянам по-прежнему запрещали свободно продавать выращенные овощи и фрукты, и они гнили, потому что государство не обеспечивало своевременного вывоза сельскохозяйственной продукции с полей.

И тогда люди повернулись лицом к Богу. Религиозный беспорядок усилился, когда Фидель сменил лозунг "Родина или смерть" на лозунг "Социализм или смерть". А поскольку Команданте всегда все предвидел, в данном случае беспорядок, то он своевременно организовал бригады быстрого реагирования, которые разгоняли дубинками участников религиозных демонстраций. Потом Фидель стал собирать молодежь вокруг огромных костров для проведения культурно-патриотических мероприятий. Греться у костра в тропическом климате, где на асфальте запросто можно жарить цыплят, — это было невероятно оригинально.

Таков был этот безумный, безумный и очень грустный мир унизительного сюрреализма.

* * *

В одну из ночей того странного и страшного времени меня позвала мать:

— Спустись вниз. На улице тебя ждет человек, которого ты очень любишь.

Это был Эсекьель ле Курандеро. Вдали от людских глаз, на маленькой улочке я что было сил сжала его в своих объятиях.

— Почему ты так неожиданно исчез? Что произошло?

— Это длинная история…

Эсекьель не захотел мне рассказывать о случившемся сразу. Он пригласил меня на ферму, которую ему выделили для возобновления исследований.

— Там еще нет электричества, но кусок земли и здание — прекрасное начало для клиники альтернативной медицины. Я пришел к тебе, потому что ты всегда верила в меня и сейчас, я не

сомневаюсь, поможешь мне. Приходи ко мне на следующей неделе. Иди по дороге, которая ведет к церкви Сан Ласаро. Там спроси у кого-нибудь, где находится клиника по лечению СПИДа. Когда ты ее увидишь, спроси, где ферма Гильермо Гарсии по разведению петухов. И не перепутай клиники. Я говорю тебе о той, в которой лечатся обычные люди, она слева. А та, что справа, принадлежит министерству внутренних дел.

— Ты говорил что-то о разведении петухов. Я не очень поняла.

— Это ферма, на которой Гильермо Гарсиа разводит бойцовых петухов. Тебе там любой покажет, где она.

— Но ведь петушиные бои на Кубе запрещены!

— Эти петухи предназначены на экспорт.

Итак, Гильермо Гарсиа, бывший министр несу-шествующего транспорта, трудился на благо национальной экономики, разводя бойцовых петухов.

Клиника, о которой говорил мой друг Эсекьель, представляла собой эдем, в который попадали больные СПИДом. Многим пациентам разрешалось раз в неделю покидать это заведение. Все зависело от того, насколько опасен тот или иной больной для здоровых людей. Ведь некоторые из приговоренных к "пожизненному заключению" были заражены этой неизлечимой пока болезнью во время переливания крови; некоторые же заразились добровольно, чтобы умереть в свободной атмосфере со свободной сексуальностью, подобно некоторым юношам и девушкам, которые между предлагаемой им жизнью и СПИДом выбирали последнее. Здесь было совсем не так, как когда-то в постыдных лепрозориях. Больным предлагали различные культурные мероприятия. Они имели право жениться. Было немало документальных свидетельств, подтверждающих, что, несмотря на страшное заболевание, пациенты этой клиники чувствовали себя счастливыми; их кормили, с ними хорошо обращались. Особенно признательны они были студентам первого курса Медицинского института, которые в конце недели сопровождали их, ели и пили вместе с ними. Будущие медики своей чуткостью, своим неравнодушием рождали у доверенных им тяжело больных людей ощущение домашнего тепла. Они были их ангелами-хранителями. Особенно внимательно в клинике относились к тем, у кого болезнь находилась в последней стадии.

— А чем ты занимался в этой клинике в течение двух лет?

— Я потом расскажу тебе обо всем.

И он ушел в глухую ночь.

* * *

У меня почти не было времени скучать, потому что, к моему удивлению, представители прессы не пришли в уныние и не отчаялись после той нашей встречи, когда я, с достоинством держа в руках чулки, дала им свой адрес. Многие журналисты подстерегали меня возле дома в надежде взять интервью. Каждый устраивался, как мог: одни облюбовали выгребную яму и мужественно вдыхали миазмы, витающие над ней, другие обосновались у самого подъезда. Всех этих людей объединяли такие качества, как упорство и невозмутимость.

Двое французских журналистов с удивительным постоянством обращались ко мне с просьбой презентовать им волосок с бороды Команданте. Если верить их словам, то они собирались путем проведения спектрологического анализа проникнуть в тайны личности Фиделя. Все мои попытки убедить их, что я не имею доступа к бороде главы государства, не дали результата. Возвращаясь из Франции в очередной раз, они методично продолжали свои домогательства. В конце концов я не выдержала и дала им взамен вожделенных волосков Фиделя несколько своих волос с лобка.

В это время я была единственным на острове человеком, пользующимся относительной свободой слова. Я могла вслух заявлять об отсутствии свободы в стране без трагических последствий для себя — меня не будили ночью, не избивали, не отвозили в тюрьму. Меня не трогали. Но я не сразу осознала эту странную ответственность перед другими кубинцами. Это произошло лишь после того, как я смогла преодолеть свой страх. А это было очень нелегко.

Благодаря активной деятельности журналистов вскоре ко мне с предложениями стали обращаться биографы. По этой же причине стало возможным возобновление связи с моими старыми друзьями, покинувшими Кубу. Я до сих пор с волнением вспоминаю тот вечер, когда ко мне приехал кудрявый юнец с голубым взором, до краев переполненным почтительной нежностью. Его прислал мой друг Освальдо Фруктуосо, сын человека, пострадавшего во имя Революции. Освальдо был типичным представителем поколения разочаровавшихся кубинцев, к которому причисляла себя и я. Прелестный юноша протянул мне визитную карточку, на которой золотым по черному было написано: "Карлос Люмьер. Фотограф из Воге". И больше никакой информации — ни адреса, ни номера телефона. С таким же успехом я могла напечатать на своей визитке: "Алина Фернандес. Советник президента Рейгана". Но в порыве неизлечимой веры в дружбу я дала согласие этому юноше сделать с меня несколько фотографий.

— Если они разойдутся, Освальдо найдет способ переслать тебе деньги.

Я одолжила несколько модных тряпок у своей подруги Альбиты. А приблизительно через две недели после встречи с протеже Освальдо я обнаружила свою фотографию в одном иллюстрированном испанском журнале. На мне была самая современная одежда, которую можно было отыскать в Гаване. Я томно возлегала на скалах незабываемого Малекона, комментируя цены на растительное масло и кошачье мясо на черном рынке и рассказывая об ужасах проституции на Кубе. А внизу блестела морская гладь. Думаю, я производила неизгладимое впечатление на читателей журнала. Эдакая эротизированная леди Ди в кружевном белье, повествующая о нищете в Бенине… Статья была написана в лучших традициях Фернандо, друга Освальдо.

Когда они оба задумали вытащить меня с острова, я не восприняла это всерьез, так же, впрочем, как я не поверила в их добрые намерения. И это несмотря на то, что они были моими друзьями. Что ж, среди моих друзей есть разные люди.

Через несколько дней я получила закодированное письмо от моего друга Альфредо де Сантамарины. Он предлагал мне уехать в Швецию. Альфредо — глубоко человечное существо, к которому я очень привязана за его прекрасные качества, свойственные обычно детям. Не знаю, каким образом ему удалось убедить шведское правительство принять меня. Я должна была ответить на его письмо зашифрованным предложением, в котором есть упоминание о радуге. Я написала ему безумное письмо, в котором говорила о радуге, как о мечте, осуществление которой нужно отложить до лучших времен. Я была слишком вдохновлена своей миссией народного глашатая. Я чувствовала долг перед всеми кубинцами, вынужденными молчать. Кроме того, я не понимала, какое отношение к политическому убежищу имел такой предлог, как моя прогрессирующая язва. И, наконец, за мной никогда не приезжала полиция, меня не избивали, не бросали в тюрьму, как это было со многими диссидентами. А мои бессонные ночи, страх за возможность оказаться в тюрьме — все это не шло в расчет. Это были всего лишь мои переживания, а не свершившиеся факты. Впрочем, даже если бы этих аргументов для принятия моего решения было недостаточно, визит представителя нового поколения кубинских военных явился очень веским и окончательным аргументом.

— Швеция ищет предлога для разрыва отношений с нашей страной, чтобы прекратить оказывать Кубе помощь как развивающейся стране. Речь идет о поставках школьного

оборудования, техники и тому подобного. Если ты примешь политическое убежище, то тем самым причинишь вред кубинским детям. В любом случае, можешь зря не переживать: ты все равно никуда не уедешь.

Несмотря на всю эту кампанию разубеждения, Альфредо отправил ко мне викинга из шведского посольства, который назначил мне встречу в баре двухзвездочного отеля "Англетер", находящемся в самом центре старого города. Здесь обычно проходили встречи самых наивных деятелей дипломатического шпионажа. Сидя в плетеном кресле за таким же плетеным столиком, я очень твердо ответила викингу "нет", рассыпавшись после этого в самых угодливых благодарностях. Больше мы ни о чем не говорили. Мой друг Альфредо до сих пор не может мне этого простить.

Я прибыла на ферму Эсекьеля вслед за процессией, направлявшейся в церковь Сан Ласаро. Такие паломничества совершаются ежегодно под присмотром полиции. Я принесла с собой кое-какие предметы домашнего хозяйства, в том числе небьющуюся посуду и итальянскую кофеварку. Кроме того, я захватила бутылку рома.

Будущая клиника альтернативной медицины представляла собой заброшенный барак, расположенный в глубине сада. Почва в саду была такая каменистая, что кустики лекарственных растений, пробившиеся сквозь эту твердь, казались чудом. Эсекьель готовил свои волшебные микстуры тут же, на воздухе, под деревьями, разведя костер из сухой кожуры кокосовых орехов. Он колдовал над тремя котелками со своим помощником — не слишком проворным юношей. Казалось, что это не современный врач, а древний друид с помощью эльфа готовит какое-то зелье.

Поздно вечером Эсекьель смог, наконец, поведать мне о своих злоключениях:

— После того как с Абрантесом покончили, меня продержали несколько дней в Вилла Мариста…

— Тебя били?

— Нет, они с уважением отнеслись к моей заднице, но вот что касается моего морального состояния… Попросту говоря, они меня раздавили. Ведь все эти годы я работал в министерстве внутренних дел, служа Революции и Фиделю! И вот что самое отвратительное: им от меня теперь нужно то же самое, что раньше Абрантесу.

Я находилась в некоторой растерянности. Разумеется, то, что произошло во время судебного процесса номер один — разгром министерства внутренних дел и личной охраны Фиделя, — нельзя было расценить иначе, как катастрофу. Но Команданте как никто

другой умел превратить тропические почвы в виноградные поля, а поражение в победу. Его новое поколение наемников вело себя гораздо хуже, чем предыдущее поколение. Это уже были внуки двойной морали и идеологического оппортунизма. Они вновь прибегли к помощи Эсекьеля, но это уже была помощь совсем иного рода: вместо того, чтобы лечить торговцев наркотиками на дому, он должен был работать над составлением смертоносных микстур, предназначенных для опасных свидетелей всей этой истории с наркотиками как на острове, так и за его пределами. Вот почему мой друг остался в живых. Но то, чем талантливому врачу навязывали заниматься, лишило его возможности жить в согласии с собой.

— Я по уши в дерьме, — подытожил Эсекьель.

— Где ты был все эти три года?

— В клинике по лечению больных СПИДом.

Перед ним была поставлена задача найти средство от этой болезни. Ему удалось изобрести микстуру, способную поддерживать имунную систему. Но он не стал открывать мне волшебную формулу: правительство продало его изобретение в Восточную Германию.

— Это ужасное место. Весь персонал состоит из полицейских. Два года, проведенных здесь, приравниваются к работе за рубежом… Я благодарю тебя за твое внимание, за помощь. Приходи на следующей неделе. Я что-нибудь придумаю для Нати.

У Нати с недавних пор на шее слева появилась опухоль, и это очень меня беспокоило. Несмотря на все мои уговоры, мама отказывалась показаться врачу. Я пришла к Эсекьелю не только для того, чтобы принести ему кое-что для хозяйства, но и чтобы упросить своего друга изобрести средство против какой бы то ни было опухоли, способной посягнуть на несокрушимое здоровье моей мамы.

Я вновь поехала к нему на следующей неделе. Я везла с собой пустые бутылки для микстур. У меня было какое-то нехорошее предчувствие, словно я шла навстречу новой опасности. На тот случай, если бы мне понадобилось по каким-то причинам срочно уехать, я взяла с собой в качестве своеобразного алиби даму из high society, американку, приехавшую на Кубу с проектом описать историю жизни четырех поколений кубинских женщин, представленных в лице Натики, моей матери, меня и Мюмин. Эта дама была из выводка биографов, которые хотели во что бы то ни стало рассказать миру о том, в компании с кем Фидель произвел на свет незаконную дочь. Но она была единственной, кто предложил за это заманчивую сумму. Это была нежная, безобидная, во всяком случае с виду, алкоголичка, которая в свои

пятьдесят лет подражала Жаклин Кеннеди. Но присутствие этой американки не помогло мне избежать неприятных встреч и переживаний. Спрятавшись за дымом, исходящим от магических котелков моего друида, меня поджидали две незнакомые личности. Эсекьель виновато объяснил:

— Это здорово похоже на западню, но когда ты с ними поговоришь, то простишь меня.

Это были больные, сбежавшие из клиники по лечению СПИДа. Они сразу изложили суть дела:

— Его зовут Ото, а меня — Рениель. Нам необходима твоя помощь.

Ото был черный и большой, как воин племени масаи, и его наверняка звали Барбарито до тех пор, пока он не попал в распоряжение министерства внутренних дел, где ему изменили имя. Рениель — любимый псевдоним службы безопасности. Если на Кубе с вами знакомится мужчина по имени Рениель, не сомневайтесь, он имеет непосредственное отношение к тайной полиции.

Черный великан утверждал, что он был доверенным человеком Фиделя в Анголе. Маленький крепыш служил в военной контрразведке. По утверждению этих парней, оба они были отправлены в клинику лечиться от СПИДа, которого у них не было. Каждый раз, когда они возвращались на Кубу, их обязывали сдавать анализ на присутствие в крови вируса СПИДа. Только получив "добро" от медиков, они имели право покинуть Анголу. По версии парней, после того как Очоа, Абрантес, Тони и другие были похоронены, новый полицейский аппарат под руководством Фурри решил от них избавиться. Сначала их обвинили в гомосексуализме, а затем отправили в специальную клинику, в которой пациентов не лечили, а через два года отправляли домой.

Они были убеждены, что Фидель ничего не знал об этом деле. Они предприняли две неудачные попытки сделать анализ крови за рубежом, после чего решили найти человека, приближенного к Команданте, чтобы информировать его о своем положении. Я им объяснила, что меньше всего подхожу на роль посредника, поскольку мы с Команданте разорвали все личные связи, не придя к общему знаменателю в вопросах международного туризма.

Жаклин Кеннеди номер два, она же биограф, время от времени приближалась ко мне, испытывая килевую качку по причине выпитого saoco (ром, кокосовое молоко и лимон). Она поторапливала меня, потому что в течение этого вечера ей предстояло принять участие в двух важных мероприятиях: во-первых, она организовывала ужин для деятелей кубинского

киноискусства, во-вторых, после этого ужина ее ожидала встреча с фантастически красивым парнишкой. Но я вновь вышла на тропу грусти:

— Если вы были доверенными людьми Фиделя, он не может не знать о вас. Мало того, с вами ничего не может произойти без его ведома. Если вас обвинили в гомосексуализме и заточили в клинику для больных СПИДом, значит, этого хотел он. Тем более что все это связано с судебным процессом номер один 1989 года. Вы же знаете, что даже его собственные друзья, имеющие отношение к этому делу, были убиты по его приказу.

Но я не смогла их убедить. И отказать им я тоже не смогла. Я возвращалась в Гавану *с* твердой решимостью во что бы то ни стало передать письмо Высшему Лидеру. Я писала ему впервые за последние десять лет: "Два пациента из клиники по лечению больных СПИДом утверждают, что они здоровы и оказались здесь по ошибке. Они воевали в Анголе. Эти люди думают, что их отправили в клинику, не поставив об этом в известность тебя…"

Зная, что Команданте предпочитал предоставлять проблемам возможность решаться без его вмешательства, я добавила, что в случае, если эта информация останется без внимания, существует опасность взрыва склада с оружием или с горючим: отчаявшиеся люди могут пойти на этот роковой шаг.

Чтобы письмо попало в руки Фиделю, я решила обратиться к одному из своих младших сводных братьев, пареньку, одержимому двумя великими страстями — кибернетикой и марафонским бегом. Объяснив ему во время тайной встречи суть дела, я передала письмо. Как я и подозревала, Команданте проигнорировал мое послание. Он был слишком занят.

Нулевая позиция упразднила горючее, а следовательно, весь общественный и личный транспорт. Часть чиновников, бесполезных в период кризиса, была досрочно отправлена на пенсию с заданием следить за соседями и доносить на них. Остальным же кубинцам, несмотря на отсутствие транспорта, необходимо было как-то добираться до мест работы или учебы. Чтобы это стало возможным, государство решило обеспечивать людей велосипедами. Это были китайские велосипеды, изготовленные по патенту, который китайцы купили у англичан после второй мировой войны, в 1946 году. Во всяком случае, точно такой велосипед мне подарили тридцать лет назад. Для трех поколений кубинцев это было возвращением в их бедное детство, в котором велосипед являлся желанной игрушкой, но только теперь велосипедов было значительно больше.

Китайский велосипед образца второй мировой войны неожиданно обнаружил в себе такой запас прочности, о котором

раньше никто из кубинцев не подозревал: целые семьи усаживались на велосипеды, оснащенные дополнительными сиденьями; кроме того, на велосипедах перевозили все, что можно было приобрести на черном рынке, — свадебные пироги, холодильники, строительные материалы. Мама приходила в полный восторг, видя неистощимую силу творчества своего народа. Она прогуливалась с фотоаппаратом через плечо, чтобы не упустить возможности запечатлеть самые оригинальные проявления фантазии кубинцев. Я же воспринимала все это совсем по-другому. Мне было грустно видеть, как мужчина рахитичного сложения, словно бык повозку, тащил на велосипеде двух своих детей и жену с подпрыгивающими от езды ягодицами. И не менее печальное зрелище представлял обливающийся потом мужчина, везущий на велосипеде свою дочь-невесту во Дворец бракосочетаний.

Вместе с творческим порывом народа, обязанным появлению на Кубе большого количества велосипедов, на остров пришел новый вид преступлений, тоже связанный с этим видом передвижения. Дело в том, что китайцы не предусмотрели запчастей для своих доисторических машин. Чтобы завладеть велосипедами, кубинские воры пускали в ход всю свою фантазию, Самый распространенный способ состоял в том, что посреди улицы натягивалась проволока. Это делалось в то время, когда из-за отключения электричества кварталы пребывали в полной темноте. Многие дети умерли от того, что сильно ударились затылком при падении с велосипеда.

* * *

Мюмин росла счастливой девочкой. У нее было целых два дома, и она постоянно их меняла. Она начала ходить, выворачивая носки наружу. Ее голова была украшена лентами. Мюмин превращалась в настоящую балерину. Но в конце второго класса ее исключили из школы.

Двумя годами раньше мой сводный брат Фиделито привел в эту же школу свою дочь — крупную, полную девочку, матерью которой была русская. Чтобы заставить директрису принять свою дочь, Фиделито прибег к услугам двух полицейских. Они вели себя грубо и угрожали ей. Директриса предпочла показать свою силу на внучке номер два Команданте. Моей дочери было всего лишь десять лет, но, наверное, никогда не бывает слишком рано начинать оплачивать чужие грехи.

Мечта о школе в деревне стала ужасной реальностью, когда

Фидель объявил сельхозработы обязательными и закрыл все колледжи и подготовительные курсы в университете. Под предлогом нехватки бензина он сообщил, что мальчики могут проводить дома не больше трех дней в месяц. Смельчаков, которые отважились опротестовать это решение на партийных собраниях, заставили замолчать, и в конце концов люди смирились.

Нищета ввела в школах порядки, больше подходящие для тюрьмы: ученики, словно улитки, носили с собой все свои вещи. В карманах лежали зубные щетки и куски мыла. Спали в обуви. Все это делалось для того, чтобы не оказаться обворованными. А еще каждому ученику необходимо было уметь постоять за себя и за свое добро.

Национальная школа искусств решила школьную проблему моей дочери, которая обменяла пуанты на современный танец. Большая, с длинной шеей, великолепными плечами, со ступнями, выгнутыми, как полумесяц, она была необыкновенно хороша.

В первом классе я могла отвозить ее в школу и забирать домой, потому что иногда появлялся бензин. Во втором классе бензин исчез окончательно, и девочка ходила утром и вечером по авеню, пытаясь зацепиться за чьи-нибудь плечи, высунутые из двери автобуса. В третьем классе она взяла мой старый велосипед. Вместе с этим начались мои переживания.

Мюмин приходилось проезжать двадцать километров. Некоторым же преподавателям нужно было крутить педали более трех часов, чтобы добраться до работы. И это с желудком, на дне которого лежала крохотная порция мясного паштета в соседстве с забродившим сахаром. Неудивительно, что учителя стали пропускать уроки.

Ко всем этим неприятностям прибавилась еще одна, с политической окраской. Виновницей ее оказалась Розовая Пантера. Каждое утро в кубинских школах начиналось лозунгами. Дети выкрикивали их, выстроившись в ряд. Каждое утро нужно было обновлять старый лозунг или придумывать новый. Накануне Мюмин ходила со мной в гости к одной моей подруге. Там она увидела почтовую открытку с изображением Розовой Пантеры. Картинка сопровождалась небольшим комментарием. Прочитав его, моя дочь решила, что он вполне успешно заменит старый лозунг. В результате на следующее утро Мюмин и ее одноклассники с воодушевлением выкрикивали:

Утром я не в силах есть —
все мысли о тебе.
И вечером не в силах есть —

все мысли о тебе.
А ночью я не в силах спать —
все мысли о еде.

После этого меня срочно вызвали в школу, где я имела не очень приятную встречу с администрацией школы. Мою дочь обвиняли в том, что она делала дерзкие намеки на тяжелое положение, переживаемое национальной экономикой. Убедить администрацию в обратном можно было одним-единственным способом. Им-то я и воспользовалась. Я примчалась к своей подруге и прямо с порога стала умолять:

— Ради всех святых, одолжи мне на один день открытку с Розовой Пантерой! Я завтра же верну ее тебе!

Так я смогла уберечь свою Мюмин от убийственной записи в ее школьной характеристике.

Мой домовой продолжал учиться в школе без учителей. Это было так тягостно, что Мюмин впала в депрессию.

А Куба не переставала пополнять свои велосипедные запасы. Чем больше велосипедов появлялось на улицах Гаваны, тем больше происходило несчастных случаев.

У одного моего соседа таким образом погибла любимая девушка. Она ехала по городу на велосипеде в дождливый вечер. Тормоза китайского механизма отказали, и девушка врезалась в автобус, который ехал перед ней. Она попала прямо под колеса.

— От нее ничего не осталось, Алина! Ни ягодиц, ни живота — ничего! — плакал несчастный парень.

Каждый день в квартале происходила новая трагедия.

Я решила пройти по кладбищу Коломб.

— Вы не могли бы сказать, где похоронен Мамерто Наварро? — спросила я у кладбищенского служителя о несуществующем покойнике.

— Когда его привезли?

— Вчера.

— Вчера в котором часу?

Здесь царил порядок. Мертвые прибывали через каждые десять минут.

— По-моему, после обеда. У вас много работы?

— Такого никогда еще не было.

У старика был необыкновенно счастливый вид. Работая на этом месте с 1960 года, он впервые за все это время почувствовал себя таким нужным. Чего не мог сказать о себе бальзамировщик Ленина, потерявший смысл существования с тех пор, как развалился социалистический лагерь.

— Что происходит? Людям стало нравиться умирать?

— Молчи, девочка. С того времени, как начался Особый период и стали раздавать велосипеды, в день хоронят не меньше сорока пяти человек. А раньше было не больше пятнадцати.

Капризная игра моего отца в коммунизм менее чем за два года утроила число смертей. Фидель истреблял население Кубы.

Я все записывала в свою черную записную книжку. Я собирала все эти факты в качестве материала для своей будущей книги. Это была статистика разрухи и беспорядка, царящих на Кубе.

Вернувшись домой, я в очередной раз застала Мюмин в слезах. На девочку угнетающе действовала обстановка, сложившаяся в школе. Я стала уговаривать ее всерьез подумать о том, чтобы уйти из школы, в которую она добиралась, ежедневно рискуя жизнью только ради того, чтобы присутствовать на занятиях, проводимых невидимыми преподавателями.

* * *

У меня началась эпоха чрезмерного стремления к совершенству, но совершенства не в общем и самом широком смысле, а в более конкретном проявлении: я решила привести в порядок свою квартиру. Это было необходимо по многим причинам. Во-первых, мое жилье превратилось в филиал прессы, обитающей на тридцать пятой авеню. Похоже было на то, что мне предстояло всю свою оставшуюся жизнь сосуществовать с многочисленными представителями мира журналистики. И коль это относилось к разряду неизбежностей, то не лучше ли было общаться с журналистской братией в более или менее приличных условиях? Во-вторых, ко мне приходило много людей со своими бедами. Из уважения к ним я должна была придать моему жилищу более достойный вид. И, наконец, моя Мюмин. О ней я тоже обязана была подумать. По причине изнемогающих от перегрузок велосипедов и неспортивного поведения учителей моя дочь большую часть времени проводила сейчас в нашем безобразном семейном гнезде. В квартире, в которой царят беспорядок, крики и горечь, невозможно проводить терапевтический массаж, гадать на картах, принимать друзей и провокаторов, успокаивать тревогу диссидентов, воспитывать дочь и любить мужчин. И неизвестно, что бы мне пришлось делать, если бы не появился волшебник в образе Альберто.

После магического заклинания духов при свете свечей я безутешно стояла там же, в туалете, умоляя унитаз, чтобы он

вновь стал глотать то, что всегда до этого безропотно глотал. Но унитаз был неумолим.

К счастью, я познакомилась с Альберто ле Пломбье, который представил мне своего коллегу Идуларио, а тот, в свою очередь, познакомил меня с Армандо, механиком, который сделал мое существование более приятным. Все они работали на двадцать седьмом маршруте городского транспорта, но в сложившихся условиях они не были загружены работой — маршрут обслуживали всего лишь два автобуса. И поэтому у моих новых друзей была возможность заниматься перепродажей.

Как только Альберто извлек на божий свет из глубин унитаза пробку от дезодоранта, явившуюся виновницей случившегося, я облегченно вздохнула.

— Время от времени нужно заново красить дом, в котором живете. Тогда он будет гораздо красивее, — посоветовал мне Альберто.

Это был единственный из всех известных мне человеческих существ, который не создавал проблемы, а решал их. Благослови его, Боже! Можно забыть о дерьме, подложенном другими, но трудно отделаться от своего, не спустив воду в унитазе. Вскоре ко мне на квартиру из мастерских автобусного парка стали прибывать волшебные инструменты: шлифовальная машинка, способная резать металл и камень, доисторическая паяльная лампа и целый набор шпателей. Я была очень счастлива в роли плотника, несмотря на обилие полученных порезов и ожогов. Я была в пылу работы, когда из коридора навстречу мне вышел play-boy неопределенного возраста со светло-пепельными волосами, скрывающими седину, в льняном костюме, с безупречно завязанным галстуком, с маленькими морщинками, которые появляются от солнца, когда человек проводит много времени на яхте и в бассейне. Я ни секунды не сомневалась, что в мою квартиру просочился очередной журналист, и поэтому повела себя довольно воинственно — замахнулась первым, что попалось под руку. Этим предметом оказалась шлифовальная машинка.

— Oh! Don’t worry! I didn’t come for an interview. Others plans! We, friends!

По моим предположениям, женщина в брюках, поддерживаемых булавками, потрясающая тяжелым предметом, должна была производить впечатление сумасшедшей. Но его это не испугало.

— My name, Marc. Me and you, food. Me here at nine.

Я прекратила бряцать своим оружием, но от приглашения категорически отказалась. У меня была только одна навязчивая

мысль: зараженная оптимизмом своего водопроводчика, я хотела привести в порядок свою тюрьму, а говоря иными словами — квартиру. Именно так я воспринимала свое жилище, покидать которое становилось для меня все опаснее. Во всяком случае, так мне казалось. Чувство страха не покидало меня, а, напротив, все больше усиливалось. Мне уже и самой не верилось, что когда-то я позволяла себе нарушать закон. Я давно уже отказалась даже от приятных прогулок по Гаване, потому что это было небезопасно для меня. Ведь я была дочерью Лорда голода и нищеты. О посещении же "диплоресторанов" не могло быть и речи.

Но, похоже, мой гость не хотел считаться со сложившимися устоями моей жизни. Он отвез меня в "Токолоро" — любимый ресторан Габо и всех важных персон, приезжающих на Кубу. В этом заведении весь персонал, от шефа до мойщика посуды, работал на службу безопасности, а микрофоны были установлены даже в кусочках льда для коктейля. Поскольку я об этом знала, то и вела себя соответственным образом. Вероятно, я произвела на Марка впечатление немой и умственно отсталой. Он был переполнен идеями и с одинаковой легкостью рассуждал об издании книги рецептов приготовления лангустов, о собственном исполнении кубинских песен и о продаже дрессированных дельфинов в отелях Варадеро. Он утверждал, что для многих богатых туристов возможность проплыть за пятьдесят долларов на спине дельфина является эротической мечтой. Впрочем, я слишком плохо знала изысканные вкусы обитателей этого мира.

Я попыталась продать ему свою повариху бабушку Натику с ее рецептом приготовления лангуста под горьким шоколадным соусом. Потом наступила очередь моей матери, которой ничто кубинское не чуждо, а следовательно, и кубинские песни тоже. А вот по поводу дельфинов я ничего не могла предложить своему разносторонне развитому собеседнику, и поэтому ему пришлось выбирать новую тему для разговора. Так мы впервые заговорили о моей будущей книге.

— Ты не хотела бы написать книгу? — спросил меня Марк.

— Да, конечно, хотела бы! У меня собралось уже несколько блокнотов с записями.

— А что ты туда записываешь?

— Все. Имена политических заключенных — их тысячи… Тюрьмы, где они содержатся… Опыты, проводимые в больницах… Испытания действия новых вакцин на детях… Каналы торговли наркотиками на Кубе… Я все записываю — фамилии, имена…

— Что ж, это очень хорошо… Но я имею в виду другое… Более личное… Где ты родилась, с кем дружила, где училась… В общем, то, что не имеет прямого отношения к политике.

Политика уже никого не интересует. Люди устали от трагедий. А Куба — не единственная страна, где людям тяжело живется… Есть ведь и Алжир, и Палестина… Я уж не говорю об африканских государствах, по сравнению с которыми Куба — рай земной…

— Но ведь разруха и беспорядок в Африке начались с того времени, когда Че и Специальные кубинские войска сотворили таких героев, как Лумумба…

— Да, да… Вполне может быть. Но все это было в шестидесятые годы, а мы живем в девяностые. Людей больше интересует жизнь твоего отца…

— Конечно! Он виновник всего происшедшего!

— Да, да… Не спорю… Но в высшем свете этим больше не интересуются. Людей в основном привлекают вещи более личные, более интимные.

— Личные? Выходит, я должна поведать миру о том, из чего сшиты кальсоны Команданте — из лайкры или из хлопка? Или о том, что он предпочитает в постели — быть вверху или внизу? И как он относится к более изощренным позам? Я не имею ни малейшего понятия о его сексуальных вкусах. Спроси об этом у моей матери, мерзавец.

Каково было мне, живущей в обстановке постоянной трагедии, узнать, что весь мир живо интересуется привычками Команданте, а Куба и кубинцы — всего лишь предлог для выяснения деталей его личной жизни? Бедная я, бедная! Я-то была убеждена, что мы, кубинцы, являемся частью видимого мира.

— Не сердись. Люди хотят также знать побольше о тебе, о том, как ты появилась на свет…

— А что здесь может быть интересного? Все знают, что мой настоящий отец при моем рождении не присутствовал. Может быть, ты хочешь спросить, почему? По-моему, это и так понятно! Об этом знают даже на Огненной Земле!

— Да, да… Конечно… Но есть немало вещей в прессе и в литературе, которые тебе неизвестны. Например, какие самые сенсационные темы или каково общественное мнение по тем или иным вопросам. Книга, которую от тебя ждут, вероятно, должна быть не такой, какую ты собралась писать.

Что я вообще могла знать о прессе и литературе, живя на Кубе? Я не знала, что существуют люди, способные украсть вашу историю только для того, чтобы попасть на экраны телевизоров. Я не догадывалась о том, что некоторые представители рода человеческого видят смысл своего существования в том, чтобы рыться в чужом грязном белье и получать за это деньги и известность. Даже моя изысканная и пристрастная к алкоголю

Жаклин Кеннеди номер два не казалась мне способной развесить на общее обозрение грязное белье членов моей семьи. Я еще не знала, какие последствия будут иметь последние события, происшедшие в моей жизни.

— Я не знаю, Марк. То, что я хочу написать, содержится в моих блокнотах. Это цифры, статистика.

— Я вернусь с предложением. А ты позаботься о себе, а то как бы тебе не подыскали "негра".

— Что это еще за негр?

— Человек, который напишет о твоей жизни от твоего имени. Ты не узнаешь, как зовут этого писателя. Он как фантом — его нельзя увидеть. Таких писателей нанимают, если нужно написать книгу о жизни человека, который сам с этой задачей справиться не может.

Я еще не знала, что мошенничество является неотъемлемой частью современной литературы. Но вскоре я узнала это и многое другое и стала относиться к подобным вещам без лишних эмоций.

Вывоз за границу проб крови пятерых мнимо больных СПИДом оказался делом не столько рискованным, сколько хлопотным. Мне пришлось здорово поволноваться.

Я обратилась за помощью к одному журналисту, который согласился выполнить мою просьбу в обмен на письменную информацию о распространении СПИДа на нашем райском острове и о способах борьбы с этим бичом века. Журналист пообещал, что будет ждать меня на дороге в аэропорт, где я и передам ему пробирки с кровью.

Было пять часов утра, и утренняя суета на улицах Гаваны свидетельствовала о начале рабочего дня. Несколько дней назад я раздобыла одноразовые шприцы и пробирки, чтобы так называемые больные могли самостоятельно взять пробы крови.

В это утро Мюмин была со мной. Когда я увидела ее в первых лучах утренней зари с банкой из-под никарагуанского "Nescafe", наполненного пробирками, я вдруг поняла, что переступила границу здравого смысла: мой комплекс вины настолько ослепил меня, что я готова была подвергнуть смертельной опасности собственную дочь.

Как и договаривались, журналист положил пробирки в карман своей куртки, а через две недели он привез списки с результатами анализов: они оказались положительными и совершенно одинаковыми. Я вернулась на ферму Эсекьеля с плохими новостями.

— Они обманули их, — сказала я ему.

Масаи и контрразведчик отреагировали на сообщение очень спокойно:

— Такого быть не может. Результаты анализов не могут полностью совпадать даже у двух больных. Если верить тому, что здесь написано, то выходит, что мы — пятеро близнецов.

— Сделали все, что смогли. Я пообещала взамен информацию о нарушениях в клиниках по лечению больных СПИДом и название растения, из которого немцы делают таблетки, способствующие повышению иммунитета.

Он передал мне бумаги с данными. Я так и не узнала, какое применение нашла вся эта информация.

* * *

Мое пристрастие к анализам чужой крови, повышенный интерес к тюрьмам, участие в актах отречения, а также мой хорошо подвешенный язык явились причиной повышенного внимания ко мне со стороны Госбезопасности. Неожиданно для себя я стала кинозвездой. Разумеется, фильмы с моим участием демонстрировались лишь в очень узких кругах. В соседнем доме была установлена постоянно действующая кинокамера, которая фиксировала на пленку все мои приходы и уходы и все, что происходило в моей квартире. Тактика работы нового министра внутренних дел отличалась от тактики его предшественника. Теперь я была избавлена от непосредственных контактов с людьми, ведущими за мной слежку. Я дезинформировала полицейских-наблюдателей, устраивая для них танцевальные выступления или порно-шоу в импровизированном театре теней во время отключения электричества. Для этой же цели я переставила на другое место свой диван. Теперь, оставаясь в квартире одна, я услаждала своих соглядатаев изощренным мастурбационным зрелищем. Думаю, они вспоминают о нем до сих пор.

* * *

Моя упрямая язва вновь подходила к пищеводу, когда Марк вернулся с предложением. Он знал одного агента, имеющего связи с издателем. Этот издатель готов был взять на себя все расходы по моему отъезду из страны с фальшивым паспортом за право издать рассказ о радостях и кошмарах моей жизни.

Свою книгу я решила писать здесь, на Кубе. Я объяснила своему восторженному компаньону, который хотел во что бы то ни стало изменить мою жизнь, что необходимо было соблюдать

кое-какие предосторожности.

— Для того чтобы книга смогла появиться на свет, в первую очередь нужно постараться остаться незамеченными. Я не хочу, чтобы ты и "фантом" вместе были на острове. Он все уладит с журналистской визой, а я буду решать вопросы, связанные со встречами, с вывозом кассет и рукописей. Нужно заранее подготовить материал, чтобы обмануть Госбезопасность на тот случай, когда они всем этим займутся… Надо также продумать и записать вопросы и ответы, чтобы подсунуть их полицейским…

— О чем это ты? Мы что, готовим шпионскую операцию?

— Послушай меня, Марк. Все это необходимо сделать, чтобы избежать неприятностей. У вас не будет лишних проблем, и я смогу спокойно спать.

Латиноамериканец не в силах убедить северянина. Вероятно, у каждого из них непреодолимый комплекс собственного превосходства. Марк, как Пепе Абрантес, любил все самое лучшее. Для "работы" он снял дом в самом дорогом месте острова, на берегу моря, недалеко от дома, где жил Хемингуэй. Обычному кубинцу попасть в это место было практически невозможно. Для отдыха он забронировал два номера в отеле "Националь" — один для меня, другой для моего "фантома". Магнитофонные записи и фильмы он хранил в сейфе в своей комнате.

Через неделю Марк и мой "фантом" были арестованы, допрошены и выдворены.

"Фантом" не пожелал больше возвращаться, а Марк подумал, что, снимая квартиру в Варадеро и приезжая в Гавану ночью на "форде мустанге", взятом напрокат, он сможет остаться незамеченным… Он приезжал в то время, когда в Гаване отключали электричество. По его глазам было видно, что ему страшно. Я начинала нести всякую чушь, чтобы занять офицера Госбезопасности, в обязанности которого входило разбирать всю эту дикую англо-испанскую белиберду, подкрепленную красноречивыми жестами.

После трех арестов и высылок Марк больше не вернулся на Кубу. В последний раз он позвонил мне из Милана. Его силой затолкали в самолет.

— Не упусти случая сходить в "Ла Скалу"!

Отныне этим способом избавлялись от каждого журналиста, который смел приблизиться ко мне.

* * *

Я была полностью погружена в деятельность по разоблачению многочисленных преступлений моего отца, когда он сделал жест, свидетельствующий о его умении применять кубизм по отношению к самым обыденным вещам. С уверенностью могу сказать, что даже сам великий Пикассо не смог бы с ним тягаться в этом умении.

Однажды вечером мне позвонила мама:

— Меня собирается навестить подполковник из бюро Фиделя. Как ты думаешь, что ему от меня понадобилось?

Я, конечно же, не знала этого и пребывала в полной растерянности. Дождавшись этого посланца, я провела его по лестнице и оставила с мамой, которая была на грани нервного срыва. Наконец, гость объяснил причину своего прихода.

— Команданте отправил меня к вам, потому что завтра — день рождения его внучки, а он не знает, что ей подарить.

Моя мать застыла в немом восторге.

— Он, конечно, немного растерялся в выборе… Еще бы… Он не видел свою внучку тринадцать лет, — сказала я.

— Так вот, я подумал… Это моя инициатива… Вы ведь знаете, как трудно сейчас сделать хорошую фотографию… Нет фотопленки, нет бумаги… А у нас в бюро еще остался кое-какой материал… И потом, у нас есть очень хорошие фотографы. В общем, я подумал, что было бы неплохо сфотографировать малышку в день ее пятнадцатилетия. Что вы на это скажете?

Я уже видела Мюмин, сидящей среди расшитых подушек на атласном покрывале со скрещенными ногами и руками, подставленными под подбородок. Или позирующей перед зеркалом отеля "Ривьера" в кружевном платье, взятом на прокат во Дворце бракосочетаний.

Фотографировать своих дочерей в день их пятнадцатилетия — это своеобразный ритуал на Кубе.

Мюмин ненавидела такие фотографии.

— Моя дочь не любит фотографироваться. Скажите Команданте, что он поступит по-рыцарски, если подарит ей простой букет цветов.

И я предоставила маме возможность составить список предметов первой необходимости. В этот список вошли мешки извести и цемента для штукатурки стен, белая краска, а также несколько десятков кирпичей для укрепления стены. Подполковник старательно записывал все, что называла мама, прекрасно зная, что ничего подобного в его рапорте не появится.

В день рождения Мюмин телефон ожил после агонии, продлившейся три года. Верховный Команданте хотел знать, был ли кто-нибудь в доме. А в начале праздничного вечера появился

офицер с букетом цветов.

— Я целый день потратил, чтобы раздобыть этот подарок, — сказал он.

— Целый день? Но почему? Ведь это всего лишь букет цветов!

— Потому что в Гаване невозможно найти цветы. Мне пришлось ехать в Пинар дель Рио.

Я забыла, что исчезновение цветов было первым протестующим жестом экологии на происходящее вокруг. Я поклялась себе, что юность моей дочери не пройдет на этом острове, лишенном цветов.

* * *

Моя Гавана продолжала менять свой внешний вид и свое звучание. На стенах домов выскочили болезненные свищи — расплата за сорокалетнее пренебрежение. Фасад одного из зданий Малекона полностью обрушился, обнажив инфрачеловеческие условия жизни. Арки — гордость города, пристанище тени, даривше счастье игрокам в домино и предлагавшие гуляющим отдых от палящего тропического солнца, — поддерживались досками и балками, которые в любой момент могли обрушиться.

Ночью, чтобы спастись от темноты, когда отключался свет — а это длилось по восемь часов, — люди занимали тротуары, преодолевая усталость и оттягивая момент возвращения в густой зной квартиры, наполненной москитами. Воспоминание о душной комнате убивало всякое желание, а само слово "интимность" потеряло свой истинный смысл в спальне, где нечем было дышать. Личная жизнь многих горожан переместилась из спален на улицу, отчего город стал звучать по-иному. Ночная Гавана превратилась в гнездо разбушевавшихся страстей. Крики, стоны, смех и вздохи любви заглушали шум радио и вентиляторов. Они доминировали в ночном многоголосье. Парки ночного города открыли свои объятия всем влюбленным. Любовные пары предавались плотским наслаждениям без удержу, с каким-то остервенением, словно пытаясь таким образом заглушить тоску и тревогу. Шел 1993 год.

Глотая слюни при воспоминании о чашечке свежего кофе (а это вопрос жизни и смерти на острове) или о глотке водки из сахарного тростника (это другой очень важный вопрос), люди устраивались на улице и болтали обо всем и ни о чем, чтобы хоть как-то отвлечься от давящей темноты.

Полгода я прожила в состоянии философского отчуждения от

всего происходящего вокруг меня. Язва скрутила меня в три погибели — меня рвало кровью, боль не отступала ни на шаг. Напрасно мама израсходовала на медикаменты значительную часть суммы, оставшейся от продажи "Женщины-лошади" — язва не зарубцовывалась, кислотность не понижалась, боль не проходила.

Для защиты от сомнительных личностей и вынужденной бездеятельности я обучила свою дочь приемам, которыми пользовались индийские, японские или тибетские гуру. И теперь, отрабатывая технику их выполнения, Мюмин терроризировала свою бабушку.

Каждый вечер, когда отключали электричество, мы с дочерью устраивались на террасе дома моей матери и вбирали в себя звездный свет, космическую энергию и дыхание Вселенной. Но стоило нам выйти из своего убежища, как вновь подступало гнетущее чувство неудовлетворенности жизнью. Наверное, от этого можно сойти с ума, но я не впала в шизофрению, хоть уделяла много внимания африканским святым, беспрестанно предлагая им водку и сигары. Подозреваю, что мое настойчивое внимание дурно отразилось на состоянии их здоровья. Допускаю даже, что некоторых из них я окончательно споила.

Я была в отчаянии от того, что не могла изменить в лучшую сторону жизнь своей дочери. Я хотела увезти ее с Кубы, избавив тем самым от всех неприятностей, связанных с ее происхождением. Я слишком хорошо знала по себе, как дурно может отразиться наследственность на судьбе человека. И еще мне хотелось при первой же возможности удалиться от Мюмин, с тем чтобы она спокойно росла без моего присутствия до тех пор, пока я не залижу свои раны и окончательно не выздоровею. Моей дочери необходимо было видеть во мне сильную личность, чтобы и здесь, на острове, и за границей чувствовать себя уверенной и защищенной.

* * *

В одну из пятниц декабря ближе к полудню в мой дом вошло волшебство в образе пухленькой Мари Кармен. Ее появлению предшествовали знаки, которые подавал мне из Майами мой друг Освальдо. Но я стала относиться к нему с недоверием *с тех пор, как* на глазированной бумаге не без его участия меня увековечили в нижнем белье. Вероятно, на снимке меня хотели представить в образе копенгагенской Русалочки. Окруженная босоногой ребятней, я рассказывала о ценах на кошачье мясо на черном

рынке.

Когда я увидела, как из такси, остановившемся на самом краю нашей пресловутой выгребной ямы, возникла Мари Кармен, я сразу поняла, что назревает какое-то очень важное событие, которое перевернет всю мою жизнь. Я вышла на лестницу, чтобы успеть предупредить ее о необходимости сохранять молчание. За время постоянной слежки я, помимо своей воли, стала неукоснительно соблюдать меры предосторожности. Я пригласила ее на балкон, где мы стали говорить обо всем и ни о чем, работая на кинокамеры и микрофоны.

— Я привезла тебе несколько безделушек от Освальдо.

— Ах, да! Он обещал прислать мне аппарат для больных астмой и бестселлер.

— Это одна из лучших книг, изданных за последнее время в Испании. Да, Испания теперь входит в Европейское Экономическое Содружество.

Мы продолжали беседу в таком же духе до тех пор, пока я не пригласила свою гостью в дом, где хозяйничала моя бабушка Натика, обожавшая Освальдо. Устроившись на кухне, мы включили погромче радио и приступили к действию.

— Каков план действий? — спросила я у Мари Кармен.

— Я должна сделать твою фотографию для паспорта…

— Хорошо. Но я хотела бы ознакомиться *с* планом и знать, кто за всем этим стоит.

— Идея принадлежит Освальдо и Фернандо. Их поддержали Армандо Валадерес, Мари Пас и мадам Амо.

Армандо был тем самым человеком, который провел свою юность на острове в тюрьме для политзаключенных. Испанка Мари Пас принимала участие в организации побегов диссидентов. А высланная с острова мадам Амо год назад приняла участие в рискованной операции, помогая пилоту Лоренцо отыскать его жену и детей.

— Операция называется "Кузина". Для девушки, которая одолжит тебе свой паспорт, ты — двоюродная сестра Освальдо.

Я стала рассуждать вслух о том, что мне уже сорок лет, что жизнь давно загублена, что я не могу оставить здесь дочь.

— Что сделано, то уже сделано. Назад дороги нет. У тебя появилась реальная возможность сделать что-нибудь для будущего своей дочери.

— Не может ли вдруг оказаться, что за всем этим кто-то стоит?

Нет, за этим никого и ничего не стояло, кроме единственной проблемы: найти деньги и поддержку. Для решения этой проблемы, которой занимался Освальдо, требовалось какое-то

время.

Я испытывала к Мари Кармен чувство искренней благодарности и полностью ей доверяла. Она была мне ближе, чем кто бы то ни был. Эта слабая женщина рисковала своей жизнью из солидарности ко мне. Она была для меня настоящей волшебницей, потому что и в самом деле творила чудеса.

— Во вторник я должна отвезти паспорт в Мехико. В пятницу я его тебе верну. Твой самолет улетает в воскресенье вечером. Когда ты будешь в воздухе, девушка, одолжившая тебе свой паспорт, заявит в полицию о его потере. Так как посольство промедлит с оформлением документов, решено перенести вылет на среду.

В качестве наблюдателя и непосредственного участника операции выступал журналист из "Paris Match". В день вылета он должен был передать паспорт и багаж. Согласно плану, в аэропорт мы с ним должны были приехать вместе.

— Ты уверена, что эта новость останется неразглашенной с воскресенья до среды — дня вашего отъезда?

— "Paris Match" обещал сохранить все в тайне.

Идея с журналистом и нашей с ним совместной поездкой в аэропорт меня не вдохновляла, потому что я знала, что в министерстве внешних дел имелись подробные досье на каждого представителя прессы, приезжавшего на Кубу. В досье содержались сведения о политической и даже сексуальной ориентации журналистов. Я выразила опасение на этот счет, но Мари Кармен ответила, что в случае каких-то непредвиденных обстоятельств она имела право менять план по своему усмотрению. Пока мы с гостьей разговаривали, Мюмин входила и выходила из кухни, озаряя нас светом своих умных глаз. При ее появлении на сердце становилось теплее.

Мы с Мари Кармен вернулись в квартиру, чтобы сфотографировать меня. Я повесила простыни и установила лампы в самой хорошо освещенной комнате. Затем, водрузив на голову парик, привезенный моей волшебницей, я провела больше часа у зеркала, делая макияж. Вот когда я поняла, что участие в кубиноиспанских массовках и работа в Доме Моделей, сопровождаемая недоброжелательством и унижениями, не были напрасными: я прекрасно знала свое лицо. С помощью макияжа я могла измениться до неузнаваемости: словно на картине, я могла по своему желанию добавить света и формы, тени и рельефа.

Спустившись вниз, мы простились.

— В следующую субботу у малышки день рождения… Ты придешь? — спросила я.

— Обязательно, — ответила Мари Кармен.

Я не хотела, чтобы у моей дочери был испорчен праздник из-за интриги, достойной самого Джеймса Бонда, более сложной, чем все предшествующие операции — посещение тюрем для политзаключенных, покупка долларов или отправка крови за границу. Моя дочь росла, постоянно испытывая давление со стороны матриархов (бабушки и прабабушки), а также с моей стороны. Она выросла в этой конуре, куда постоянно приходили срочные послания из легиона притесняемых. Впервые за все время у меня был секрет от дочери.

После визита Мари Кармен Мюмин каждую ночь спала со мной. Мы засыпали с ней рука в руку в нашем любовном гнездышке, и я была уверена, что она обо всем знает. В день своего пятнадцатилетия Мюмин решила принять крещение. Вечером ватага подростков, также недавно принявших другую веру, танцевала в гараже дома моей мамы до тех пор, пока традиционно не погас свет.

Когда, совершенно обессиленные, мы с дочерью рухнули в кровать и оказались в объятиях друг друга, я сказала ей:

— Я завтра уезжаю, Мюмин. Я не говорила тебе об этом раньше, чтобы не испортить праздник. Но я клянусь тебе, что меньше чем через две недели мы снова будем вместе.

— Я знала об этом.

Мюмин безгранично верила мне. Она провела ночь в тревожном сне. Так, наверное, спал бы король Артур, если бы он открыл тайну Святого Грааля.

Я поступила немного опрометчиво, поручив ей прикрыть мой побег. Она должна была заставить думать соседей, что я все еще дома. Кроме того, ей предстояло усыпить болезненное любопытство моей матери.

Я тихонько поднялась и стала готовиться к предстоящей операции. Мне нужно было потренироваться в имитации подписи моего подставного лица и подготовиться к бесконечным допросам, вероятности которых я не исключала. А поскольку я решила в любом случае играть свою роль до конца, мне нужно было войти в образ той девушки, под чьим именем я собиралась пересечь границу.

К отъезду я начала готовиться заранее. Ту сумму, что еще оставалась от продажи картины, я истратила в дипломатических магазинах. Мне нужно было во что бы то ни стало усыпить бдительность тайной полиции. Разумеется, о том, чтобы я уезжала с Кубы в только что купленных кроссовках и майке, переодевшись туристкой, не могло быть и речи.

Мой парик вызывал у меня сомнения своим видом: он выглядел более противоестественным, чем тропический виноград.

Нужна была кепка, чтобы прикрыть его. Накануне я получила в подарок от Жаклин Кеннеди номер два бежевую атласную кепку Шанель. Этот редкий приступ щедрости со стороны моего биографа оказался как нельзя более кстати, потому что бежевая кепка великолепно сочеталась с коричневым плащом, который прислал мне Освальдо. Для завершения дела с подготовкой дорожного костюма нужны были светло-коричневые ботинки. Решив проблему с одеждой, я перешла к квартирному вопросу. Я попросила ключи от жилья у одной своей подруги, не раскрывая ей истинной причины своей просьбы:

— Я познакомилась с одним журналистом и хотела бы передать ему список заключенных до того, как его отсюда отправят.

На следующий день в одиннадцать часов утра мы с Мюмин были в гараже дома моей матери, в полных потемках, пытаясь разблокировать дверь с электрическим замком образца 1954 года. Взобравшись на крышу машины, я с помощью молотка пыталась сбить болты и гайки. Моя дочь стоически держала меня за ноги и следила за тем, чтобы в гараж не вошел кто-нибудь любопытный.

Несколько дней назад я заполнила багажник "лады" всем необходимым для моего переодевания. Добраться до квартиры моей подруги было не легче, чем разобраться в лабиринте Минотавра. Припарковавшись на довольно отдаленном расстоянии, мы стали пробираться по коридорам и лестницам дома, где находилась квартира моей подруги.

В то время, когда я была занята макияжем, а Мюмин молилась, в дверь позвонили. Это был журналист из "Paris Match". Навстречу ему вышла маска кабуки и пробормотала по-французски:

— Etes — vous mon compagnon?

— Ош…

Мужчина был побелевшим от страха. От него исходил сильный запах алкоголя. В одной руке он держал чемодан, а в другой — смятые бумаги и бутылку рома. Чемодан был моим сменным багажом, а макулатура — моим авиабилетом. Бутылка же, без всякого сомнения, играла важную роль в поддержании боевого духа нашего гостя. Как только я увидела его, я поняла, что если приеду в аэропорт вместе с ним, все пропадет.

— Отправляйтесь один, — сказала я ему. Приезжайте через четверть часа после меня, и если увидите меня в аэропорту, ни в коем случае не приближайтесь. В самолете, если я туда попаду, тоже держитесь от меня подальше. Не подходите ко мне раньше, чем через три часа полета, когда мы пересечем нейтральные воды.

Журналист торопливо покинул квартиру.

Я завершила макияж и еще раз придирчиво осмотрела свое новое лицо. У меня был мясистый рот, как у голливудских красоток. Я была довольна своей работой. Пора было подумать о транспорте. Я попросила Мюмин, чтобы она заказала по телефону такси из туристического агентства. Поскольку все телефоны-автоматы в округе были разбиты, моей дочери пришлось немало побегать в поисках телефона. Когда такси подъехало, вернулась и Мюмин. Она провела меня до машины. Я отдала вещи водителю и, стараясь произносить слова с испанским акцентом, сказала дочери:

— А ну-ка, сестренка, прекрати, hombre! Немедленно перестань плакать! Осталось потерпеть совсем чуть-чуть! У нас с тобой все будет отлично! Не сомневайся!

И я крепко обняла свою дочь, стараясь передать ей всю силу своей любви.

Когда мы уже почти подъезжали к аэропорту, я достала из сумки свою последнюю карту. Это был флакон духов "Шанель № 19", который должен был оглушить, ослепить и лишить обоняния всех агентов Госбезопасности, отвечавших за аэропорт. Первой жертвой французской парфюмерии оказался таксист: он лишился дара речи и перестал расспрашивать меня о том, как попасть из Мадрида в Виго.

— Это почти так же, как добраться из Гаваны на этот чудесный пляж Варадеро! — в очень раскованной и естественной манере ответила я водителю, не смутившись от того, что не заглядывала в карту Испании с самого детства…

Щедрые чаевые в долларах убедили таксиста высадить меня возле стойки регистрации пассажиров, улетающих в Иберию. Я не имела ни малейшего понятия о том, в какую очередь мне следовало становиться. Мой водитель вошел в зал ожидания и громко спросил:

— Где очередь на Иберию?

Мое появление вызвало шок у агентов Госбезопасности: они увидели перед собой красивую девушку. Кроме яркой внешности, она обращала на себя внимание концентрированным запахом духов. Все оборачивались на нее. Так, привлекая всеобщее внимание, я прошла незамеченной. Мари Кармен ходила взад и вперед, не в силах уйти, не убедившись, что я поднялась по трапу самолета.

Я вошла в "аквариум" с книгой Генри Миллера и села в ожидании посадки.

Через час я была свободна. Я могла еще различить через иллюминатор силуэт Мари Кармен. Я помахала ей на прощание

рукой.

Через несколько минут самолет взлетел. Я улетала, оставив на острове страдать от одиночества и ожидания свою дочь. Я была сорокалетней Золушкой, рассекающей воздушное пространство в иберийском самолете. Моим кучером был пилот, а каретой — место в салоне для курящих…

Литературно-художественное издание Серия "Тайны XX века"

Художественный редактор *В. Ф. Шашков*

Технический редактор *О. И. Богданович*

Корректор *Е. М. Масарновский*

Подписано в печать 28.10.99. Формат 84x108 1/32. Бумага газетная. Печать офсетная. Гарнитура "Таймс". Усл. печ. *л.* 18,69. Уч. — изд. л. 12,86. Тираж 5000 экз. Зак. 2461.

ООО "Родиола-плюс".

Лицензия ЛВ 289 от 30.04.98.

220141, Минск, ул. Никифорова, 8.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика в типографии издательства "Белорусский Дом печати". 220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ТАЙНЫ XX ВЕКА

Мой отец – ФИДЕЛЬ КАСТРО

На исходе XX века Куба остается последним оплотом социализма в Западном полушарии. Вот уже несколько десятилетий ее бессменным лидером является Фидель Кастро, имя которого по-прежнему на слуху у миллионов людей во всем мире. Его дочь, Алина Фернандес, появившаяся на свет в 1957 году, в своих мемуарах подробно и откровенно рассказывает о том, каким был ее знаменитый отец, о своих непростых отношениях с ним, о жизни на Острове Свободы.

ISBN 985-448-013-5